

КЛИФФОРД РАЙМАК

ВЕТЕР

ЧУЖОГО

МИРА

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Клиффорд Саймак
Ветер чужого мира

«Азбука-Аттикус»

1951

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Саймак К. Д.

Ветер чужого мира / К. Д. Саймак — «Азбука-Аттикус»,
1951 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-20442-3

Клиффорд Дональд Саймак – один из «крестных детей» знаменитого Джона Кэмпбелла, редактора журнала «Astounding Science Fiction», где зажглись многие звезды «золотого века научной фантастики». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Брэдбери. Мировую славу ему принес роман в новеллах «Город» (две новеллы из него вошли в этот сборник). За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“». Эта книга – второй том полного собрания сочинений Мастера в малом жанре. Некоторые произведения, вошедшие в сборник, переведены впервые, а некоторые публикуются в новом переводе. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20442-3

© Саймак К. Д., 1951
© Азбука-Аттикус, 1951

Содержание

Без своей жизни	8
Кораблик в бутылке	30
Эпоха сокровищ	46
1	46
2	51
3	55
4	58
5	62
Костер в пещере	64
Мы просто ходим по улицам	76
Кольты в кактусах	83
Послание с Марса	93
1	93
2	97
3	102
4	106
5	111
Новый вид связи	114
1	114
2	116
3	119
4	120
5	123
6	126
7	131
8	133
9	134
Герой не должен умереть	137
Космические твари	146
1	146
2	150
3	154
4	157
5	161
Подарок	164
Поющий колодец	169
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Клиффорд Саймак

Ветер чужого мира

(Повести, рассказы)

- © Е. Алексеева, перевод, 2018
 - © О. Г. Битов (наследник), перевод, 2021
 - © Н. Галь (наследник), перевод, 2021
 - © В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2004, 2005
 - © Т. В. Гордеева (наследники), перевод, 2005
 - © И. Б. Иванов, перевод, 2006
 - © А. Д. Иорданский (наследник), перевод, 2021
 - © М. В. Клеветенко, перевод, 2018
 - © В. В. Ковальчук, перевод, 2006
 - © А. И. Корженевский, перевод, 1984, 2005
 - © К. М. Королев, перевод, 2021
 - © Г. Л. Корчагин, перевод, 2021
 - © А. А. Кузнецова, перевод, 2006
 - © В. Мидянин, перевод, 2005
 - © К. П. Плешков, перевод, 2021
 - © А. С. Полошак, перевод, 2021
 - © И. А. Тетерина, перевод, 2006
 - © А. В. Филонов, перевод, 2005
 - © В. Г. Яковлева, перевод, 2006
 - © Д. А. Жуков (наследники), перевод, 2021
 - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
- Издательство АЗБУКА®

* * *

Без своей жизни

Мама с папой ссорились. Не то чтобы очень серьезно, но шумели они изрядно. Их перебранка длится уже несколько недель.

– Не можем мы вот так сразу бросить все и уехать! – громко сказала мама. – Так дела не делаются. Надо подумать хорошенько, прежде чем срывать с места, где провел всю свою жизнь.

– Я уже думал! – еще громче ответил папа. – Много думал! С того дня, как инопланетяне начали путаться под ногами. Вчера еще одно семейство приехало и поселилось в доме, где раньше жили Пирсы.

– Откуда ты знаешь, что на какой-то фермерской планете нам будет лучше? – спросила мама. – А если окажется еще хуже?

– Хуже, чем здесь, просто не бывает! Если бы нам хоть в чем-то везло! Честно скажу, мое терпение вот-вот лопнет!

Ей-богу, папа ни вот на столько не преувеличивал, говоря о нашем невезении. Помидоры в этом году не уродились, сдохли две коровы, медведь не только сожрал весь мед, но и разломал ульи... Вдобавок испортился трактор, и его ремонт влетит нам в семьдесят восемь долларов и девяносто центов.

– Каждому в чем-то не везет, – упрямылась мама.

– Каждому, только не Энди Картеру! – взвился папа. – Как это получается, только все ему нипочем, за что бы он ни взялся. По-моему, если Энди даже в лужу шлепнется, подыметесь из нее, усыпанный алмазами.

– Ну я не знаю... – Мама пожала плечами. – Еды нам хватает, голыми не ходим, и крыша над головой имеется. Может, в наше-то время не стоит ждать от жизни большего.

– Почему не стоит? – ответил папа. – Человек не может довольствоваться только тем, чтоб сводить концы с концами. Я ночами не сплю, голову ломаю, что бы такое сотворить да как бы нам жизнь улучшить. Чего только не придумывал – ничего не вышло. Даже с адаптированным марсианским горохом. Посадил его на песчаном участке, не почва – золото. Прямотаки специально насыпана для марсианского гороха... Ну и как, выросло хоть что-нибудь?

– Нет, – ответила мама, – насколько я помню, нет.

– А на следующий год Энди Картер посадил тот же самый горох на том же самом месте, только за забором. Так он унести не мог свой урожай!

Это уж точно. Да и что касается фермерской ссоры – разве может Энди сравниться с папой! Только за что бы папа ни брался, ничего не получается. Но стоит Энди повторить вслед за папой – все выходит как нельзя лучше.

Впрочем, это касается не только нас, но и всех наших соседей. Все в прогаре, один Энди в выигрыше.

– Запомни, – повторил папа, – еще одна неудача – и я бросаю это дело. Попробуем начать все сначала на какой-нибудь из фермерских планет...

Дальше можно было не слушать.

Я незаметно выскользнул за дверь и, шагая по дороге, с сожалением подумал, что когда-нибудь он действительно решит эмигрировать, как многие наши старые соседи.

Может, переселиться на новое место не так и плохо, но, когда я прикидывал, что для этого придется покинуть Землю, мне становилось не по себе. Все эти планеты страшно далеко, и неизвестно, хватит ли у нас сил вернуться, если там не понравится? Кроме того, здесь все мои друзья. Конечно, они инопланетяне, только мне с ними очень интересно.

От этой мысли я даже слегка вздрогнул, впервые ясно представив, что все мои друзья – инопланетяне. Мне с ними так здорово, что я никогда не задумывался, кто они.

Мне казалось немного странным, когда папа с мамой говорили, что скоро на Земле народу станет меньше, – ведь все покинутые хозяйства по соседству покупали инопланетяне. У них просто выбора нет – все внешние колонии Земли для них закрыты.

Я как раз проходил мимо фермы Картеров и углядел, что в саду деревья ломаются под тяжестью плодов. Я подумал, что надо будет сюда заглянуть, когда они созреют. Конечно, в таких делах следует осторожничать, потому что Энди Картер – человек очень противный, а садовник его, Оззи Бернс, и того хуже. Помню, Энди однажды нас накрыл, когда мы забрались к нему за дынями, и я, удирая, запутался в колючей проволоке. Энди меня тогда поколотил, на что, собственно, имел право, но чтобы идти к папе и требовать с него за эту пару дынь семь долларов... Папа заплатил, а потом выпорол меня почище, чем Энди.

Выпорол и сказал, что Энди не сосед, а сплошное расстройство. Правильно сказал.

Я дошел до дома, где раньше жили Адамсы, и увидел во дворе Чистюлю. Он висел в воздухе и подбрасывал старый баскетбольный мяч. Мы зовем его Чистюлей, потому что не можем выговорить настоящего имени. Некоторых инопланетян очень странно зовут.

Чистюля был нарядным, как обычно. Он всегда нарядный, потому что, когда играет вместе с нами, не пачкает одежду. Мама меня ругает, почему и я не могу быть таким же чистым и опрятным. А я ей отвечаю, что чистым легко оставаться тому, кто висит в воздухе, а не ходит по земле. Ведь если Чистюля хочет швырнуть в вас комком грязи, ему не нужно даже руки пачкать.

В это воскресенье на нем была голубая рубашка, вроде как шелковая, и красные штаны – похоже, бархатные, а светлые волосы он перевязал зеленой лентой, которая развевалась на ветру. На первый взгляд Чистюля немножко напоминал девчонку, но не советую ему об этом говорить, он вам не простит. Я в этом убедился на собственной шкуре в первый же день, как мы познакомились. Он вывалял меня в грязи и даже пальцем ко мне не притронулся. Сидел себе по-турецки в воздухе, футах в трех от земли, со сладенькой улыбочкой на противной роже, а светло-желтые волосы развевались по ветру... Хуже всего было то, что я ничего не мог с ним сделать в ответ.

Но это было давно очень, а теперь мы хорошие друзья.

Мы поиграли в мяч, но нам скоро надоело. А потом из дома вышел папа Чистюли и сказал, что рад меня видеть, и спросил, как дела у родителей и хорошо ли работает после ремонта трактор. Отвечал я ему очень вежливо, потому что, честно говоря, немножко его побаивался.

Дело в том, что он малость чудной – не внешне, а по тому, как ведет хозяйство. И хотя он не похож на фермера, с хозяйством отлично управляется. Папа Чистюли никогда не пользуется плугом, просто сидит в воздухе, скрестив ноги, и плывет над полем туда, потом обратно, а на том месте, над которым он проплыл, земля мелкая, как пудра. Вот так и работает. На его поле нет даже сорняков, потому что ему достаточно проплывать над грядкой, и сорняки уже лежат в борозде, вырванные с корнями.

Можете представить, что он сделает с любым из нас, если поймает во время хулиганства, поэтому мы стараемся быть вежливыми и осторожными, когда он поблизости.

Так что я ему рассказал и о нашем тракторе, и об ульях. А потом спросил, как у него дела с машиной времени, но папа Чистюли в ответ лишь грустно покачал головой.

– Даже и не знаю, что происходит, Стив, – сказал он. – Я опускаю в нее разные предметы, и они исчезают, а потом не могу их найти, хотя и должен бы. Может, я слишком далеко перемещаю предметы во времени?

Думаю, он бы рассказал мне еще про свою машину, но тут нам помешали.

Пока мы разговаривали с папой Чистюли, их пес загнал кота на клен. Обычное дело, если поблизости нет Чистюли. При нем все идет шиворот-навыворот. Значит, Чистюля дотянулся до дерева – не руками, конечно, а мысленно, – поймал кота, свернул его в клубок, так что тот

пошевелиться не мог, и опустил на землю. Придерживая пса, который бился и вырывался, он сунул ему под нос когта и одновременно освободил обоих животных.

Раздался такой вопль, какого я не слыхивал. Кот молниеносно взлетел на дерево, едва не содрав с него кору. А пес, не успев вовремя затормозить, на полном ходу врезался носом в ствол.

Кот в это время уже орал на самой вершине, будто его резали, а пес обалдело носился вокруг дерева.

Папа Чистюля молча посмотрел на сына. Он ничего не сделал, даже слова не сказал, но Чистюля побледнел и как будто съежился.

– Сколько раз повторять, чтобы ты оставил этих животных в покое, – наконец сказал он. – Ты видел, чтобы Стив или Мохнатик над ними издевались?

– Не видел, – пробормотал Чистюля.

– Идите, – сказал папа Чистюля, – и займитесь своими делами.

Ну, значит, пошли мы – то есть я плелся по дороге, подымая пыль, а Чистюля плыл по воздуху рядом. Мы двинулись к Мохнатику, которого застали перед домом. Он сидел и ждал, уверенный, что рано или поздно кто-нибудь из нас пройдет мимо. На плече у него чирикали пара воробьев, рядом с ним скакал кролик, а из кармана выглядывала белочка, поблескивая глазами-бусинками.

Мы с Мохнатином уселись под деревом, а Чистюля устроился около нас – он тоже почти сидел, то есть висел дюймах в трех над землей. Мы соображали, куда отправиться, но ничего путного в голову не шло, так что мы просто сидели и болтали, кидали камешки, жевали травинку, а зверьки Мохнатика бегали вокруг нас, ничуть не боясь. Они немного сторонятся Чистюли, а ко мне, если рядом Мохнатик, подходят без опаски.

Меня вовсе не удивляет, что зверьки любят Мохнатика: он и сам покрыт гладкой блестящей шерсткой, и на нем только такие маленькие трусики. Если его отпустить без этих трусиков, его смогут по ошибке подстрелить.

Значит, мы соображали, чем бы заняться, и тут я вспомнил, что папа говорил о какой-то новой семье, которая поселилась у Пирсов. Мы решили пойти туда и узнать: а нет ли у них детей?

Оказалось, что они привезли мальчика нашего возраста. Этот мальчик был немного угловатый, невысокого роста, с большими круглыми глазами, но мне он сразу понравился.

Он сказал нам, как его зовут, но его имя оказалось еще труднее, чем имена Мохнатика и Чистюли, так что мы немного посоветались и решили называть его Малыш. Это имя очень ему подходило.

Потом Малыш позвал своих родителей и по очереди всех их представил. Мы познакомились с его папой, мамой, с маленьким братишкой и младшей сестрой, похожей на него самого. Потом его родственники вернулись в дом, только папа присел с нами поболтать и сказал, что не слишком уверен в своих земледельческих способностях; по профессии он вообще не фермер, а оптик. Папа Малыша объяснил нам, что оптик – это тот, кто вырезает и шлифует линзы. Но у его профессии нет перспективы на их родной планете. И еще добавил, что очень доволен, перебравшись на Землю, и постарается быть нам хорошим соседом, и много всякой ерунды в таком же роде.

В общем, мы дождались, когда он замолчит, и смылись. Нет ничего хуже, если взрослый пристанет и его приходится сидеть и слушать.

Мы решили показать Малышу окрестности и посвятить его в наши дела. Перво-наперво мы отправились в Черную Долину, но шли медленно, потому что нам все время докучал кто-нибудь из любимцев Мохнатика. Вскоре мы напоминали бродячий зоопарк: кролики, белки, черепахи и еще какие-то зверьки.

Я, конечно, люблю Мохнатика, и мне с ним интересно, однако должен признаться, что он усложняет мою жизнь. До того как он здесь появился, я частенько ловил рыбу и охотился, а теперь не могу выстрелить в белку или поймать карася без того, чтобы не подумать – а вдруг это один из друзей Мохнатика.

Вскоре мы дошли до ручья, где находилась наша ящерица. Мы откапывали ее все лето, с небольшими, правда, результатами, но не теряли надежды, что в один прекрасный день извлечем ее на поверхность. Вы, конечно, понимаете, что я говорю не о живой ящерице, а об окаменевшей миллионы лет назад. В месте, где ручей протекает через слоистую известняковую плиту. И ящерица застряла как раз между двумя такими слоями. Мы уже откопали четыре или пять футов ее хвоста и вгрызались все глубже, но нам было все труднее и все больше камня приходилось отбивать.

Чистюля поднялся в воздух над известняковым выступом, застыл неподвижно, сосредоточился, а потом ударил изо всех своих мысленных сил – конечно, так, чтобы не повредить ящерицу. Он постарался на славу и отбил крупный кусок плиты. Пока Чистюля отдыхал, мы втроем собирали и отгаскивали камни.

Но один камень мы не смогли сдвинуть с места.

– Ударь по нему еще раз, – сказал я Чистюле, – он разлетится на кусочки, и мы их вытащим.

– Я его отбил, а вы уж сами думайте, что с ним теперь делать, – ответил он.

Спорить с ним было бесполезно. Мы втроем ухватились за эту глыбину, но она даже не дрогнула. А этот нахал сидел себе, ни о чем не беспокоясь, и только забавлялся, наблюдая, как мы надрываемся.

– Поищите какой-нибудь лом, – посоветовал он. – С ломом, наверное, справитесь.

Мне Чистюля уже порядком надоел. И чтобы хоть на минуту от него отдохнуть, я согласился, сказав, что пойду за ломом. А этот новенький, Малыш, решил идти со мной. Мы выбрались обратно на дорогу и направились ко мне. Мы не торопились. Ничего с Чистюлей не делается, если он подождет.

Мы шли с Малышом по дороге и болтали. Он рассказывал мне о своей родной планете, а я рассказывал ему о Земле. Я чувствовал, что мы быстро подружимся.

Когда мы проходили мимо сада Картеров, Малыш внезапно остановился посреди дороги и напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь. Поскольку я шел позади, то врезался в него, но он даже не пошевелился, хотя я крепко в него впилился. Его глаза блестели, и весь он был так возбужден, что аж дрожал.

– Что случилось? – спросил я.

Малыш пристально разглядывал что-то в саду. Я посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел.

Вдруг он резко повернулся, перепрыгнул через забор на другой стороне дороги и помчался по полю напротив сада Картера. Я побежал следом, догнал Малыша у самой границы леса, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

– Что случилось? – крикнул я. – Куда ты так летишь?

– Домой, за ружьем!

– За ружьем? А зачем тебе ружье?

– Там же их полно! Надо всех уничтожить!

Тут он, кажется, сообразил, что я ничего не понимаю.

– Хочешь сказать, что не видел?

Я кивнул и растерянно пробормотал:

– Там же никого не было...

– Да нет, их там много! – сказал он. – Только ты их, наверное, не видишь. Как и взрослые, которые теряют умение видеть...

Такого мне еще никто и никогда не говорил. Я сунул ему кулак под нос, и тогда он принялся тараторить, объясняя:

– Они видны только детям. И приносят несчастье. Нельзя, чтобы они спокойно жили рядом, иначе не миновать неприятностей...

Так сразу поверить я не мог, понять – тем более. Впрочем, видя, что вытворяют Чистюля с Мохнатиком, я давно перестал удивляться и утверждать, будто на свете есть что-то невозможное.

Немного подумав, я согласился, что Малыш, может быть, и прав. Нас давно уже преследовали всякие неприятности, а ведь никогда так не бывает, чтобы людям все время не везло – если только кто-нибудь специально не мешает им нормально жить.

Да и не только нам. Всем, буквально всем соседям не везло – за исключением Энди Картера. Видно, Энди слишком плохой человек, даже чтоб его неудачи преследовали.

– Ладно, – сказал я, – пошли за твоим ружьем.

Я прикидывал, как же выглядит это потрясное ружье, из которого можно стрелять по цели, которой даже не видно?

Мы добежали до его дома так быстро, что сами не поверили. Папа Малыша сидел под деревом. Малыш подошел к нему и начал что-то говорить, но я ничего не понимал.

Папа немного послушал его, а потом сказал:

– Ты должен говорить на здешнем языке, иначе это очень невежливо с твоей стороны. Если хочешь стать хорошим гражданином этой большой и прекрасной планеты, ты должен пользоваться ее языком, перенимать ее обычаи и стараться жить так, как живут ее обитатели.

Одно могу сказать: папа Малыша умел выбирать слова!

– Скажите, пожалуйста, – спросил я, – правда, что эти невидимки приносят несчастье?

– Правда, – ответил папа Малыша. – На нашей планете они здорово нам досаждали.

– Папа, – спросил Малыш, – можно взять ружье?

– Не торопись, – ответил его папа. – Все надо тщательно проверить. Там, у нас, ситуация была ясной. Но здесь могут существовать иные обычаи. Не исключено, что человек, которому они принадлежат, станет возражать против их уничтожения.

– Но разве они – чья-то собственность? – возразил я. – Как можно владеть тем, чего даже не видно?

– Я имел в виду владельца фермы, где они появились.

– Энди Картера? Но ведь он о них не знает.

– Не имеет значения, – ответил папа Малыша. – Мне кажется, что тут возникнет серьезная этическая проблема. На нашей планете этих созданий все ненавидели. Но здесь может оказаться иначе. Видишь ли, тому, кого они себе выберут хозяином, они очень полезны.

– То есть Энди они приносят удачу? – спросил я. – А мне казалось, вы говорили, что с ними одни неприятности.

– Да, они приносят несчастье всем, кроме хозяина. У них такое правило: счастье для одного – несчастье для остальных. Потому на нашей планете никто и не позволял им у себя поселиться.

– Значит, вы думаете, что они выбрали себе Энди и поэтому ему везет?

– Ты абсолютно прав, – сказал папа Малыша. – Ты прекрасно уловил суть дела.

– Так почему бы прямо сейчас не пойти и не истребить их всех?

– А этот мистер Картер не будет иметь ничего против?

– Ну, ничего хорошего от него ждать не приходится. Он нас наверняка прогонит раньше, чем мы завершим дело наполовину. Но ведь потом можно тайком вернуться и...

– Исключено, – возмутился папа Малыша.

Папа Малыша прямо-таки терпеть не мог нечестных поступков. Он, наверное, умер бы от стыда, если б его засекли за хулиганством.

– Так нельзя, – сказал он. – Это будет в высшей степени неэтично. Как ты думаешь, Стив, знай Картер, что они у него на ферме, он захотел бы с ними расстаться?

– Я уверен, что нет. Он только о себе и думает.

Папа Малыша тяжело вздохнул и встал:

– Стив, твой отец сейчас дома?

– Наверняка.

– Пойдем поговорим с ним. Он здесь родился, он честный человек и посоветует нам, как поступить.

– Скажите, пожалуйста, – спросил я, – а как вы их называете?

– У них есть название, но его не перевести на ваш язык. Понимаешь, оно связано с тем, что они не находятся ни здесь, ни там, а как бы на границе, между... Да, можно назвать их граничниками.

– По-моему, хорошее объяснение, и слово...

– Да, – подтвердил папа Малыша, – давай их так и называть.

Мой папа обалдел почище моего, когда узнал о них, но чем больше он слушал папу Малыша и чем сильнее задумывался, тем больше убеждался, что его не обманывают.

– Наверное, вы правы, – наконец сказал он. – Ведь за что ни возьмешься, ничего не выходит. Признаться, злость меня разбирает, когда я вижу, что мне ничего не удастся, а этому Картеру везет во всем.

– Меня очень беспокоит, – сказал папа Малыша, – что мы обнаружили граничников на вашей планете. У нас их много, да и на соседних планетах; но я никогда не думал, что они забрались так далеко.

– Одно непонятно, – сказал мой папа, раскуривая трубку и присаживаясь, – почему мы их не видим, если они здесь, рядом.

– Существует вполне научное объяснение, но его, к сожалению, нельзя выразить на вашем языке. Они живут как бы в иной фазе, хотя и это не совсем правильно. Взгляд ребенка пронизателен, ум распахнут, поэтому может увидеть нечто, буквально капельку, сверх действительности. Вот почему граничников видят только дети. Я в детстве тоже их видел и даже уничтожил немало. Должен вам сказать, что на нашей планете поиски и постоянное истребление граничников входят в обязанности детей.

– А ты их видел? – Папа повернулся ко мне.

– Нет, папа, не видел.

– И вы тоже не видели? – спросил он у папы Малыша.

– Я утратил возможность видеть граничников много лет назад. Что касается вашего мальчика, то, возможно, только дети некоторых рас...

– Но это значит, что граничники нас видят? Иначе как они могут приносить счастье или несчастье?

– Несомненно, нас они видят. Это бесспорный факт, ведь ученые нашей планеты с давних пор исследуют этих существ.

– Еще один вопрос: как они выбирают себе хозяев? И что они с этого имеют?

– Это окончательно не выяснено, – ответил папа Малыша. – Но на этот счет имеется много гипотез, и одна из них гласит, что собственной жизни у граничников нет, и, чтобы существовать, они должны иметь постоянный образец. С него они копируют и внешность, и чувства, напоминая паразитов.

Тут папа остановил его. Он уже изрядно запутался, и ему необходимо было поразмыслить вслух.

– Не думаю, – сказал папа, – что они делают это за так. Должна существовать конкретная причина – как, впрочем, в любой работе. Все делается по определенному плану, все имеет свою цель. И если внимательно приглядеться, плохих дел вообще не существует. Может, несчастья,

которые приносят граничники, – частицы большого и важного плана? Может, они помогают нам воспитывать характер?

Честное слово, я впервые слышал, чтобы папа так рассуждал, да еще сидя с папой Малыша.

– Я тоже пытался объяснить их существование, но не думал о том, что вы сейчас сказали.

– А может, граничники – кочевые племена, которые просто перебираются с места на место? Поживут себе немного, а потом отправляются дальше?

Папа Малыша грустно покачал головой:

– К сожалению, этого почти никогда не происходит.

– Очень давно, когда я был маленьким, – сказал папа, – мы с мамой, то есть с твоей бабушкой, Стив, поехали в город. Хорошо помню, как я стоял перед огромной витриной, полной игрушек, зная, что никогда мне их не купят, а так хотелось получить хоть одну. Может, они тоже стоят за огромным стеклом и смотрят на нас, на что-то надеясь?

– Очень образное сравнение, – с явным восхищением сказал папа Малыша.

– Что касается меня, – продолжал мой папа, – то ваше слово для меня свято, и я ни в коем случае не хочу усомниться в том, что вы нам рассказали...

– Но вы сомневаетесь, и я вас за это не осуждаю. Наверное, вы поверите, когда Стив подтвердит, что видел их?

– Пожалуй, так, – подумав, ответил папа.

– До того как мы переселились на Землю, я работал в оптической промышленности. Вероятно, мне удастся подобрать и отшлифовать линзы, чтобы он мог увидеть граничников. Я ничего не гарантирую, но игра стоит свеч. Он еще в том возрасте, когда дети видят сверх действительности. Возможно, его зрение требует лишь небольшой коррекции.

– Если вам удастся помочь ему и Стив увидит граничников, я поверю без малейших сомнений.

– Сейчас же принимаюсь за дело, – пообещал папа Малыша.

Папа долго смотрел, как Малыш и его папа идут по дороге, а потом покачал головой:

– Некоторые инопланетяне проповедуют странные теории. Приходится все время быть настороже, чтобы не дать себя провести.

– Но они говорят правду! – воскликнул я.

Папа молча сидел и думал, и мне казалось, что я вижу, как в его голове крутятся маленькие колесики и шестеренки.

– Чем дальше все это взвешиваю, тем правдоподобнее оно выглядит. Когда-то счастье и несчастье были поделены поровну, по справедливости. Потом, допустим, появилось нечто, безразлично что, и отдало все счастье одному человеку. Значит, всем прочим, и нам тоже, осталось одно несчастье.

К сожалению, мои колесики крутились медленнее папиных, и чем дольше я слушал, тем меньше понимал.

– Предположим, – продолжал он, – проблема сводится к обычному состязанию. Что для одного человека везение – то для другого неудача. Скажем, все хотят иметь интересную книгу. Для того, кто ее достанет, – это победа, для других – поражение. Как с тем медведем: для того, чей улей остался цел, – это счастье, удача, а для того, чей разрушен, – сплошные расстройства. Опять же, сломался трактор...

Папа долго мог так говорить, но не думаю, что он сам во все это верил. Мы оба понимали, что за словами стоит что-то более существенное.

Чистюля и Мохнатик здорово рассердились на меня за то, что я не принес лом. Они заявили, что я их попросту надул, но я ответил, что совсем нет, и, чтобы они поверили, рассказал, что случилось. Может, следовало держать язык за зубами, но, в конце концов, это не имело значения. Во всяком случае, мы сразу помирились, и вообще стало весело. Те двое взя-

лись подшучивать над Малышом насчет граничников, но он никак не реагировал, и его оставили в покое.

Каникулы мы провели просто здорово. Сначала была ящерица, а потом появилась семья скунсов; они влюбились в Мохнатика и следовали за ним по пятам. В один из дней Чистюля увел из сарая Энди все машины. Энди носился по ферме и с ума сходил от злости. Все бы хорошо, только ни нас, ни наших соседей не оставляли неудачи. Ну а когда рухнул наш сеновал, отец прямо заявил, что папа Малыша был прав. Мама едва удержала его, а то он собрался идти к Энди Картеру и всыпать ему как следует.

На день рождения родители подарили мне телебиовизор, чего я, признаться, не ожидал. Я давно о нем мечтал, но ведь это дорогая штука, а после трактора и сеновала лишних денег совсем не было.

Вы, конечно, знаете, что такое телебиовизор. Он вроде телевизора, но гораздо лучше. По телевизору можно только смотреть передачу, а телебиовизор позволяет переживать ее вместе с героями. Надеваешь на голову шлем, выбираешь нужную программу, включаешь визор и приемник и переживаешь то, что видишь.

Он не требует особого воображения – все уже готово для вас: действие, звук, запах и даже ощущения, например, когда до тебя дотрагиваются.

Мне подарили детский телебиовизор, и он принимал только детские программы. Но мне их вполне хватало, чтоб еще переживать всю эту ерунду для взрослых!

Я все утро просидел с телебиовизором. Сначала посмотрел программу, которая называлась «Покоряем иные миры», – о земной исследовательской экспедиции, высадившейся на далекой планете, потом про охоту в джунглях, а в конце «Робин Гуд», и он мне больше всего понравился.

Я был страшно доволен своим телебиовизором и решил похвастаться перед ребятами, поэтому пошел к Чистюле. Но я не успел ему ничего показать. Не дойдя до калитки, я увидел, как по воздуху плывет Чистюля, а рядом с ним несчастный замученный кот, над которым Чистюля все время издевался. Кот не мог даже пошевелиться, я только видел его расширенные от ужаса глаза.

– Эй, Чистюля! – крикнул я.

Он приложил палец к губам, делая мне знак молчать, а другим пальцем поманил к себе. Я перепрыгнул через забор, а Чистюля опустился на землю.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Он ушел и забыл запереть на замок сарай, – шепнул он.

– Кто ушел?

– Мой папа. Понимаешь? Он забыл запереть старый сарай.

– Но ведь там...

– Вот именно. В нем он держит свою машину времени.

– Чистюля! Ты что, собираешься сунуть туда кота?

– Почему бы и нет? Папа никогда не опускал в нее ничего живого. Посмотрим, что получится.

Мне его идея не понравилась, но уж очень хотелось посмотреть машину времени. Интересно узнать, как она выглядит. Ведь папа Чистюли ее никому не показывал.

– Что, – спросил Чистюля, – трусишь?

– Нет, но как же кот?

– Тоже мне! Подумаешь, кот...

Действительно, это был всего лишь кот. Я двинулся за Чистюлей, и мы проскользнули в сарай, прикрыв за собой дверь. В центре сарая стояла машина времени. Она не выглядела как-то особенно: обычная воронка, хоть и большая, а в одном широком месте обмотанная множеством проволочек. К специальному колесу крепился примитивный пульт управления, который

с помощью разноцветных проводов соединился с воронкой. Высотой машина доставала мне до груди, поэтому я снял телевизор и положил на ее край, чтобы заглянуть внутрь. В это время Чистюля включил питание, и я отскочил как ошпаренный, потому что в самом деле от неожиданности испугался.

Постояв чуток, я вернулся, чтобы заглянуть еще раз. Внутри воронки крутился водоворот из сметаны: густой, жирный, блестящий и... живой! В нем виднелась жизнь! И так потянуло меня броситься туда вниз головой, что пришлось изо всех сил держаться за край воронки, чтобы этого не сделать. Кто знает, может, я в конце концов и прыгнул бы, но кот у Чистюли неожиданно высвободился. Не знаю, как ему удалось, ведь он был свернут в клубок и буквально застегнут на пуговицу. Может, Чистюля зазевался, но, я думаю, кот понял, что его ожидало. Так или иначе, он висел над воронкой машины, а Чистюля приготовился его туда сбросить. Вот тогда-то коту удалось вывернуться, и он заорал, распушив хвост и загребая лапами воздух, чтобы не упасть в водоворот. В последний момент, уже падая, он ухитрился как-то извернуться и когтями одной лапы зацепиться за край воронки, а другой – за мой телевизор. Я вскрикнул и потянулся, чтобы спасти аппарат, но было поздно: он упал в белую кашу и тут же исчез. А кот, взобравшись по столбу, сидел на одной из перекладин, громко мяукая.

Тут открылась дверь, и появился папа Чистюли. Я подумал, что теперь уж мне здорово влетит, но он молча смотрел то на Чистюлю, то на меня, а потом сказал:

– Стив, выйди, пожалуйста.

Я выскочил за дверь так быстро, как только мог, но через плечо еще раз оглянулся – Чистюля побледнел и задрожал. Я знал, что его ожидает наказание, и, хоть он его вполне заслужил, мне стало Чистюлю жалко. Но даже останься я – чем бы ему это помогло? Так что я был доволен тем, что вышел сухим из воды. Но потом понял, что о везении говорить рано.

Не знаю, наверное, с перепугу, но я пошел прямо домой и рассказал папе всю правду. Папа снял ремень и задал мне перцу. Мне показалось, делал он это без особой охоты, потому что и ему надоели проделки инопланетян.

Несколько дней я сидел дома. Ведь если куда пойти, придется проходить мимо дома Чистюли, а мне не хотелось с ним встречаться, по крайней мере сейчас.

Скучно было очень, и я готов был расплакаться, но тут пришел Малыш со своим папой и принес очки.

– Не знаю, подойдет или нет, – сказал папа Малыша. – Я шлифовал их на глазок.

Очки ничем не отличались от обычных, только стекла были исчерчены прерывистыми линиями, разбегающимися во все стороны. Я надел очки – они оказались чуть великоваты, но с носа не падали. Я огляделся; двор был таким же, как всегда... только чуть-чуть странным. Понимаете, стоял отличный августовский день, светило солнце, но когда я надел очки, то вокруг как будто потемнело и стало холодно. И еще меня охватило непонятное чувство, от которого я весь передернулся. Да, свет был какой-то странный, но это чувство, что я нигде не нахожусь... Плохое оно было или нет – я не мог бы объяснить, спроси меня кто-нибудь.

– Ну, что видно, сынок? – спросил папа.

– Все стало каким-то непривычным.

– Покажи-ка мне. – Он снял с меня очки и надел их сам.

– Ничего особенного не вижу, – сказал он. – Только все вокруг перекрашено.

– Я же вам говорил, – сказал папа Малыша, – видеть иначе могут только дети. Мы с вами слишком прочно вросли в действительность.

Папа снял очки, покрутил в руках.

– Видел граничников? – спросил он.

Я покачал головой.

– Здесь их нет, – объяснил Малыш.

– Чтобы увидеть граничников, – добавил папа Малыша, – надо идти к Картеру.

– Ну так кого же мы ждем? – спросил папа.

И мы вчетвером отправились к Картерам.

В доме никого не было. Странно, ведь всегда кто-то оставался – или сам Картер, или его жена, или садовник Оззи Бернс, даже когда они уезжали в город или куда еще.

Мы стояли на дороге, а Малыш внимательно высматривал, но не заметил граничников ни в саду, ни в поле. Папа нетерпеливо покашлял. Я знал, о чем он думает, – о том, что инопланетяне сыграли над ним шутку. Но в этот момент Малыш очень взволнованно сказал, что видит граничников на краю пастбища – там, где начинались леса Черной Долины и где стоит сарай Энди.

– Дайте своему мальчику очки, – сказал папа Малыша, – чтобы и он мог посмотреть.

Папа протянул их мне. Сначала я не различал даже знакомых деталей, но скоро привык к очкам и в самом деле увидел на дальнем краю пастбища движущиеся фигуры, похожие на людей, но очень странные, напоминающие клочки дыма. Я подумал даже, что если дунуть как следует, то они растворятся.

– Видишь что-нибудь? – спросил папа.

Я ответил, что вижу, а он, задумавшись, потер подбородок так сильно, что у него аж щетина закрипела под пальцами.

– Никого поблизости не видно, так что мы можем туда спокойно подойти, – сказал он. – Пусть Стив к ним как следует присмотрится.

– Вы считаете, что мы не нарушим порядок? – озабоченно спросил папа Малыша. – Наши действия не посчитают неэтичными?

– Вообще-то посчитают, – ответил папа, – но, если быстро управиться, Энди о них даже не узнает.

Так что мы перелезли через забор и лесом подобрались к месту, где видели граничников. Шли мы медленно, продираясь сквозь заросли ежевики, тяжелые от черных блестящих ягод, и как можно тише, но вдруг Малыш толкнул меня в бок и торопливо шепнул:

– Смотри, вот они.

Я нацепил очки и увидел...

На окраине луга, за лесом, стояло гумно Энди – просто крыша на сеновале. Гумно было старое, полуразвалившееся. Энди стоял на крыше и перебирал какие-то доски, а по лестнице, ее придерживала миссис Картер, карабкался Оззи Бернс с охапкой досок на плече. Энди присел и протянул руки, принимая доски. Вот почему их дом оказался заперт – они втроем занимались починкой крыши!

Вокруг них крутились штук двадцать граничников. Часть болтались около Энди на крыше, пара-тройка стояли рядом с Оззи на ступеньках, а остальные помогали миссис Картер поддерживать лестницу. Они сустились вокруг, и каждый до отвращения напоминал Энди. Какого-то четкого сходства не было. Но каждая из бестелесных фигур, буквально каждая, была приземиста и похожа на бульдога, как Энди. И даже походка их напоминала его раскачивающуюся походку, и проглядывала в ней подлая натура Энди.

Лестница косо стояла на неровном месте, поэтому ее надо было держать.

Пока я на них смотрел, Оззи Бернс уже передал Энди доски, а сам поднялся на крышу. Конечно же, миссис Картер отвернулась от лестницы, потому что Оззи уже ничего не грозило.

Энди присел на корточки, раскладывая доски, потом выпрямился, посмотрел в сторону леса и увидел нас.

– Что вы там глазеете? – рявкнул он и тут же полез вниз по лестнице. Он сделал два шага, когда началось самое удивительное. Постараюсь рассказывать помедленнее и поподробнее.

Для меня все выглядело так, будто одна лестница превратилась в две. Первая продолжала стоять, крепко опираясь на крышу. Я хотел крикнуть, предостеречь его – правда, не знаю зачем. Ведь если б он упал и свернул себе шею, мне от этого ни холодно ни жарко.

Но только я собрался крикнуть, двое граничников бросились к гумну, и... вторая лестница... исчезла. Вот она поползла по крыше, вместе с вцепившимся в нее вторым Энди, который уже трясся от страха, и вдруг из двух опять получилась одна лестница и один Энди.

Я стоял, дрожа, не сомневаясь, что видел все не понарошку, но сам, если бы мне рассказали, ни за что бы в подобное не поверил. Постояв еще немного, я понял, что углядел одновременно два варианта событий: вариант, в котором лестница должна была упасть, и вариант, в котором она не упала, потому что граничники ее удержали. Теперь я своими глазами убедился, как работает счастье Энди. Вернее, как устраняется несчастье. Впрочем, как ни говори, Энди всегда в выигрыше. Вот и сейчас он был уже на последней ступеньке лестницы, а вокруг него – граничники: одни подпрыгивали, другие прямо-таки падали сверху, и будь они людьми, они бы и костей не собрали после таких падений.

Папа вышел из леса на луг, я следом за ним. Мы знали, в какую историю ввязываемся, но мы не из трусливых. Сзади шли испуганные Малыш и его папа. Энди двинул нам навстречу, и, как видно, отнюдь не с мирными намерениями. А вокруг него толпились граничники, нелепо размахивая руками, как и их хозяин.

– Энди, – примирительно начал папа, – будем благоразумными...

Должен заметить, что слова эти дались ему с большим трудом. Ведь папа ненавидел Энди Картера, как не знаю что, и имел на то уйму оснований. В течение всех последних лет Энди оставался самым мерзким соседом, какого только можно себе представить.

– Это кто тут говорит о благоразумии! – заорал Энди на папу. – Ты? А я слышал, что ты рассказываешь байки, что, мол, все твои неудачи из-за меня. Я тебе прямо скажу – невезение тут ни при чем. Самая обычная бездарность: ты просто ни на что не годен. А если ты воображаешь, что своей болтовней что-нибудь изменишь, то глубоко ошибаешься. Не иначе как наслушался разных глупостей от инопланетян. Будь это в моей власти, я бы выгнал их всех с Земли.

Папа быстро шагнул вперед, и я решил, что Энди сейчас получит свое, но папа Малыша успел подскочить и схватить за руку моего папу.

– Нет! – крикнул он. – Не бейте его! Лучше уйдем отсюда.

Папа стоял, раздумывая, кому из них врезать первому.

– Ты никогда мне не нравился, – продолжал Энди. – С первой минуты, как я тебя увидел, я понял, что ты бездельник. Так оно и есть. Да разве порядочный человек станет водиться с инопланетянами? Впрочем, ты ничем не лучше их. А теперь убирайся, и чтоб ноги твоей здесь больше не было.

Папа вырвал руку, так что папа Малыша аж завертелся, и замахнулся. Я увидел, как голова Энди медленно наклоняется и опускается на плечо. На мгновение показалось даже, что у него появилась вторая голова. Я понял, что снова вижу «предотвращение» несчастного случая, но теперь это был не тот случай.

На сей раз граничники не успели уберечь Энди от опасности, ведь они имели дело не с медленно сползающей лестницей. Раздался звук, будто морозным утром ударили по полену обухом топора. Голова Энди дернулась, он потерял равновесие и повалился на спину. Над ним тут же склонились граничники, причем с такими глупыми физиономиями, каких я еще никогда ни у кого не видел. Теперь их можно было брать голыми руками. Папа повернулся, взял меня за рукав, потянул и сказал:

– Пойдем, Стив. Нам здесь нечего больше делать. – Тихо так сказал, но спокойно и с ноткой гордости. – Бог свидетель, – пояснил он, пока мы не спеша шли, даже не оглядываясь, – что я крепился все пятнадцать лет, с того дня, как увидел его.

Я вспомнил о Малыше и папе Малыша, но их и след простыл. Но папе я не напомнил, чувствуя, что дружеских чувств он к ним сейчас не питает.

Впрочем, я напрасно за них беспокоился – они ждали нас у дороги, запыхавшиеся и исцарапанные, видимо, усиленно продирались сквозь заросли.

– Рад, – сказал папа Малыша, – что у вас все в порядке.

– Не о чем тут говорить, – холодно отрезал папа и даже не остановился, крепко сжав мою руку.

Мне пришлось идти следом.

Дома мы сразу прошли на кухню напиться воды.

– Стив, очки у тебя? – спросил папа.

Я вытащил их из кармана и отдал ему, а он положил их на полочку над раковиной.

– Пусть лежат здесь, – строго сказал он, – и чтобы ты их больше не надевал! Понял?

– Да, папа, – ответил я.

Честно говоря, я надеялся, что он как следует разозлится. Я боялся, что после всего случившегося он вернется к разговору об одной из фермерских планет, а раз не сердится, только молчит, то уже принял окончательное решение переселиться. Но он даже словом не обмолвился о ссоре с Энди, как и о фермерских планетах. Он молчал и продолжал злиться, но, я думаю, на Малыша и его папу.

Я долго размышлял над тем, что видел на лугу у Энди. И чем упорнее размышлял, тем сильнее убеждался, что раскрыл секрет граничников. Я вспоминал лестницу и два разных события, происходивших одновременно. Выходило, что я заглянул в будущее, то есть увидел, как лестница будет падать. Но она не упала, так как граничники, зная, что произойдет, удержали ее и вернули на место. Из этого следовало, что граничники видят дальше во времени и предотвращают события, которые могут произойти.

Вот, значит, на чем основано везение Энди и наше невезение: граничники предвидели плохие события и предотвращали их. Но не всегда. Ведь папа врезал Энди, а им не удалось его уберечь, хотя они и пытались. Из этого я сделал вывод, что им тоже везет не всегда, и сразу как-то легче стало. И еще я подумал, что им достаточно увидеть, что нас ожидает удача, и они тут же перевернут все с ног на голову. Предположим, они живут немного в будущем, секунды на две вперед, и их отделяет от нас только разница во времени.

Меня озадачивал другой вопрос: почему я видел два момента одновременно? Ясное дело, ни Малыш, ни его родственники не наделены такой способностью, иначе рассказали бы о граничниках подробнее, ведь их изучали на планете Малыша многие годы, но, как я понял, так и не выяснили, как они действуют.

Возможно, папа Малыша, делая очки, отшлифовал линзы лучше, чем хотел. Он мог добавить им какие-то свойства или что-то еще с ними сделать, сам того не зная. А может быть, человеческое зрение отличается от их зрения, но, соединившись с их оптикой, получилось нечто неожиданное. Я постоянно думал об этом, но крутился на одном и том же месте.

Несколько дней я сидел дома, чтобы не встречаться с Малышом, поддерживая честь семьи, и поэтому не видел жуткого скандала между Чистюлей и Мохнатином.

Дело в том, что Мохнатик не мог дальше смотреть, как Чистюля мучает несчастного кота, и решил проучить Чистюлю. Мохнатик поймал скунса, постриг и покрасил его так, что скунс ничем не отличался от кота. Потом забрался к Чистюле и незаметно поменял животных. Но скунс не хотел оставаться у Чистюли, потому что жил у Мохнатика, причем хотел как можно скорее вернуться домой. Поэтому дал деру. Как раз в этот момент Чистюля выглянул во двор и увидел, что скунс протискивается под калитку. Решив, что кот собирался от него сбежать, он поймал зверя, свернул в клубок и подбросил вверх, чтобы проучить. Скунс взлетел высоко в воздух, а приземлился прямо на голову Чистюли, который парил на высоте двух футов! Скунс, ничего не соображая от страха, вцепился в Чистюлю когтями и использовал весь свой арсенал защитных средств. Впервые в жизни Чистюля грохнулся о землю и испачкался, как другие ребята.

Я дал бы миллион долларов, чтобы это увидеть.

И только через неделю после того, как Чистюлю кое-как привели в порядок, рядом с ним снова можно было сидеть, не зажимая носа.

Папа Чистюли помчался выяснять отношения с папой Мохнатика, и они так классно поскандалили, что все хохотали неделю.

Таким вот образом остался я без приятелей. С Малышом мы еще не помирились, а чтобы играть с Чистюлей или Мохнатиком – я не был настолько глуп. Я знал, что их ссора еще не кончилась, и не стал вмешиваться, чтобы не занимать чьей-то стороны.

Признаться, было очень обидно; каникулы заканчивались, а тут и поиграть не с кем, и телебиовизора нет. Дни улетали один за другим, а я жалел каждую минуту.

В один прекрасный день приехал шериф.

Мы с папой работали во дворе и пытались наладить сноповязалку. Папа давно грозился купить новую, но после всех наших невезух покупать было не на что.

– Добрый день, Генри, – поздоровался шериф.

Папа кивнул в ответ.

– Слышал, у тебя недоразумения с соседями.

– Можно и так назвать, – ответил папа. – Просто я недавно дал одному из них в морду, вот и все.

– На его собственной ферме, так?

Папа оставил в покое сноповязалку и, сидя на корточках, посмотрел на шерифа:

– Это Энди пожаловался?

– Он заезжал ко мне и рассказал, что новая семья инопланетян наболтала тебе какую-то чушь о каких-то тварях, которые всем приносят беды и которых он якобы держит при себе.

– Надеюсь, ты выбил из его головы эту чушь?

– Я человек мирный, – сказал шериф, – и мне не доставляет удовольствия наблюдать, как соседи ссорятся. Я ответил ему, что для начала поговорю с тобой.

– Давай, – кивнул папа, – говори.

– Послушай, Генри, ты и сам знаешь, что вся эта болтовня о существах, приносящих беды, – ерунда. Меня удивляет другое: как ты мог на это клюнуть?

Папа медленно поднялся, лицо его перекопилось от злости, и я даже подумал, что он сейчас стукнет и шерифа. Честно говоря, я здорово испугался, потому что шерифов бить нельзя.

Я так и не узнал, что он собирался сделать – может, только пару слов сказать.

На своем старом грузовичке подкатил папа Мохнатика. Он хотел остановиться за машиной шерифа, но не рассчитал и врезался в нее так сильно, что та проехала юзом футов шесть.

Шериф бросился за калитку.

– Черт побери! – закричал он. – Тут у вас даже машину оставить опасно.

Мы оба побежали за ним. Я – потому что назревала драка, а папа – так мне показалось, – чтобы в случае чего помочь папе Мохнатика. Но самое удивительное – папа Мохнатика, вместо того чтобы сидеть в кабине тихо и ждать шерифа, выскочил на дорогу и помчался навстречу нам.

– Мне сказали, что вас можно найти здесь, – выпалил он, тяжело дыша.

– Вот вы и нашли, – рявкнул шериф, чуть не лопааясь от злости. – А теперь...

– Мой мальчик пропал! – сообщил папа Мохнатика. – Он не пришел домой ночевать!

Шериф мигом успокоился, взял его за плечо и сказал:

– Не волнуйтесь, лучше подробно расскажите, что произошло.

– Он ушел из дома вчера рано утром и не вернулся к обеду. Мы не беспокоились – он часто исчезает на целый день, у него в лесу много друзей...

– И ночевать он тоже не пришел?

Папа Мохнатика кивнул:

– Когда стемнело, мы забеспокоились. Я отправился его искать, но безрезультатно. Он как в воду канул. Я решил, что он проведет ночь в лесу, надеялся, что он явится утром, – ничего подобного.

– Положитесь на меня, – сказал шериф. – Мы поднимем на ноги всю округу и организуем поиск. Мы найдем его, обязательно найдем! – Он повернулся ко мне. – Ты знаешь этого мальчика? Ты дружишь с ним?

– Конечно, – ответил я.

– Тогда проведи нас по всем местам, где вы играли. Для начала осмотрим их.

– Я обзвоню соседей, чтобы собрались здесь, – сказал папа и пошел к дому.

Не прошло и часа, как набежало человек сто. Шериф разделил их на группы, в каждой назначил старшего и дал задания, где искать.

Меня шериф взял в свою группу, и мы отправились в Черную Долину. Я показал им ящерицу, потом место, где мы начали копать пещеру, и место на реке, где Мохнатик подружился с огромной форелью, и все остальные места. Мы обнаружили старые следы Мохнатика, и ни одного свежего, хотя прошли вверх по ручью до запруды, где он впадает в реку. Когда мы возвращались, уже стемнело, а я страшно устал.

Неожиданно мне в голову пришла ужасная мысль. Я старался ее отогнать, но так и не смог. Весь остаток пути я размышлял – может ли поместиться в воронку машины времени такой парень, как Мохнатик?

Мама накормила меня ужином и отправила спать, но потом зашла поцеловать, чего давно не делала. Она считает, что я уже достаточно взрослый, но сегодня вечером почему-то зашла.

Потом она спустилась вниз, а я лежал и прислушивался к голосам мужчин во дворе. Большинство еще продолжали поиски. Я понимал, что должен быть с ними, но вместе с тем знал, что мама не пустит, и в глубине души был рад. Я буквально падал с ног от усталости, а вечером в лесу к тому же страшно.

Наверное, в любую другую ночь я бы сразу заснул, но сейчас у меня перед глазами стояла воронка этой машины. Я пытался представить, что будет, когда кто-нибудь расскажет шерифу о ссоре между Чистюлей и Мохнатиком. А если ему уже рассказали, то шериф наверняка сейчас заглядывает в воронку, ведь не дурак же он.

Потом я подумал: а не рассказать ли мне все самому?

Наверное, я заснул; но когда проснулся, мне показалось, что я вообще не спал. Было еще темно, а сквозь окно лился пугающий красноватый свет. Я сел в кровати, и у меня волосы встали дыбом. В первое мгновение я решил, что горит наш сеновал или сарай, но потом сообразил, что пожар где-то дальше. Я вскочил и подбежал к окну. Горело что-то большое и совсем недалеко.

Похоже, что горело у Картеров, хотя я сразу смекнул, что это невозможно, потому как несчастье могло случиться с кем угодно, только не с Энди. Разве что он застрахован.

Я спустился по лестнице босиком и увидел, что мама стоит у открытой двери и смотрит на пожар.

– Что случилось, мама? – спросил я.

– Это сеновал Картеров. Они звонили соседям, просили помощи, но никого нет, все ищут Мохнатика.

Мы стояли и смотрели на пожар, пока он почти не угас, и тогда мама снова отправила меня в постель.

Я залез под одеяло и стал переваривать новую порцию впечатлений. Я думал, что странно: месяцами ничего не происходит, а тут так сразу, да и с сеновалом Энди тоже не все чисто. Энди был самым удачливым человеком в округе, и вдруг без всякого предупреждения на него свалилось такое несчастье. Я спросил себя: а не покинули ли его граничники, и если да, то почему? Может, он просто надоел им?

Когда я снова проснулся, было ясное утро. Я быстро оделся и спустился узнать новости о Мохнатике.

Но мама ответила, что мужчины до сих пор его ищут. Она приготовила мне завтрак, заставила все съесть и запретила уходить далеко или присоединяться к группам, направляющимся в лес. Она сказала, что это опасно, потому что в лесу полно медведей. Мне стало смешно, ведь мама никогда не пугала меня медведями.

Но она взяла с меня честное слово. Пообещав ей, что далеко не уйду, я со всех ног помчался к Картерам посмотреть на остатки сеновала и с кем-нибудь поговорить. Собственно, оставался только Малыш.

У Картеров смотреть было не на что. Черные, обугленные головешки местами еще тлели. Я стоял на дороге, когда Энди вышел из дома. Он остановился и зыркнул на меня так, что я быстро смылся, как только мог.

Я проскочил мимо дома Чистюли, смотря себе под ноги, надеясь, что не встречу его. Мне не хотелось иметь с ним ничего общего, не то что разговаривать.

Я добежал до дома Малыша, и его мама сказала, что Малыш болен, но не заразно, и я могу зайти его навестить. Малыш лежал в постели и очень обрадовался моему приходу. Я спросил, как он себя чувствует, и он ответил, что уже лучше. Он заставил меня поклясться, что я не расскажу его маме, а потом прошептал мне на ухо, что объелся зеленых яблок из сада Картера.

О том, что случилось с Мохнатиком, он слышал, и я рассказал ему о своих подозрениях.

Малыш долго лежал и молчал, пока торжественно не заявил:

– Стив, я давно хотел тебе сказать: это не машина времени.

– Не машина времени? Откуда ты знаешь?

– Я видел предметы, которые папа Чистюли туда опускал. Они там так и лежат.

– Ты видел... – Тут до меня дошло. – Значит, они там же, где и граничники?

– Именно это я и хотел сказать, – заговорщически ответил Малыш.

Сидя на краю кровати, я пытался переварить его открытие, но вопросов в голове становилось все больше, столько, что разобраться в них я не мог.

– Малыш, – спросил я, – а где оно, то место? Ну, место, где находятся граничники?

– Не знаю. Где-то недалеко, совсем рядом. Почти в нашем мире, но не совсем.

И тут я вспомнил, что говорил папа две недели назад.

– Значит, их мир и наш разделены чем-то вроде стекла?

– Да вроде бы.

– А если Мохнатик там, что они с ним сделают?

– Не знаю, – вздрогнул Малыш.

– Как он себя там чувствует? Может ли он дышать?

– Наверное, может, – сказал Малыш. – Они ведь тоже дышат.

Я встал и пошел к двери, но на полпути остановился и спросил:

– Скажи, чем занимаются граничники, что им здесь нужно?

– Никто не знает точно. Говорят, что они вынуждены находиться рядом с другими живыми существами, чтобы жить самим. У них нет своей собственной жизни. И они ищут себе чужую жизнь, чтобы унаследовать ее, но и это не совсем так.

– Им нужен какой-то образец, – сказал я, вспомнив, что говорил папа Малыша.

– Можно и так сказать, – ответил Малыш.

Я подумал о том, какая скучная жизнь граничников, имеющих в качестве образца Энди Картера. Но возможно, я ошибался; ведь когда я их видел на крыше, они были счастливы, крутились себе на крыше, и каждый из них выглядел как Энди. Ну а как еще можно выглядеть, когда живешь рядом с ним?

Я направился к двери.

– Куда ты, Стив? – спросил Малыш.

– Искать Мохнатика.

– Я с тобой.

– Нет. Тебе надо лежать.

Я побежал домой, размышляя о том, что граничники не имеют собственной жизни, что им нужен образец, все равно какой.

Если встречается человек с хорошей и интересной жизнью, им везет. И человеку, которого они выбрали, везет во всем – ведь они хорошие помощники. Я подумал: скольким людям хорошо живется благодаря граничникам. И какой бы это был для них удар, если бы они вдруг узнали, что стали великими, богатыми или знаменитыми благодаря чужим усилиям и способностям, благодаря существам – граничникам.

Я пошел на кухню, к раковине.

– Это ты, Стив? – крикнула мама из комнаты.

– Да. Я хочу пить.

– Где ты был?

– Тут, недалеко.

– Только никуда не убегай, – еще раз предупредила мама.

– Нет, мам, не убегу.

Я влез на стул, достал очки, которые папа положил на полку, предупредив, чтобы я их больше не трогал, и сунул в карман.

Услышав мамины шаги, я тихо выскользнул за дверь. Очки я надел только возле изгороди Картеров. Я шел по дороге вдоль забора, внимательно всматриваясь, когда наконец заметил в закутке сада группу граничников. Они ссорились из-за чего-то, явно меня не замечая, пока я не подобрался совсем близко. Тогда они повернулись, и я сообразил, что они разговаривают меж собой, показывая на меня. У одного из них на голове, сдвинутый на лоб, был надет мой телебиовизор.

Значит, Малыш действительно видел предметы, которые папа Чистюли опускал в свою машину.

Поначалу граничники, кажется, не догадывались, что я их вижу, и стали спокойно приближаться. Я почувствовал, как волосы у меня встают дыбом. С большой охотой я бы повернулся и удрал. Но тут же вспомнил, что они не могут мне ничего сделать, и перестал их бояться.

Они видели, что я без оружия, а может, даже и не знали о ружье папы Малыша. Они вертелись вокруг меня совсем как стая ворон. Те тоже смело приближаются к безоружному, но держатся подальше от человека с ружьем в руках.

Я заметил, что граничники шевелят губами, показывая на мой телебиовизор. Но конечно, не слышал ни слова. Я не обращал внимания на их жесты, рассматривал их и думал, что с ними случилось. Может, я встретил другую стайку, не ту, что на лугу у Энди, или они здорово изменились? Они еще напоминали Энди, но больше – кого-то другого, и очень знакомого.

Наконец я заметил, как многозначительно они показывают на мой телебиовизор, а потом на свои головы, и догадался, что каждый просит телебиовизор для себя. Я не знал, что им отвечать, но тут они расступились: кто-то сзади толкнул их, и... я оказался лицом к лицу с Мохнатиком. Мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не шевелясь. А потом он шагнул вперед, и я шагнул вперед, так что едва не стукнулись носами. Я испугался, что сейчас пройду сквозь него. Интересно, что бы тогда случилось? Наверное, ничего особенного.

– Ну как ты? Все в порядке? – спросил я, надеясь, что, даже если он не услышит, хотя бы прочтает по моим губам то, что я ему говорю, но он покачал головой. Спросил еще раз медленнее, выговаривая слова как можно четче. Но он вновь покачал головой. Мне пришла в голову другая идея. Я принялся выводить пальцем на невидимом стекле, которое нас разделяло.

ЧТО С ТОБОЙ? Я писал медленно, потому что ему приходилось читать задом наперед. Он не понял, я написал еще раз, и тут-то он сообразил, в чем дело.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ, – ответил он и медленно дописал: **ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА!**

Я стоял и смотрел на него, и это было ужасно, потому что он находился там, а я не знал, как его оттуда вытащить. Видимо, он прочитал мои мысли, потому что подбородок у него затрясся, и я впервые увидел Мохнатика плачущим. А ведь он не плакал даже при раскопках ящерицы, когда тяжелый камень упал ему на ногу.

Я догадался, как это, должно быть, страшно: сидеть там и все видеть, но самому оставаться невидимым. Может, он даже вертелся среди тех, кто его искал, в надежде, что его случайно заметят. Или, еще хуже, шел рядом со своим папой, а папа даже не догадывался. Наверное, он ходил домой и смотрел на свою семью, что было просто ужасно, ведь они не знали о его присутствии. И уж, надо думать, он искал Малыша, который мог его увидеть, но Малыш лежал дома больной.

У меня вдруг появилась одна идея. Сначала я подумал, что ничего из нее не выйдет, но чем дальше я вдумывался, тем хитроумнее мне казался мой план.

Я написал Мохнатику: **ВСТРЕТИМСЯ У ЧИСТЮЛИ.**

Сунул очки в карман и помчался домой. Я пробрался в дом через сад, боясь, что мама меня заметит и больше уже не отпустит. Потом пролез в сарай, достал длинную веревку и, отыскав ножовку по металлу, вынул полотно. Все это я захватил с собой, направившись к Чистюле. Их сарай стоял за сеновалом, так что из дома меня не видели, а впрочем, дома никого и не было. Я знал, что папа Чистюли, а может, и сам Чистюля ищут Мохнатика вместе со всеми, ведь они могут подняться в воздух над местами, куда никому не забраться.

Положив на землю веревку и пилку, я надел очки и у самых дверей сарая увидел Мохнатика. С ним было несколько граничников, в том числе и тот, с моим телебиовизором на голове. А вокруг сарая, как предполагал Малыш, валялись тарелки, кружки, деревяшки и много всякого другого хлама, который папа Чистюли опускал в машину времени.

Я еще раз посмотрел на граничников и понял, что в них изменилось: они напоминали Мохнатика. Поэтому-то и сгорел сеновал Картеров: граничники теперь следовали за Мохнатиком и перестали защищать Энди. Ясное дело, им интереснее с настоящим живым существом, который среди них, чем с неуклюжим Энди, на которого приходится смотреть через стекло.

Я снял очки, сунул в карман и принялся за работу. Перепилить дужку замка оказалось не очень легко. Сталь была дьявольски твердая, а пилка тупая. Я боялся, что она сломается, прежде чем я закончу, и злился на себя за то, что не взял хотя бы пару запасных.

Я страшно шумел, потому что забыл захватить масло, но меня никто не засек.

Перепилив, я открыл дверь и вошел в сарай, где стояла машина времени. Я спрятал веревку и подошел к пульту, чтобы разобраться, и легко включил машину. В воронке забулькала белая пена. Я достал веревку, надел очки и страшно испугался. Сарай стоял на небольшом склоне, пол приподнимался на три-четыре фута над землей, поэтому мне показалось, что я вишу в воздухе.

У меня возникло такое ощущение, что я вот-вот упаду. Конечно, я знал, что мне ничего не грозит, – ведь я стоял на невидимом, но настоящем полу. Знать-то я знал, но меня не покидало неприятное, похожее на сон ощущение, что сейчас я шлепнусь.

И что самое ужасное, подо мной стоял Мохнатик – его голова находилась на уровне моих ботинок. Он очень хотел выбраться и знаками показывал мне, чтобы я поскорее вытащил его.

Я очень осторожно опустил веревку в воронку и сразу почувствовал, как ее тянет и всасывает в себя белый водоворот. Я посмотрел вниз и увидел, что веревка свисает над местом, где стоит Мохнатик. Он подпрыгнул, схватился за нее, и я сразу почувствовал его немалый вес.

Мохнатик был примерно моего роста, может, чуть пониже, и я прикинул, что тянуть мне придется его изо всех сил. Я намотал веревку на руку, чтобы она не выскользнула, и потянул,

но веревка даже с места не двинулась, будто ее привязали к дому. Я присел и пригляделся к подставке машины. Удивительно, но веревка доходила до самого конца горловины воронки, потом прерывалась на фут или два и снова продолжалась. За этот нижний ее кусок и держался Мохнатик. Выглядело это очень странно, ведь веревка должна опускаться в мир граничников одной непрерывной линией, но она по пути куда-то сворачивала.

Вот почему я не мог его вытащить. Вот почему можно бросить в машину времени любой предмет, но обратно достать уже нельзя.

Я смотрел на Мохнатика, а он на меня. Вид у него был настолько жалкий, что до меня дошло: он все видит и все понимает.

И тут заскрипела дверь сарая. Я вскочил, не выпуская веревки из рук. В дверях стоял папа Чистюли. Он был очень сердит, что меня не удивило.

– Стив, – сказал он, с трудом сдерживаясь. – Я, кажется, говорил тебе, чтобы ты сюда не входил.

– Да, – воскликнул я, – но там Мохнатик.

– Мохнатик?! – переспросил он, а потом понизил голос: – Ты, кажется, не соображаешь, что говоришь! Каким образом он мог туда попасть?

– Не знаю, – ответил я, хотя знал и мог бы ему рассказать, только очень растерялся.

– На тебе очки, которые сделал папа Малыша? Ты видишь Мохнатика?

– Вижу, – кивнул я, – как на ладони.

И отпустил веревку, чтобы снять очки. Вережка молниеносно ускользнула в воронку.

– Стив, – сказал папа Чистюли, – скажи, пожалуйста, правду: ты не выдумываешь? Не шутишь?

Он страшно побледнел, и я знал, о чем он думает: если Мохнатик угодил в машину, то виноват прежде всего он.

– Чтоб мне провалиться! – ответил я.

Видимо, этой клятвы оказалось достаточно, так как он выключил машину и вышел. Я за ним.

– Подожди меня здесь, – сказал он. – Я сейчас вернусь.

Он стремительно взмыл над лесом, и я тут же потерял его из виду.

Я сел, опершись спиной о стену сарая, и настроение у меня было ужасное. Я знал, что должен надеть очки, но специально не вынимал их из кармана, потому что не представлял себе, как посмотрю Мохнатику в глаза.

Я боялся, что все потеряно; ни я, ни кто другой на свете не спасет Мохнатика. Он пропал для нас навсегда. И даже хуже чем пропал.

Сидя так, я выдумывал разные страшные наказания, которые обязательно применю к Чистюле. Я не сомневался, что это он, открыв сарай, скрутил Мохнатика, словно кота, и бросил в воронку машины.

Его разозлила история со скунсом, перекрашенным в кота, я, как только узнал о ней, не сомневался, что он не отстанет от Мохнатика, пока не сведет с ним счеты.

Пока размышлял, появился папа Чистюли, а с ним запыхавшийся Чистюля, шериф, папа Малыша и другие соседи. Шериф подошел ко мне, схватил за плечо и сильно встряхнул.

– Что означает весь этот бред? – рявкнул он. – Предупреждаю, парень: эта история для тебя плохо кончится, если окажется, что ты над нами смеешься.

Я попытался вырваться, но он меня не отпускал. Тогда к нему подошел мой папа и толкнул в грудь так, что шериф отлетел в сторону.

– Не трогай мальчика, – спокойно сказал папа.

– Но ты, кажется, сам не веришь в эту галиматью? – выпалил шериф.

– Представь себе, сейчас верю каждому слову. Мой сын не станет врать!

Бывает, папа ругается, а то и ремень возьмет да всыплет как следует, но в критической ситуации на его помощь можно рассчитывать.

– Должен тебе напомнить, Генри, – сказал шериф, – про твою стычку с Энди Картером. Едва удалось убедить его не передавать дело в суд.

– Энди Картер... – сказал папа значительно спокойнее, чем можно было ожидать. – Этот тип, что живет недалеко от нас. Кто-нибудь видел его в последнее время?

Он оглянулся по сторонам, но все молчали.

– В последний раз я говорил с Энди по телефону, – сказал папа, – когда просил его помочь нам. Он ответил, что у него работы невпроворот, чтобы еще заниматься поисками пропавшего щенка какого-то там инопланетянина. И добавил, что им же лучше будет, если они отправятся ко всем чертям.

Папа посмотрел на собравшихся, но ему никто не возразил. Думаю, с папиной стороны было не очень вежливо говорить такие вещи в присутствии папы Мохнатика, и папы Малыша, и других инопланетян. Но, святая правда, Энди говорил все это вслух, и только папа имел смелость пересказать им прямо в глаза.

Тут кто-то начал говорить, а вернее, все сразу, так что я не разобрал, чей это был голос.

– А я вам говорю, ребята, что по справедливости все вышло с сеновалом Картера.

Шериф нахмурился:

– Если узнаю, что кто-то из вас в этом замешан, то я...

– Ничего ты не сделаешь, – сказал папа и повернулся ко мне. – Стив, что ты хотел рассказать? Обещаю, что все тебя выслушают и никто не станет перебивать.

Сказав это, он внимательно посмотрел на шерифа.

– Минуточку, – попросил папа Малыша, – я хочу подчеркнуть одну важную деталь. Я знаю, что этот мальчик видит граничников, ведь я сам сделал ему специальные очки. И может быть, это нескромно с моей стороны, но я хочу заверить вас, что я квалифицированный оптик.

– Спасибо, – сказал папа. – Ну а теперь, Стив, говори.

Но едва я успел рот открыть, из-за сеновала появился Малыш со своим ружьем. Во всяком случае, я не сомневался, что это за ружье, хотя оно не было похоже на обычное охотничье. Обычная палка, блестящая на солнце множеством призм и зеркалец, установленных под разными углами.

– Папа! – крикнул он. – Я узнал, что произошло, поэтому пришел с ружьем. Надеюсь, не опоздал.

Он подбежал к своему папе, который взял у него ружье и поднял так, чтобы все видели.

– Спасибо, сынок, – сказал он. – Но ружье нам не понадобится. Сегодня мы не будем стрелять.

И тут Малыш закричал:

– Он там, папа! Там Мохнатик!

Не знаю, все ли поверили, что он увидел Мохнатика. Многие наверняка сомневались, но стояли тихо, потому что не хотели спорить с моим папой. Конечно, Малыш увидел его без этих дурацких очков, но он инопланетянин, а от инопланетян всего можно ожидать.

– Ну хорошо, – согласился шериф, – может, он и там. Но что нам в данной ситуации удастся сделать?

– Кажется, немного, – сказал мой папа, – но там его оставлять нельзя. – Он посмотрел на папу Мохнатика. – Вы не беспокойтесь. Что-нибудь придумаем.

Но я отлично понял, почему он говорит так уверенно: чтобы папа Мохнатика не думал, что мы признали свое поражение. Что касается меня, то я полностью потерял надежду. Если нельзя выгнать его тем же путем, каким он туда попал, то иного способа я не видел. Ведь в мир граничников не было двери.

– Джентльмены, – воскликнул папа Малыша, – у меня есть идея.

Мы все повернулись к нему.

– Это ружье, – сказал он, – служит для уничтожения граничников. Оно приподнимает завесу между двумя мирами, чтобы пропустить заряд. Его можно переделать, и мне кажется...

– Мы не станем стрелять в мальчика, – сказал шериф, – даже если решили освободить его оттуда.

– Я не собираюсь в него стрелять, – объяснил папа Малыша. – В ружье не будет патрона, мы попробуем использовать его только для того, чтобы пробить завесу, разделяющую два мира. А я постараюсь настроить ружье так, чтобы дыра получилась как можно шире.

Он сел на землю и стал возиться с ружьем, переставляя призмы и поворачивая зеркальца.

– Есть одна существенная деталь, – сказал он. – Дыра существует только одно мгновение. Парень должен подготовиться, чтобы не прозевать и прыгнуть сразу же, как появится отверстие.

Он повернулся ко мне:

– Стив, ты не можешь ему объяснить?

– Объяснить?

– Сказать ему. Знаками, или губами, или еще как.

– Конечно могу.

– Тогда начинай.

Я надел очки, оглянулся и увидел Мохнатика. Прошло много времени, прежде чем он понял, что от него требуется. Нам мешали граничники, которые все время кружили рядом и показывали то на мой телебиовизор, то на свои головы.

Минут через двадцать я сказал папе Мохнатика, что мы готовы. Папа протянул Малышу ружье. Все расступились, остался только Малыш с ружьем и я позади него. А там, в другом мире, стоял Мохнатик, окруженный дурацкими граничиками, которые, судя по всему, не были знакомы с ружьем инопланетян, иначе бы они разбежались. Мохнатик побледнел, будто его поставили к стенке и собрались расстрелять.

Краем глаза я заметил Чистюлю, который как раз отплывал в сторону...

Но тут все призмы и зеркальца на ружье Малыша задвигались. Вероятно, он нажал на спуск. А затем нас ослепила яркая вспышка.

На мгновение в воздухе, прямо напротив нас, открылась удивительная дыра с рваными краями. И я увидел, как Мохнатик, одновременно с ее появлением, прыгает сквозь нее.

И снова Мохнатик был среди нас – он как раз пытался удержаться на ногах после этого прыжка, – но не один. Он выдернул за собой одного из граничников, крепко держа его за руку, очевидно вытащив силой, потому что физиономия у граничника была не слишком довольной. Я сразу понял, что это тот самый, с моим телебиовизором на голове.

Мохнатик подтолкнул граничника в мою сторону и сказал:

– Только так я мог вернуть тебе телебиовизор.

Он отпустил руку граничника, а я быстро схватил его за другую и с удивлением обнаружил, что она вполне осязаема. Я бы не удивился, если б моя рука прошла сквозь нее насквозь, потому что граничник все еще выглядел туманным и бестелесным, хотя вроде загустел немного. Папа подошел ко мне и сказал:

– Осторожно, Стив!

– Ничего страшного. Он даже не пытается убежать.

В этот момент раздался крик, я обернулся: несколько граничников уцепились за края дыры в свой мир, удерживая их так, чтобы они не сомкнулись, а остальные лезли сквозь дыру, толкаясь и ссорясь; мне показалось, что их стало больше, чем я предполагал.

Мы стояли и смотрели, пока они не влезли все. Никто не пошевелился, да и что мы могли сделать? И они тоже стояли и смотрели на нас, сбившись в кучу.

Шериф, сдвинув шляпу на самый затылок, подошел к папе, и я увидел, что он обалдел окончательно, но его ошарашенный вид доставлял мне удовольствие, ведь он все еще отказывался верить в граничников. Не знаю, может, он еще надеялся, что это очередные фокусы инопланетян? Только, по-моему, не надо излишне-то и голову напрягать, чтобы понять, что у них про запас осталось много удивительного, кроме этого.

– Как получилось, – подозрительно спросил он, – что у одного из них на голове телебиовизор?

Я объяснил ему, а он в ответ лишь глазами заморгал, но сказать ничего не смог.

И тут все заговорили одновременно, но папа Чистюли, поднявшись над нашими головами, сделал знак рукой, призывая к тишине:

– Минуточку! Прежде чем мы займемся решением серьезных вопросов, я хотел бы сказать вот что. Зная историю со скунсом, вы правильно считаете, что наша семья в значительной степени несет ответственность за происшедшее.

В устах человека это звучало бы глупо и высокопарно, но папе Чистюли как-то сошло.

– Поэтому, – сообщил он, – должен вас проинформировать, что виновник – мой сын – в течение ближайших тридцати дней будет ходить по земле. Ему нельзя будет подняться даже на дюйм в воздух. Если это наказание окажется недостаточным...

– Хватит, – прервал его папа, – парень должен получить по заслугам, но нельзя над ним издеваться.

– Простите, – начал папа Мохнатика, – если это не столь необходимо...

– Я не изменю своего решения, – ответил папа Чистюли. – Я просто не вижу другого способа.

– Может быть, – крикнул шериф, – кто-нибудь мне наконец объяснит, что все это значит?

– Слушай, шериф, – обратился к нему папа, – понимаешь ты или нет – сейчас это не важно, а объяснять тебе – слишком долго. У нас есть более существенные дела. – Он слегка повернулся, чтобы стать лицом к собравшимся. – Ну так что будем делать? У нас гости. А раз эти создания приносят счастье, мы должны к ним относиться самым лучшим образом.

– Папа, – я потянул его за рукав, – я знаю, как можно привлечь их на нашу сторону. Каждый из них хочет иметь свой собственный телебиовизор.

– Это правда, – сказал Мохнатик, – все время, пока я там был, они приставали ко мне с вопросами, как и где достать телебиовизор. И все время ссорились из-за того, кто следующий будет пользоваться телебиовизором Стива.

– Вы хотите сказать, что эти существа умеют говорить? – спросил шериф слабым голосом.

– Конечно умеют, – ответил Мохнатик. – Там, в своем мире, они способны на такое, о чем мы даже не могли догадываться!

– Если так, – с удовлетворением сказал папа, – то это не слишком высокая цена за удачу, которую они нам принесут. Сбросимся и купим нужное количество телебиовизоров. Может, удастся со скидкой...

– Но если мы дадим их граничникам, – перебил его папа Малыша, – то нам от них не будет никакой пользы. Мы перестанем быть им нужны. Свои образцы они начнут черпать из телебиовизоров.

– Что ж, – сказал папа, – если так, то мы по крайней мере от них избавимся. Они перестанут преследовать нас несчастьями.

– Как ни крути, ничего хорошего из этой затеи не выйдет, – заявил папа Малыша, который явно недолюбливал граничников. – Они живут стаями. Всегда так было. И они никогда не помогали всем, только одному человеку или в лучшем случае одной семье. Нам не удастся поделить их так, чтобы они всем приносили пользу.

– Если послушаете меня чуток, мужики, – объявился граничник с моим телебиовизором на голове, – то я вам все растолкую.

Должен сказать, что его голос вызвал у нас шок. Трудно было представить, что они вообще умеют говорить. А тут еще таким языком и таким голосом. Вылитый Энди Картер! Он тоже – либо просто ругался, либо выражался с грубоватой язвительностью. И этот граничник, который столько лет жил по его образцу, просто не умел говорить иначе.

Мы стояли, уставившись на граничников, а они так усиленно кивали головами, что едва не сломали себе шеи.

Первым опомнился папа.

– Валяй, – сказал он граничнику. – Мы тебя слушаем.

– Мы будем с вами якшаться, только чтобы все по-честному. Мы будем вас оберегать от несчастий и другой фигни, но за это вы дадите нам телебиовизоры – только без трепы, ясно? И на вашем месте я не стал бы хитрить.

– Звучит вполне разумно, – сказал папа. – Ты имеешь в виду нас всех?

– Как есть всех, – ответил граничник.

– Значит, вы разделяетесь? На каждого из нас будет приходиться по крайней мере один из вас? И вы больше не будете жить группами?

– Я думаю, – вмешался папа Чистюли, – мы можем на них положиться. Я понял, что хотело сказать это существо. Почти та же история, что и с родом человеческим на Земле.

– А что такое случилось с родом человеческим на Земле? – с легким удивлением спросил папа.

– Исчезла потребность групповой жизни. Когда-то люди были вынуждены жить семьями или племенами. А потом появились патефон, радио, телевидение – исчезла потребность в общении. У каждого человека есть уйма развлечений дома. Ему не надо даже выходить из своей комнаты, чтобы увидеть мир. Поэтому зрелища и развлечения массового характера постепенно вымерли.

– Вы думаете, что то же самое произойдет с граничниками, когда мы снабдим их телебиовизорами?

– Наверняка, – ответил папа Чистюли, – мы устроим им, как я сказал, индивидуальное развлечение. И таким образом у них исчезнет потребность в групповой жизни.

– Клево сказано, приятель! – с энтузиазмом воскликнул граничник.

Остальные согласно закивали.

– Но это ничего не даст! – крикнул папа Малыша, разозлившись не на шутку. – Ведь они теперь в нашем мире, и неизвестно, смогут ли они здесь что-нибудь для нас сделать.

– Заткнись, пожалуйста, – сказал граничник. – Конечно, здесь мы ничего не сможем для вас сделать. В вашем мире мы не можем заглядывать вперед. А чтобы мы были вам полезны, это необходимо.

– Значит, как только мы дадим вам телебиовизоры, вы вернетесь к себе? – спросил папа.

– Еще бы! Там наш дом, и попробуйте только нас туда не пустить!

– Мы не станем вам мешать, – ответил папа. – Наоборот, даже поможем вернуться туда. Дадим вам телебиовизоры, а вы возвращайтесь и беритесь за дело.

– Мы будем работать честно, – заверил граничник, – но нам нужно время зырить телебиовизоры. Идет?

– Ладно, – согласился папа.

Я выбрался из толпы. Все как-то устроилось, а я уже был сыт по горло. Хватит с меня всяких историй.

Возле сеновала я увидел Чистюлю, медленно бредущего по земле. Он шел с большим трудом, но мне почему-то ничуть не было его жалко. Сам виноват.

На мгновение мне подумалось: а не подойти ли к нему и не наподдать ли за тот раз, когда он вывалял меня в грязи? Но потом я сообразил, что с моей стороны это означало – бить лежащего, ведь он и так наказан собственным папой на тридцать дней.

Кораблик в бутылке

Старого Илая я нашел в «Месте под солнцем» – одном из многочисленных сомнительных заведений, которых полно в Нью-Чикаго. Только не спутайте этот город с земным Чикаго. Нью-Чикаго находится в Сумеречном поясе Меркурия и сверху накрыт защитным куполом. Но речь сейчас не о городе, а об Илае. Так вот, когда я нашел старика, он был уже порядком пьян.

Этого-то я и боялся. Едва услышав, что старый «солнечник» (так на Меркурии именуют тех, кто мотается на солнечную сторону планеты и отваживается жить в тамошнем пекле) объявился в Нью-Чикаго, я начал искать его по всем дешевым барам и забегаловкам. «Место под солнцем» было тридцать третьим по счету.

Илай всегда был не прочь рассказать какую-нибудь историю. «Солар пресс» – издание, в котором я работал, – заглаживало подобные байки на лету. Правда, в Нью-Чикаго его давно считали завзятым вруном. В самом деле, ну кто поверил бы, что Илаю двести лет? Не знаю, может, какие-то его рассказы о солнечной стороне Меркурия и были правдивыми. Некоторые храбрецы, бывавшие там, подтверждали: да, так оно и есть. Но никто, даже находясь в солидном подпитии, не верил, будто Илай живет уже третье столетие.

Конечно, интересно было бы послушать трезвого Илая. Но такие люди в трезвом виде обычно хранят угрюмое молчание или отличаются редкостным косноязычием. Чтобы заговорить, старику необходимо взбодриться. Впрочем, когда я его увидел, Илай был уже чересчур «взбодрившимся».

Некоторое время он разглядывал меня, щуря мутноватые глаза.

– Сынок, а вообще-то, я ехал сюда повидаться с тобой, – признался он и пьяно хихикнул. – Все время себе твердил: надо встретиться с Шермом.

Он пододвинул мне полупустую бутылку.

– Промочи-ка горло, сынок.

Я показал головой.

– Не могу. Врачи запретили. Желудок взбесится – он у меня такой зверь.

Илай издал какой-то тоскливый звук, затем разухабисто хватил кулаком по столу.

– А-а, вспомнил. Проклятье! Как я мог это забыть? Тебе постоянно нужно глотать какие-то таблетки, да?

– Капсулы, – холодно поправил его я.

Терпеть не могу шуток по поводу собственного желудка.

– Вот-вот, капсулы. Забавные штуки. И водой запивать не надо. Проглотил – и готово дело. А я ни одной таблетки толком проглотить не могу. Приклеится к горлу – и все тут.

Схватив бутылку, Илай качнул ею, будто проверяя, не испарилось ли содержимое, затем перелил часть его в себя.

– Ну и как прогулка по солнечной стороне? – спросил я.

– Почти никак, – признался Илай. – Вернулся с пустыми руками. Крошка Меркурий становится чересчур людным местом. И старателей развелось с избытком. С одним мы чуть не поцапались. Не веришь? Я тоже не верил, пока не наткнулся на того парня. Не нравится мне это, Шерм. Пора перебираться на Плутон. Там, говорят, еще хватает места.

Илай вновь присосался к бутылке, потом обтер влажные усы.

– Я бы туда вообще не сунулся, если б не пообещал доку, что привезу ему кристалликов.

– Каких еще кристалликов?

– Погоди. Значит, я тебе не рассказывал? Док их у меня покупает. Зачем? Черт меня подери, если знаю. Видно, зачем-то они ему нужны.

Илай полез в оттопыренный карман куртки, достал обыкновенный полотняный мешочек и перекинул его через стол.

– Полюбуйся. Может, растолкуешь мне, чего это док по ним с ума сходит. Он хорошо платит за эти кристаллики. Да и меня самого подлечивает. Я еще когда-то давно подцепил на Венере лихорадку. Док делает мне эти... ин... инъекции и обещает вылечить совсем.

То, что он споткнулся на слове «инъекции», безошибочно показывало, насколько старик пьян.

– А кто он, этот док? – осторожно спросил я, боясь спугнуть Илая (такое уже бывало: захлопнется – и слова из него не вытянешь). – Один из здешних врачей?

– Не-а. Большой док. Ну, тот парень в санатории.

– Доктор Винсент? – подсказал я.

– Он самый, – ответил Илай. – Раньше я продавал кристаллики доктору Андерсону, а потом – доктору Брауну.

Я пропустил эти слова мимо ушей. Стопроцентное вранье. Андерсон и Браун давным-давно умерли, причем Андерсон покинул бранный мир задолго до того, как в нем появился Илай.

Я развязал тесемку и высыпал щепотку содержимого себе на ладонь. Крошечные кристаллики переливались всеми цветами радуги, отражая свет ламп под потолком.

– Как-то я решил показать их одному аптекарю, – продолжал Илай. – Тот лишь хмыкнул и скорчил гримасу. Сказал: ничего особенного, просто любопытная кобмин... нет, комбин...

– Комбинация, – подсказал я.

– Вот-вот. Про дока, само собой, я ему говорить не стал. Ну, и где нашел – тоже. У меня мыслишка крутилась: вдруг я нашел что-то важное, а док меня за нос водит? Может, кристаллики стоят куда дороже? Аптекарь их и под лупой смотрел, и какой-то жидкостью на них брызгал. Нет, сказал, просто любопытная ком... бинация меркурианского песка. Так и не купил. Сказал, не по его профилю.

– Слушай, может, ты дашь мне немножко? В качестве образца?

Я все время старался не спугнуть старика. Я уже тогда почувствовал: Илай выболтал мне нечто такое, о чем вовсе не собирался говорить.

Но Илай щедро махнул рукой.

– Бери. Зачем немножко? Можешь взять сколько хочешь.

Я порылся в карманах.

– Какая жалость – мне их не во что положить. Не в карман же сыпать.

Илай хрипло засмеялся и приготовился в очередной раз промочить горло.

– А ты возьми свои капсулы, высыпь оттуда всю дрянь и насыпь кристаллики. Думаю, твой желудок не пострадает, если ты проглотить на пару капсул меньше. Зря ты меня не слушаешь. Лучшее лекарство для больного желудка – виски.

– Хорошая мысль, – согласился я, дружески улыбаясь старику.

Я достал три капсулы, разъединил каждую из них, высыпал оттуда содержимое и заменил его кристалликами, после чего надежно спрятал подарок во внутреннем кармане. Мешочек я вернул Илаю.

– А где ты добываешь эти кристаллики? – спросил я.

Илай скрючил дрожащий палец и повилял им наподобие собачьего хвоста.

– Секрет, – прошептал он.

Пока мы с ним говорили, глаза старика успели стать еще мутнее. Он качался даже сидя. Но рука, повинувшись могучему инстинкту выпивохи, крепко сжимала бутылку.

– Виски что надо, – бубнил он. – Лучшее лекарство для желудка.

Закончить свой панегирик в честь виски Илаю не удалось: отяжелевшие мозги потянули голову вниз, и она застыла на столе. Бутылка опрокинулась, остатки виски выплеснулись на пол.

– Ведь не поверит, что сам пролил, – заметил я бармену.

– Не волнуйтесь, – отозвался тот. – Когда Илай проснется, ему будет не до этого. Опять смотается из города на солнечную сторону. Уже сколько лет пропадает там. Странный старикан. Скажите, вот вы верите, что ему двести лет?

– Ни единой секунды, – успокоил я бармена.

Тот критически оглядел бокал, который держал в руках, потом, взяв салфетку, поплевал на него снаружи и принялся доводить стекло до зеркального блеска.

– Тут до вашего прихода Илай заливал баки каким-то парням. Они все допытывались у него, будет ли он голосовать за Марти Берга. Я сразу понял, что Марти опять нанял себе помощников.

– Ничего удивительного, – откликнулся я. – Скоро выборы, и Марти очень хочется остаться на новый срок.

Я собрался уходить, но затем вернулся к стойке и выложил несколько монет.

– Когда Илай проспится, угостите его за мой счет. Ему наверняка захочется «поправить голову». Я попробую выловить его снова, пока он не упорхнул на солнечную сторону.

Но встретиться с Илаем мне больше не удалось.

Через сутки труп старика нашли в пустыне, что к западу от городского космопорта. Илая убили тремя ножевыми ударами, каждого из которых было достаточно, чтобы отправить его на тот свет. По мнению полиции, с момента убийства прошло от двенадцати до восемнадцати часов.

Марти Берг принадлежал к числу тех, кому путь на Землю заказан. Почему именно – никто не знал и не пытался разнюхать. Марти – разносторонне одаренная личность, а потому причин могло быть несколько.

В городском округе Северная Стена он был не слишком крупной птицей. Так, мальчиком на побегушках у тех, кто крупнее и сильнее его. И тем не менее на выборах Марти всегда набирал больше голосов, чем остальные кандидаты. Никто не интересовался, какими способами он этого добивался. Чувство гражданского самосознания пока еще не получило в Нью-Чикаго должного развития.

И все же, когда Марти появился у меня в кабинете, я обрадовался и протянул ему руку. Он был для меня источником информации и часто рассказывал забавные вещи о махинациях местных политиков.

– Что-нибудь прояснилось с убийством Илая? – спросил он.

– Пока глухо. Полиция теряется в догадках.

Марти удрученно покачал головой.

– Дело дрянь. Я-то надеялся, что они уже сцапали молодчика.

– У вас ко мне какое-нибудь дело? – поинтересовался я.

– Пустяковая просьба, – ответил Марти. – Слышал, вы решили слетать на Землю. Развеемся, так сказать.

– Да, где-то через день или два я улетаю. Приятно будет снова увидеть нашу старушку. Ностальгические чувства.

Я прикусил язык. Кто знает, может, для Марти это слишком болезненная тема.

Но Марти, похоже, даже не заметил моей деликатности.

– Помните Чести Льюиса? Был еще процесс над ним по обвинению в мошенничестве.

– Как же, я даже пару раз встречался с ним. Нью-йоркские копы не очень-то к нему благоволили. Дадут чуть-чуть погулять на свободе – и снова за решетку.

– Сейчас он вышел, – сообщил Марти. – Хочу отправить ему подарочек. Сувенир от старого приятеля. Может, возьмете эту штучку с собой и передадите Чести? Я бы отправил посылкой, но сами знаете, сколько это стоит.

Я знал, сколько это стоит. Межпланетные почтовые тарифы и впрямь кусались.

Марти достал из кармана сверток и положил на мой письменный стол. Я взял сверток и несколько раз встряхнул.

– Слушайте, Марти, надеюсь, вы не доставите мне хлопот с вашим подарочком?

Берг удивленно всплеснул руками.

– Ну с какой стати мне подводить своего друга? Просто сейчас я не настолько богат, чтобы отправлять подарок почтовой ракетой. И потом, я охотно расскажу вам, что это за вещица. Сувенир. «Песчаная бутылка». Видели, наверное? Стеклянная бутылочка, а внутри – миниатюрный космический корабль. Сам он из белого песка, а языки пламени, вылетающие из ракетных двигателей, – красные.

– Не сердитесь, Марти. Простое любопытство. Конечно, я выполню вашу просьбу.

– Чести будет рад до безумия. Помнится, он всегда обожал такие пустячки.

Флойд Дункан – бессменный начальник нью-чикагского филиала Межпланетного бюро расследований – был первым, кто нашел зацепку в деле об убийстве Илая. Ошеломляющую, невероятную зацепку, в которую с ходу не больно-то поверишь.

Дункан вовсе не был рад меня видеть и не скрывал своих чувств. Такое случилось не впервые, но я умел гасить всплески его дурного настроения. Достаточно скоро он пообмяк, и с ним вполне можно было говорить.

– Это дело меня доконает, – выплескивая последние остатки рычания, сознался Дункан.

– Что, никаких зацепок?

– Есть одна, черт бы ее подрал! Но она еще хуже, чем полное отсутствие всяких зацепок, потому что...

– Потому что... – в тон ему продолжил я.

– Да потому что она... столетней давности!

Он яростно зашелестел бумагами на столе.

– Чувствую, она не дает вам покоя. Только вот не могу понять: как зацепка может быть столетней давности?

– Вы слышали о некоем докторе Дженнингсе Андерсоне? – спросил меня Дункан.

– По-моему, это тот самый энтузиаст, что построил санаторий на солнечной стороне.

– Правильно. И было это полторы сотни лет назад. Самому доку тогда стукнуло пятьдесят. Он вкладывал в санаторий каждый заработанный цент. Думал, что сумеет победить «космовирус». В санатории до сих пор пытаются бороться с этой заразой, но не слишком-то успешно.

Я кивнул. Я знал историю Андерсона. Санаторий на солнечной стороне Меркурия был памятником надеждам и гуманистическим идеалам этого врача и ученого. Посчитав «космовирус» вызовом, брошенным его знаниям и любви к человечеству, Дженнингс Андерсон попытался лечить больных астронавтов дозами солнечной радиации. Однако «космовирус» и сегодня оставался странной, малоизученной болезнью, которая со зловещей регулярностью находила себе жертвы среди пилотов межпланетных кораблей.

Дункан еще какое-то время пошелестел бумагами, затем сгрэб их в кучу и продолжил:

– Андерсон умер более ста лет назад. Его похоронили там же, в санатории. На Земле собрали кучу денег, чтобы поставить ему памятник – высокую колонну. Пришлось сделать ее из сплава зеро – только он и способен выстоять в таком пекле.

Я не понимал, куда клонит Дункан. Верно, доктор Андерсон давным-давно умер. Я собственными глазами видел и эту колонну, и имя, выбитое на ней.

– Мы нашли в кармане Илая новенькую долларовую банкноту, – продолжал глава нью-чикагского отделения МБР. – Проверили отпечатки пальцев. Как известно, на деньгах их всегда бывает предостаточно.

Дункан, словно не зная, куда деть руку, запустил ее в свою черную седеющую шевелюру.
– Когда проверили по картотеке, оказалось: несколько отпечатков принадлежат давно умершему доку Андерсону.

– Но такое просто невозможно! – вырвалось у меня.

– Разумеется, невозможно, – согласился Дункан. – Думаю, теперь вы поймете мое состояние.

Вернувшись домой, я вскрыл пакет, взятый от Марти, и искренне удивился. Берг не солгал: там действительно была «песчаная бутылка» – сувенир, который обязательно покупает каждый турист, прилетевший на Меркурий. Все магазины сувениров забиты такими поделками из разноцветного меркурианского песка, среди которых иногда попадаются настоящие произведения искусства.

Правда, подарок для Льюиса я бы таковым не назвал, хотя сделан он был весьма добротно. Я поставил «песчаную бутылку» на стол и стал думать, с чего это Марти вспомнил про друга да еще решил послать ему меркурианскую безделушку.

Не знаю почему, но мне плохо верилось в дружеские чувства Марти Берга. Что-то здесь явно было не так. Я пробовал выстроить свои рассуждения в логическую цепь, но она все время обрывалась.

Устав ломать голову, я снова уложил «песчаную бутылку» в пакет, а пакет засунул в один из ящичков гардероба. Сделав это, я отправился по магазинам сувениров и, уже не помню, в каком по счету, нашел точно такую же бутылку. Я купил сувенир, попросил упаковать его, затем отнес на почту и отправил Чести. Точного адреса я не знал, а потому указал адрес одного пансионата в пригороде Нью-Йорка, администрация которого поддерживала контакты с людьми вроде Льюиса.

Даже сейчас я не в состоянии объяснить, почему поступил именно так. Называйте мой поступок как хотите: вспышкой интуиции, шестым чувством или как-нибудь еще. Но у газетчиков такое бывает. Эта «песчаная бутылка» не давала мне покоя.

Вернувшись домой, я опустил жалюзи, выключил свет и попытался уснуть. Несмотря на зверскую усталость, сон не шел. Разгоряченный мозг продолжал крутиться.

Мысли возвращали меня к убийству Илая, затем перескакивали на новую долларовую банкноту с отпечатками пальцев столетней давности. Конечно же, я снова и снова размышлял о затее Марти Берга, пожелавшего осчастливить Чести Льюиса «песчаной бутылкой», и вспоминал свой трюк с подменой. Потом я стал думать о докторе Андерсоне, чей прах покоился под раскаленной колонной, отлитой из прочного сплава зеро.

Наконец я все-таки уснул, но вскоре меня разбудили острые боли в желудке. Впотьмах я нашарил на тумбочке пару капсул, проглотил их и снова лег в ожидании, когда боль утихнет.

Я проспал до самого утра, а когда проснулся, желудок молчал. Я чувствовал себя помолодевшим лет на десять. Вставать не хотелось. Удивительно, какие чудеса иногда творит обыкновенный крепкий сон.

Однако нежиться в постели я себе не позволил, а встал и отправился бриться. Вот тут-то меня и удивило собственное лицо, глядящее из зеркала. Сначала я не мог понять, что к чему, и едва не уткнулся в зеркало носом. Отражение было моим и... не совсем моим: на лбу поубавилось морщин; щеки утратили одутловатость и немного порозовели. Перемены этим не ограничились: седая прядь слева попросту исчезла – волосы вновь стали темными. Я встревоженно провел ладонью по волосам, выискивая седые. Их не было.

Я терялся в догадках, пока не вспомнил про капсулы, которые заполнил кристалликами Илая. Я лихорадочно полез во внутренний карман. Капсул там не было. Выходит, ложась спать, я по рассеянности вытащил их из кармана и положил на прикроватную тумбочку, где обычно держу лекарства на случай ночных приступов.

Я вполне допускал, что вместо болеутоляющего средства проглотил кристаллики. Так неужели это им я обязан исчезновением морщин, подтянувшимся щекам и восстановлением прежнего цвета волос?

В полном изумлении я опустился на край ванны. Итак, факты налицо, но нет объяснений. Память подсказала: Илай продавал кристаллики доктору Винсенту. В таком случае нужно незамедлительно встретиться с этим доктором. Я торопливо побрился, оделся и... вспомнил, что в санатории мне очень понадобится одна штука. Раскрыв чемоданчик, где я держал инструменты и кучу всякой всячины, я достал оттуда небольшой стальной брусок. Он прекрасно уместился в кармане куртки. Больше меня ничто не задерживало, и можно было ехать на солнечную сторону, в санаторий, которым нынче руководил доктор Винсент.

Легко сказать – встретиться с доктором Винсентом. Можно по пальцам пересчитать тех, кому это удавалось. И он, и его предшественник доктор Браун отличались затворническим образом жизни и практически не появлялись на публике. Их объяснения не блистали оригинальностью: каждый из них жил только своей работой и не желал отвлекаться ни на что другое.

Андерсон, Браун и Винсент. Ну и тройца подобралась! Андерсон вот уже более ста лет покоился под колонной, возвышавшейся перед входом в санаторий. Браун, несомненно, тоже умер, но не на боевом посту. Он неожиданно покинул санаторий, и дальнейшая его жизнь окутана тайной. О Винсенте медицинскому миру не было известно практически ничего, кроме его высокой профессиональной репутации.

Итак, трое врачей, трое исследователей, посвятивших свою жизнь поиску лекарства от «космовируса». Андерсон и Браун потерпели неудачу. Больные «космовирусом» прилетали к ним из всех уголков Солнечной системы. Даже сейчас, через сто пятьдесят лет после начала исследований, эта болезнь означала смертный приговор. Правда, отсрочка его исполнения стала продолжительнее, тем не менее излечить от «космовируса» не удалось никого.

Это не значит, что все усилия были напрасны. Лечение солнечной радиацией уменьшало боль, замедляло распад тканей, дарило жертвам «космовируса» дополнительные месяцы жизни и облегчало предсмертные страдания. И это все. «Космовирус» по-прежнему оставался победителем.

Я был в санатории всего один раз, вскоре после своего приезда в Нью-Чикаго. Тогда нью-йоркская редакция заказала мне документальный очерк о санатории. Материал я получил, но не от доктора Винсента. Робот-секретарь приятным голосом сообщил мне, что доктор крайне занят. Секретарь перепоручил меня заботам другого сладкоголосого робота, вероятно санитаря. Тот устроил мне экскурсию по зданию, со знанием дела ответил на все вопросы, после чего дал исчерпывающую информацию о работе доктора Винсента. Располагая столь обширным материалом, я легко написал заказанный очерк.

Меня удивило, что практически весь персонал, какой я видел во время экскурсии, составляли роботы.

– Мы не делаем ошибок, – объяснил мне сопровождающий. – Там, где ошибка может стоить пациенту жизни, мы надежнее людей.

Объяснение звучало вполне правдоподобно, но все равно за ним скрывалась какая-то недосказанность.

Как и тогда, я беспрепятственно добрался до робота-секретаря, охранявшего Винсента от вторжения извне. И ответ был все тот же:

– Доктор Винсент крайне занят. Чем могу служить?

Я перегнулся через стол, загородив доступ к пульта, на котором наверняка была и кнопка тревоги.

– Дело очень важное. Вопрос идет о жизни и смерти.

Произнося эти слова, я выхватил из кармана стальной брусок и со всей силы долбанул им робота между сверкающих глаз.

Одного удара оказалось достаточно. Брусок пробил корпус, повредив тонкие механизмы секретаря. Робот сполз со стула и грохнулся на пол.

Потянулись томительные секунды. Я замер. Больше всего мне в тот момент хотелось, чтобы стены оказались звуконепроницаемыми. Я ожидал: вот-вот в приемной появятся роботы-охранники или на шум выйдет сам доктор Винсент. Ничего подобного. Видно, стены и впрямь обеспечивали полную звукоизоляцию.

Хвала звездам, никому в голову не пришло заменить дверные ручки каким-нибудь новомодным устройством. Как и сто пятьдесят лет назад, двери здесь открывались традиционным способом. Я закрыл входную дверь, пересек приемную и вошел в кабинет Винсента.

Сидевший за столом седовласый человек лет шестидесяти был настолько погружен в свою работу, что при моем появлении даже не поднял головы. Едва ли он вообще слышал мои шаги. А если и слышал, то, наверное, решил, что это робот-секретарь.

– Доктор Андерсон? – спросил я.

– Да. Чем могу...

Он вдруг поднял голову и уставился на меня.

Я негромко рассмеялся:

– Так я и думал.

Андерсон плотно стиснул челюсти, будто не хотел, чтобы я слышал, как у него стучат зубы.

– Кто вы? – наконец хрипло спросил он.

– Друг старого Илая, – ответил я.

– Это он вас послал?

– Нет. Илай мертв.

Андерсон даже привстал со стула.

– Я не ослышался? Илай мертв? Вы в этом уверены?

– О его смерти написали в газетах, – сказал я. – Да и по радио несколько раз передали.

– Я не получаю газет. У меня все равно нет времени их читать. Радио, правда, есть. – Андерсон махнул в угол, где стоял громоздкий старый приемник. – Но я уже забыл, когда в последний раз его включал.

– Я вам не лгу. Илай мертв. Его убили, а кристаллики похитили.

Андерсон побледнел.

– Кристаллики похищены! Кто мог это сделать?

– Наверное, тот, кто знал об их свойствах, – предположил я.

Андерсон медленно оседал, напоминая марионетку, у которой вдруг обрезали нити. Упав на стул, он по-старчески съежился.

– Вы ведь давно боялись, что такое может случиться, – негромко произнес я.

Он отрешенно кивнул.

Воцарилась тишина. Долгая. Гнетущая. Я смотрел на доктора Андерсона и чувствовал, как внутри нарастает жалость к этому человеку.

– Да, я этого боялся, – подтвердил он глухим, усталым голосом. – По двум причинам. Но теперь мой страх уже не имеет никакого значения. Я окончательно проиграл. Лекарство не найдено. У меня оставалась одна надежда, но и она рухнула.

Я несколько раз прошелся взад-вперед по его кабинету.

– Значит, вы подтверждаете, что являетесь не кем иным, как доктором Андерсоном?

– А какой смысл это отрицать?

– Вообще-то, я думал, что вы окажете мне сопротивление. Вызовете охрану, прикажете меня задержать.

– Теперь это бесполезно, – сказал Андерсон. – Двести лет жизни – слишком долгий срок для любого человека. Особенно когда он многие годы подряд терпит сплошные неудачи, пытаясь достичь поставленной цели.

– Итак, я имею удовольствие лицезреть доктора Андерсона и одновременно с ним – доктора Брауна и доктора Винсента, – констатировал я, обращаясь не столько к этому затворнику, сколько к самому себе.

Он вяло улыбнулся:

– Да, всех троих. Трюк нехитрый. Я построил санаторий и был его владельцем. Я ни перед кем не отчитывался и ни с кем не советовался. Я назначил себе преемника, а потом то же самое сделал он. Фамилии я не придумал. Браун и Винсент работали у меня в лаборатории. Гениями их не назовешь, но работу свою выполняли хорошо.

Андерсон вновь улыбнулся. Улыбка получилась вымученной.

– Ну как? Ловко?

– А как вы объяснили это своим сотрудникам? – спросил я.

– Сотрудники у меня были лишь в самом начале. Потом в санатории остались только я, мои пациенты и роботы. Роботы, как известно, не болтливы, а пациенты рано или поздно умирали.

Андерсон забарабанил пальцами по столу.

– А вы кто будете?

Я втянул побольше воздуха и представился:

– Шерман Маршалл из «Солар пресс».

– Хотите взять у меня интервью?

Я кивнул, побаиваясь, как бы наш разговор на этом не закончился.

Но случилось то, чего я меньше всего ожидал.

– Садитесь, – сказал доктор Андерсон. – Раз уж вы явились сюда, вам должно быть известно, что к чему.

– Только самую малость. Остальное надеюсь услышать от вас, – ответил я и внутренне замер в ожидании реакции.

Ее не последовало. Пол подо мной не зашатался, и молния меня не испепелила.

– Скажите, у вас бывало так: вы носите что-то в себе... долго, очень долго... настолько долго, что больше уже не вмоготу и хочется кричать? – спросил Андерсон. – Вас когда-нибудь выворачивало наизнанку от этого состояния? Оттого, что вам страстно хочется с кем-то поделиться некой тайной, а вы обязаны молчать.

Я кивнул.

– Тогда вы меня поймете.

Доктор Андерсон замолчал. Надолго. Я уже начал было подумывать, не забыл ли он о моем присутствии.

Наконец Андерсон заговорил...

– Я прилетел на Меркурий, желая проверить свою теорию. Я считал, что солнечная радиация, направляемая избирательно, способна оказывать целебное воздействие на жертв «космовируса». Моя догадка подтвердилась. Но лишь частично. Солнечная радиация приносила облегчение, но не излечивала. Процедуры дарили больным кому несколько месяцев, кому несколько лет жизни, но... потом все равно наступала смерть. Я понял, что проиграл.

Примерно в это же время Илай где-то в пустыне наткнулся на кристаллики. Я вообще удивился, как он выжил после той аварии. Машина почти всмятку, кислорода в скафандре оставалось на полчаса. Я оказал ему необходимую помощь. Тогда-то я впервые и увидел эти

кристаллики. Поначалу они показались мне разновидностью меркурианского песка, но я все-таки решил сделать химический анализ. Илай не возражал. Кристаллики он оставил мне, а сам кое-как подлатал свою машину и уехал. Так совсем случайно я узнал об их свойствах.

А через какое-то время жертвой «космовируса» стал один мой очень близкий друг. Я тогда уже вполне понимал собственное бессилие, а при мысли о том, что не в моей власти спасти друга, на душе становилось стократ тяжелее. Тем более что он очень надеялся на мою помощь.

Андерсон принялся разглядывать противоположную стену. Совершенно пустую.

– Так что, кристаллики Илая способны продлевать жизнь? – спросил я.

Доктор вздрогнул, будто его ударили хлыстом, затем откинулся на спинку стула.

– Да, способны, – ответил Андерсон. – Это одно из их свойств. Я очень приблизительно могу объяснить, какое действие они оказывают, но не понимаю как...

– Может, вы лучше расскажете по порядку?

– Попробую. Если попутно принять гипотезу, что смерть является результатом окончательного гидролиза белков в протоплазме, тогда вполне логично сделать допущение: любое вещество или соединение, которое тормозит гидролиз или активизирует повторный синтез белков, будет одновременно отодвигать и наступление смерти.

Кристаллики, вне всякого сомнения, именно так и действуют. Но я не возьмусь даже гадать, каков принцип: то ли они просто замедляют гидролиз и приостанавливают старение, либо заново синтезируют часть белков, содержащихся в изначальной протоплазме.

Если имеет место повторный синтез, можно сделать еще одно допущение. Вероятно, увеличение дозы принимаемых кристалликов приведет к повторному синтезу всех или почти всех белков, и тогда не просто прекращается процесс старения, но человек начинает молодеть.

Андерсон улыбнулся:

– Меня не интересовали эксперименты – вполне достаточно было отодвинуть собственную старость.

Я молчал, боясь шевельнуться. Невероятно: я сижу и слушаю человека, который рассказывает... Нет, что-то тут не так. Либо он чокнутый, либо я сам свихнулся. Возможно, мы оба сошли с катушек.

Мне хотелось ущипнуть себя и убедиться, что это не сон. А если это не сон, то я сейчас слушаю историю, которой будет зачитываться вся Солнечная система. Андерсон рассказывал о том, о чем в давние времена мечтал испанский путешественник Понсе де Леон¹. Наверное, не зря человечество из века в век передавало легенды о каких-то чудодейственных снадобьях, возвращающих молодость.

Андерсон опять надолго умолк. Пришлось уже мне нарушить молчание.

– Значит, вы принимали кристаллики, и они позволяли вам продолжать работу?

– Вы правы, – сказал Андерсон. – Я рассказал о них своему другу – тому, что ждал от меня помощи. Повторяю, я-то знал, что не в силах его спасти. Он выслушал и согласился участвовать в эксперименте. Для работы необходимо было продлить собственную жизнь. То же самое требовалось и моему другу, согласившемуся на роль подопытного кролика. Ему было непросто решиться на такой шаг, ведь каждый день, каждый дополнительный год жизни нес с собой новые страдания от изнуряющей болезни. Кристаллики помогали ему справляться с «космовирусом». В какой-то момент нам показалось: вот оно, долгожданное лекарство. Увы, надежды не оправдались. Вирус не отступал.

¹ *Хуан Понсе де Леон* (1460–1521) – испанский конкистадор, основатель первого поселения европейцев в Новом Свете. В 1513 году начал поиски «источника вечной молодости», услышав от индейцев, что такой источник якобы находится на одном из Багамских островов.

– Но зачем понадобилось продлевать вашему другу жизнь? – спросил я. – Точнее, зачем это понадобилось для ваших экспериментов? У вас ведь хватало других пациентов.

– Другие слишком быстро умирали, – объяснил Андерсон. – Они жили несколько месяцев. В лучшем случае несколько лет. А мне требовались результаты продолжительных наблюдений.

Он сомкнул ладони, соединив кончики пальцев, и заговорил очень медленно, как будто тщательно подбирал каждое слово:

– Наверное, вы удивляетесь: почему я тащил всю эту работу в одиночку? Почему не подобрал толковых докторов, не передал свои знания и опыт тем, кто впоследствии мог переложить груз на свои плечи? Возможно, это было бы наилучшим решением. Я часто корил себя. Но исследования стали для меня навязчивой идеей. И дело тут вовсе не в гордости и не в научном азарте. В исследованиях всегда присутствует и человеческая составляющая. Любой нормальный человек, видя несчастных, обреченных больных, непременно попытается хоть как-то облегчить их участь. Ведь они не просто пациенты, не «подопытный материал». Они живые люди, взывающие о помощи. Я пытался найти помощников. Бог мне свидетель, сколько сил я на это потратил.

– Но вы их так и не нашли, – констатировал я.

– Понимаете ли, я боялся. Боялся, что другой человек, как бы тщательно я его ни выбирал, все-таки не сможет в той же степени, что и я, проникнуться пониманием важности поставленной цели. Вдруг он устанет, сникнет после цепи неудач, возненавидит свою работу? А это недопустимо. Ни в коем случае. Что бы ни происходило, нужно обязательно продолжать поиски, пытаться помочь больным, даже если помочь им нельзя.

– И тогда вы решили имитировать собственную смерть, – понимающе кивнул я. – Вас якобы похоронили, потом в вашу честь воздвигли эту внушительную колонну... А вы тем временем жили под именем доктора Брауна, затем доктора Винсента... И все же, когда я назвал вас Андерсоном, вы откликнулись.

– Я был и остаюсь доктором Андерсоном. Роботы, конечно же, называли меня так, как я им велел. Но мой друг, с которым мы все эти годы работали вместе, естественно, зовет меня Андерсоном. – Доктор усмехнулся. – Никак не может привыкнуть к этому карнавалу.

– А Илай?

– Илаем было легко управлять. Я внушил ему, что он опасно болен, а потому должен регулярно приезжать сюда на уколы. Несложно догадаться, что я вводил ему кристаллики. Через какое-то время гидролиз в его организме достигал точки, когда требовалось вновь запускать механизм ускорения.

Андерсон встал и начал расхаживать взад-вперед по кабинету.

– Но теперь Илай мертв. Результаты моей работы пошли прахом, а кристаллики перестали быть тайной.

Доктор остановился напротив моего стула.

– Вы представляете, что нас ожидает? Что ожидает Солнечную систему, когда о кристалликах узнают на всех планетах? – спросил он. – Теперь вам понятно, чего я так боялся все эти годы?

– О чем вы говорите? – удивился я. – Кристаллики станут величайшим благом для всей Солнечной системы.

Андерсон уперся в меня взглядом.

– Величайшим благом? Вы так считаете?

Он стискивал и разжимал кулаки.

– Они окажутся величайшим проклятием, которое когда-либо обрушивалось на человечество. Неужели вы не понимаете, что люди не остановятся ни перед чем, только бы их заполнить? Они пойдут на любые преступления, на любое предательство и вероломство. В

мире появится новый атрибут власти, и начнется жуткая, кровопролитная борьба за обладание этим атрибутом. Ведь тот, в чьих руках окажутся кристаллики, станет властелином Солнечной системы. Он будет управлять не силой оружия, а силой надежды, давая или отнимая надежду на вечную молодость и вечную жизнь.

Вы можете хотя бы отдаленно представить, как все это скажется на экономике? Люди начнут вымаливать, выклянчивать... – словом, добывать себе дополнительные годы жизни. Страховые компании разорятся, поскольку человечество крепко ухватится за перспективу вечной жизни. А если человек живет вечно, зачем обременять себя какими-то страховками? Разорятся не только страховые компании. Начнется цепная реакция распада существующего мирового порядка... Думаю, можно не продолжать: вам все и так понятно.

Андерсон опять начал мерить шагами кабинет.

– Я уже не говорю о невиданных войнах, которые может вызвать охота за кристалликами.

– Пойдите! – Голос мой сорвался на крик. – Вы забываете одну простую вещь. Человек, убивший Илая, вряд ли знал, где старик добывал эти кристаллики. Он украл лишь небольшое их количество – и все.

– Невелика разница, – отмахнулся доктор. – Как только в Солнечной системе узнают о существовании кристалликов, люди заполнят Меркурий и начнут искать их на свой страх и риск.

Андерсон умолк на полуслове, потом вернулся к столу и сел.

– Надеюсь, мистер Маршалл, вам понравился мой рассказ.

– Понравился? Да это – величайшая сенсация, какой еще не знала Солнечная система. Я уже вижу газеты с двухфутовыми заголовками. Все издания...

Я заметил, что Андерсон как-то странно глядит на меня, и его взгляд мне очень не понравился.

– Думаю, вы уже догадались, мистер Маршалл, что никогда не опубликуете услышанное здесь?

– Как это не опубликую? – опешил я. – А для чего тогда вам понадобилось откровенничать со мной?

– Я воспользовался вашим появлением, чтобы поделиться тем, что очень долго носил в себе, – ответил доктор. – Мне давно хотелось излить кому-нибудь душу. А еще мне требовалось время.

– Время? – удивился я.

Андерсон кивнул:

– Время, чтобы роботы успели принять необходимые меры безопасности. Они обнаружили нарушение привычного хода событий. А как действовать дальше, им подсказывать не надо.

Мне показалось, что ситуация забавляла доктора.

Мы сидели, глядя друг на друга. Андерсон улыбался. Какое выражение лица было у меня, не знаю. Я был взбешен и в то же время напуган.

– Поймите меня правильно, – заговорил наконец доктор. – Не стоит излишне драматизировать ситуацию. Я не сказал, что намерен вас убить. Просто вы никогда не покинете санаторий. Любая попытка бежать окончится вашей гибелью. И это не шутка. Видите ли, Маршалл, я не могу отпустить вас. Мне неизвестно, что вы на самом деле знаете о кристалликах и как себя поведете. А рисковать я не хочу.

– Вы – грязный и...

– Вам захотелось услышать мой рассказ, – перебил он меня. – Я исполнил ваше желание.

Дверь за спиной Андерсона тихо открылась, и пол в кабинете прочертил луч яркого света. Мне удалось мельком увидеть соседнее помещение. Там была лаборатория.

В проеме стоял высокий сухопарый человек в черном халате. Халат еще сильнее подчеркивал бледность его лица.

– Слушай, Андерсон... – взволнованно произнес вошедший.

– Входи, Эрни, – прервал его доктор. – Не думал, что ты появишься в это время. А у нас гость. Познакомься: это мистер Шерман Маршалл. Он погостит у нас. – Андерсон бросил на меня косой взгляд. – Причем достаточно долго.

– Рад познакомиться с вами, – приветствовал меня Эрни. – Вы, случайно, не любитель виста? А то Андерсон играет неважно. Называет вист пустой тратой времени.

– Я вообще не умею играть в вист, хотя и считаюсь неплохим картежником.

– Должно быть, вы догадались, что Эрни – мой сообщник в этом, так сказать, преступлении, – сказал Андерсон. – Он несколько моложе меня, но ненамного. Кстати, позвольте вам представить: Эрни Хичкок. В прошлом – непревзойденный пилот космического корабля.

– Я вот почему тебя побеспокоил... – Хичкок вновь повернулся к Андерсону. Интонация его голоса была какой-то странной. Старомодной, что ли? – Реакция пошла... в нужном направлении. Я все тщательно проверил.

Андерсон схватился за крышку стола.

– Реакция? – Он даже закашлялся от волнения. – Ты хочешь сказать... именно та? Да?

Хичкок кивнул.

Андерсон повернулся ко мне.

– Извините, мы вынуждены вас покинуть.

Я машинально кивнул, не зная, что сказать. Я пытался связать воедино все, что произошло за это короткое время. О какой реакции сообщил Андерсону его сухопарый друг? Может, они нашли лекарство против «космовируса»? Неужели Андерсон – уставший и раздавленный бесконечными неудачами – все-таки оказался победителем, хотя для достижения цели ему понадобилось полторы сотни лет?

Дверь лаборатории плотно закрылась. Опять потянулось время. Я встал, походил по кабинету, но это мне быстро надоело. Посмотрел книги на стеллажах – сплошь медицинская литература, в которой я ничего не смыслил.

Помня о предупреждении Андерсона, я все же открыл дверь, ведущую в приемную. Покалеченного мною робота-секретаря успели убрать. Посередине комнаты стоял другой робот, скрестив на груди металлические руки. Он посмотрел на меня так, словно ждал, когда же я попытаюсь бежать, но не произнес ни слова. Я тоже молча закрыл дверь.

Я вспомнил про приемник в углу кабинета. Старик говорил, что вот уже несколько месяцев его не включал. Ничего удивительного: радиоприем на солнечной стороне Меркурия сопровождался колоссальными помехами. Однако я знал, что не так давно радиостанция Нью-Чикаго установила более мощные передатчики, и решил попробовать.

Щелкнул выключатель. Шкала осветилась, динамик ожил и затрещал. Я настроился на волну Нью-Чикаго и услышал голос Джимми Дойла, который обычно читал выпуски новостей. Слышно было гораздо хуже, чем в городе, но меня сейчас больше интересовало содержание передачи. Я попал на самое начало выпуска. Первые же слова пригвоздили меня к месту:

«...продолжаются поиски Шермана Маршалла, разыскиваемого по подозрению в убийстве Илая Лоуренса. Ордер на арест Маршалла был выдан десять часов назад, когда в одном из переулков квартала Северная Стена нашли небольшой полотняный мешок, принадлежавший убитому. Как сообщили нам в полицейском управлении, на мешке обнаружены отпечатки пальцев Маршалла. Бармен из „Места под солнцем“ подтвердил, что...»

Джимми рассказывал о ходе расследования, но я его уже не слушал, ибо ухватил главное: на мешке Илая нашли мои отпечатки пальцев, а бармен сообщил, что незадолго до убийства я сидел в его заведении вместе со стариком.

Я представил, какая суета сейчас царит в Нью-Чикаго. Копы прочесывают каждый уголок. Им нужен кто-то, на кого можно повесить это убийство. Тоже понятно: близятся выборы и городским властям просто необходимо шоу о торжестве законности и порядка. И зачем ломать голову? Вот вам улики, вот рассказ свидетеля. Остается только схватить Маршалла.

Не помню, как я выключил приемник, но в кабинете стало тихо. И на Земле, и в Нью-Чикаго мне приходилось писать репортажи из зала суда. Бывая там, я часто пытался поставить себя на место обвиняемого и вообразить, о чем он думает и что ощущает.

Теперь я очень хорошо понимал, какие мысли и чувства владеют подсудимыми!

Правда, пока я находился в безопасности. Вряд ли кому-нибудь придет в голову искать меня в санатории. Даже если полиция и заявится сюда, Андерсон меня не выдаст. Кому-кому, а ему вовсе не нужны мои показания.

Я стал прокручивать в памяти события, происходившие до и после убийства Илая. И тут я вдруг вспомнил про «песчаную бутылку», спрятанную мною в ящике гардероба. Про меркурианский сувенир Марти Берга, который так и не попал к Чести Льюису!

Дверь лаборатории открылась, и оттуда вышел Андерсон. Он улыбался. Правильнее сказать: он лучезарно улыбался.

– Я тут подумал... – начал он. – Пожалуй, я позволю вам уехать.

– С чего бы это вдруг? – вместо благодарности накинулся на него я.

– Говорю вам: я серьезно подумал и понял, что незачем держать вас здесь.

– Но послушайте, док, теперь уже мне хочется погостить у вас подольше, – возразил я. – Мне казалось...

Я осекся, осознав, что дальше оставаться в санатории не имело смысла. Если Андерсон решил меня отпустить, значит я ему больше не нужен и выгораживать меня он не станет.

– Чем вызвана такая внезапная перемена? – спросил я. – Вы же понимаете, что если я выберусь отсюда, то непременно напишу и опубликую рассказ обо всем, что здесь узнал. В этом можете не сомневаться.

– Не думаю, что вы станете об этом писать, – продолжая улыбаться, покачал головой Андерсон. – Я предложу вам кое-что поинтереснее. Это станет настоящей сенсацией.

– Лекарство? Вы нашли лекарство от «космовируса»?!

Он кивнул:

– Нам оставалось сделать последний шаг. Очень опасный и с ничтожным шансом на успех. Мы очень боялись потерпеть неудачу. Случись она – и на всей затее с лечением «космовируса» можно было бы смело ставить крест. Мы исчерпали все возможности. Оставалась последняя.

Мы использовали ее, и... опять осечка. Во всяком случае, так нам показалось. На самом деле нас ждал успех. Просто реакция протекала медленнее, чем мы ожидали, и не сразу дала результаты. Но теперь мы уверены: лекарство от «космовируса» существует!

Он опять уткнулся взглядом в стену. Та по-прежнему была абсолютно белой и пустой.

– Конечно, понадобится некоторое время, – прервал молчание Андерсон, – чтобы усовершенствовать метод лечения. Но у меня есть это время... не слишком много, но есть.

Я не выдержал:

– Послушайте, доктор! У вас наверняка остались кристаллики. Думаю, Илай хорошо вас снабжал. Не могли же вы израсходовать весь запас. Так почему вы говорите о времени?

Он повернулся ко мне:

– Да, у меня еще остались кристаллики. И я вам их покажу.

Андерсон встал и направился в лабораторию. Я двинулся следом. Доктор раскрыл шкафчик, приделанный над раковиной, достал оттуда коробочку и отвинтил крышку. Внутри лежали кристаллики.

– Смотрите, – сказал Андерсон.

Опрокинув коробочку, он высыпал драгоценное содержимое в раковину и повернул кран. Мы молча наблюдали, как вода уносит кристаллики и они исчезают в решетке слива.

– А теперь давайте рассказывайте о кристалликах, пишите статью или даже десять! Вас поднимут на смех и заклеят как лгуна. У вас нет вещественных доказательств. Я единственный свидетель. Но я скоро умру. – Доктор швырнул коробочку в мусорное ведро и закрыл воду. – Я давно ждал дня, когда смогу от них отказаться. Главное свершилось. Я достиг поставленной цели: победил «космовирус» и тем самым ответил наконец на мольбу, которую видел в глазах умирающих больных. И поверьте: никто из них не осудил бы меня за то, что я сейчас сделал.

– Вы кое о чем забыли, доктор.

– О чем?

– Вещественные доказательства по-прежнему существуют. Ведь кто-то похитил кристаллики у Илая.

Как я и ожидал, Андерсон вздрогнул. Радость опьянила его, и он забыл обо всем. Теперь наступило отрезвление.

Доктор молча смотрел на блестящие капельки воды, скатывающиеся в черную пропасть слива. Передо мной вдруг встала картина всей его жизни: нескончаемая вереница одиноких лет, заполненных работой, надеждой и отчаянием. Последнее сопровождало его на каждом шагу. И теперь, когда лекарство от «космовируса» было найдено, отчаяние никуда не ушло. Изменилась только причина. Андерсон сознавал, что добытые упорным трудом знания могли бы обессмертить его имя, но они же грозили превратить жизнь человечества в кровавый хаос.

– Не все так плохо, доктор, – попытался я его утешить.

– О чем вы?

– Я говорю о кристалликах, которые были у Илая. Не беспокойтесь. Я знаю, где они.

– И вы молчали?

– Нет. Я сам догадался об этом лишь минуту назад.

Я знал, о чем меня спросит Андерсон, и опередил его вопрос:

– Я сделаю все, что необходимо.

Доктор молча протянул мне руку.

Я точно знал, где находятся кристаллики. Но добраться до них было не так-то просто. Теперь я мог назвать и имя того, кто убил Илая. Только как это доказать? Предъявить суду кристаллики? Сомнительно, чтобы судьи поверили моему рассказу. В любом случае это был запрещенный прием. Применить его означало нарушить обещание, данное Дженнингсу Андерсону. Уезжая из санатория, я заверил доктора, что буду молчать о кристалликах.

Молчать-то я буду, только сначала нужно попасть в Нью-Чикаго.

Сейчас я уже не помню все детали. Уверенный, что полицейские обращают внимание лишь на машины, покидающие город, а до въезжающих им особого дела нет, я въехал через западные ворота, и моя машина затерялась в потоке других.

Трюк сработал. Я свернул на тихую улочку, потом в еще более тихий переулок и там остановился. Дальнейший путь к дому я проделал уже пешком, причем пробирался не напрямую, а кружил по переулкам, где прохожих немного. Но и с ними я старался не сталкиваться: заслышав шаги, нырял в какую-нибудь парадную и пережидал. В конце концов я оказался возле многоквартирного дома, где до недавнего времени жил.

Попасть внутрь оказалось проще, чем я думал. Возле парадной дежурили полицейские в штатском, но наблюдение велось не слишком бдительно. Я понимал ход их рассуждений: зачем убийце появляться там, где его наверняка схватят?

Как только полицейские отвернулись от двери, я вошел. В коридоре моего этажа пришлось еще немного задержаться и пропустить человека, идущего навстречу. Я остановился у чужой двери и, предусмотрительно нагнув голову, сделал вид, что ищу в кармане ключи.

Возле моей квартиры охраны не было. Наверное, полицейские решили, что мне все равно не проникнуть в дом, а стало быть, незачем зря тратить силы.

Судя по встретившему меня беспорядку, в квартире уже успели провести обыск. Похоже, полицейские не совсем представляли, что искать, и с собой не взяли ничего. Я быстро подошел к гардеробу и выдвинул ящик. Бутылка была на месте. Дрожащими пальцами я вытащил пробку и встряхнул содержимое.

Конечно же, внутри был вовсе не меркурианский белый песок, а кристаллики – те самые, которые Илай показывал мне в «Месте под солнцем».

Я вспомнил слова Андерсона о том, что в случае осуществления повторного синтеза человек начинает молодеть».

Нерешительность моя длилась не более минуты. Затем я взял щепотку кристалликов и проглотил. Они оцарапали мне горло, словно песок, но это меня не заботило. Набрав в рот слюны, я протолкнул кристаллики еще глубже и для большей гарантии добавил к ним еще одну щепотку, после чего остальное содержимое бутылки высыпал в слив ванны и пустил воду.

Теперь оставалось только сидеть и ждать. Риск, конечно, был, но, возможно, здесь я находился в большей безопасности, чем в каком-нибудь другом месте.

Через четыре часа я покинул квартиру, спустился вниз и как ни в чем не бывало прошел мимо начальника местного отделения МБР Флойда Дункана. Тот меня не узнал. Честно говоря, я бы и сам себя не узнал. На вид мне было не более двадцати лет.

Еще на подходе к зданию редакции марсианской «Таймс» в Сандебаре я услышал голоса мальчишек-разносчиков:

– Читайте в экстренном выпуске! Марти Берг признан виновным! Настоящий убийца Илая Лоуренса – Марти Берг!

М-да, много же времени понадобилось Дункану, чтобы расколоть этого типа. Я равнодушно пожал плечами и усмехнулся, вспомнив, как прошел тогда мимо Дункана, а он и глазом не повел.

Я направился прямо в кабинет редактора городских новостей.

– По какому вопросу? – равнодушно спросил меня сидевший за столом человек.

– Мне сказали, вы ищете репортера.

– Да, верно. Вы смыслите в журналистике?

Я кивнул.

– Где успели поработать?

Я выложил ему заблаговременно сочиненную историю.

– А какого черта вас занесло на Марс? – спросил редактор. – Не слишком подходящее место для жизни.

– Люблю путешествовать, – соврал я. – Знакомлюсь с Солнечной системой не по чужим рассказам, а на собственном опыте.

Редактор что-то пометил у себя в блокноте.

– Ладно, проверим, на что вы годитесь, – сказал он. – Мне нравится ваше лицо. Вы чем-то похожи на одного человека, с которым я встречался несколько лет назад. Его звали... – Редактор безнадежно покачал головой. – Хоть убей, забыл его имя.

Зато я хорошо помнил имя этого редактора: Герберт Норт. Несколько лет назад мы действительно встречались с ним на конгрессе журналистов и недурно провели время, когда после занудливых официальных речей началась традиционная шумная пирушка.

– Слышали когда-нибудь о парне по имени Чести Льюис? – спросил меня Норт.

– Читал о нем. Если не ошибаюсь, нью-йоркский гангстер.

– Да. Но в Нью-Йорке ему стало неудобно, и он подался на Марс. Разумеется, и здесь принялся за свои штучки... Где-то через час начинается судебное слушание по его делу. Вот вам первое задание: отправляйтесь в суд и сделайте репортаж. Кое-что расскажу, чтобы вы были в курсе. Случай просто анекдотичный. Чести нагрел одного старого дурня на кругленькую сумму – что-то около миллиарда баксов. Внушил легковерному старикашке, будто обладает редкостным снадобьем, возвращающим молодость. К счастью, полиция не дала Льюису улизнуть с Марса. Думаю, скучать на процессе вам не придется. Желаю удачи.

Я внимательно выслушал Норта, естественно не сказав, что история о том, как Чести Льюис продал Эндрю Дж. Расмуссену – миллиардеру, владевшему едва ли не всем городским хозяйством Марса, – бутылочку с неким «средством для мгновенного омоложения», мне хорошо знакома. Как потом установила полицейская экспертиза, в бутылочке находился обыкновенный белый песок с Меркурия.

Эпоха сокровищ

1

Темпоральная тяга

Хью Камерон поднялся с колен, отряхнул пыль с ладоней и посмотрел на Джека Кэбота и Конрада Янси. Те ответили ему вопросительными взглядами.

– Можно двигаться, – объявил Камерон. – Все работает.

– Проверки, перепроверки... У меня от них мурашки по коже, – признался Янси.

– Без этого никак, – сказал Камерон. – В таком путешествии, как наше, рисковать нельзя.

Кэбот сдвинул шляпу на затылок и почесал голову:

– А ты в самом деле уверен, что все правильно? Ну и теория, и машина... Мне и сейчас кажется, что у нас просто с головой не в порядке.

Камерон кивнул:

– Должно работать, по крайней мере по моим понятиям. Я проверил все, шаг за шагом. Правда, теория Паскаля уникальна: ничего похожего никто еще не предлагал. Объявить время интеллектуальной абстракцией и на такой базе реализовать концепцию перемещения во времени...

– Ничего удивительного, что этого парня выгнали из Оксфорда! Обозвать, для начала, теорию относительности вздором... – заметил Янси.

Камерон указал на хрустальный шар, увенчивающий нагромождение приборов:

– Все дело в этом вот темпоральном мозге. Правда, я понятия не имею, как он работает. Каким образом Паскаль его построил, я тоже не знаю, но только он работает. Я в этом убедился. Паскаль принял за аксиому, что время является чисто субъективным феноменом. Будучи интеллектуальной концепцией, оно не существует объективно, но при этом оказывается неотъемлемой частью нашей картины мира.

– Вот это как раз и доходит до меня хуже всего, – вздохнул Кэбот. – Не могу избавиться от убеждения, что для реального перемещения во времени нужно для начала это самое время иметь. Реальное, объективно существующее. Только такое время может предсказуемым образом подчиняться физическим воздействиям. Как мы собираемся плыть по океану, которого нет?

Камерон прикурил сигарету и попробовал объяснить:

– Ты никак не можешь выйти за рамки чисто физических представлений. Теория же Паскаля не сводится к физике и математике, хотя и того и другого в ней достаточно. Тут еще и психология, вписанная в физическую теорию. Паскаль отталкивается от утверждения, что, хотя время как объективная реальность не существует, чувство времени, свойственное человеческому сознанию, реально и хорошо развито. Мы не можем представить себя вне времени. С точки зрения здравого смысла время не содержит в себе никакой загадки.

Паскаль рассудил, что, если можно создать искусственный мозг, в него можно встроить обостренное чувство времени. Может быть, в десять тысяч раз более тонкое, чем наше. Не могу сказать. В общем, Паскаль так и сделал: сконструировал аналог человеческого мозга с обостренным чувством времени. Этот мозг знает о времени больше, чем доступно всему роду человеческому. Паскаль – настоящий волшебник. Никто другой на Земле не смог бы этого сделать – в двадцатом веке.

– Неуютно мне как-то, – сказал Кэбот. – Я ведь привез тебя из Америки в Лондон, потому что ты – единственный, кто может разобраться в этой бредовой затее. Ты совершенно уверен,

что все пройдет гладко? Я в теориях ничего не понимаю и надеюсь на тебя. Если есть малейшие сомнения, скажи об этом сейчас. Я не хочу застрять в прошлом.

Камерон глубоко затыкнулся:

– Это не бред, Джек. Это работает. Чувство времени в искусственном мозгу развито настолько, что подчиняет себе само время. Он может перемещаться во времени – вместе с самой машиной времени и всем, что находится внутри. И это не гипноз. В гипнотическом трансе перемещение было бы фикцией.

Мозг действительно способен перемещаться во времени – вместе с нами. Он вырабатывает энергию особой природы. Это не электромагнитная энергия, как Паскаль считал поначалу. За неимением лучшего ее можно назвать темпоральной энергией, или темпоральным импульсом. Звучит достаточно хорошо. Мозг вырабатывает этой энергии достаточно, чтобы работал темпоральный привод.

Камерон беспомощно развел руками:

– Вот и все, что я могу объяснить тебе на пальцах. Остальное – зубодробительная математика. Тебе придется поверить мне на слово, Джек: эта штука работает.

Кэбот улыбнулся:

– Твоего слова для меня достаточно.

Пятно солнечного света на полу накрыла чья-то тень. В просвете люка стоял седовласый человек с по-детски наивным лицом: доктор Томас Паскаль, волшебник сороковых годов двадцатого века.

– Все готово? – бодро спросил он.

Камерон кивнул:

– Я проверил каждую кабель, каждый контакт. Работает, как часы. Все в полном порядке.

– Тогда чего же мы ждем? – Голос Янси звенел. – Помираю от нетерпения – хочу подстрелить саблезубого тигра!

– В саблезубых тиграх не будет недостатка, – пообещал доктор Паскаль. – Мы отправляемся в заповедные места, где никто еще не слышал ружейного выстрела.

Камерон рассмеялся:

– Скажите, доктор, как вам удалось соблазнить этих двух ненормальных охотников такой сумасшедшей идеей? Сафари в прошлое?

– Мне нужны были деньги на завершение работ по темпоральному приводу, – ответил Паскаль. – Но я не хотел, чтобы мое изобретение послужило недостойным целям. Тут я услышал о мистере Кэботе и мистере Янси. Небедные люди и знаменитые охотники. Что может быть для них интереснее, чем охотничья экспедиция в прошлое? И все же убедить их оказалось непросто. Они согласились, только когда я поручил вам, мистер Камерон, проверку всех систем.

Кэбот упрямо тряхнул головой:

– Все равно, доктор, не могу поверить, пока не увижу своими глазами. Рисс-вюрмский межледниковый период – пятьдесят тысяч лет назад. Неблизкий путь!

– Бифштекс из мамонта сегодня на обед будет для вас достаточно убедительным? – спросил Паскаль.

– Нам лучше отправляться, если вы, доктор, собираетесь сдержать это обещание, – сказал Камерон. – Инвентарь и запасы погружены, все системы работают нормально. Мы готовы.

– Хорошо, – согласился Паскаль. – Кто вызовется задраить люк и иллюминаторы?

Янси подошел к люку, замер на мгновение в проеме. Снаружи открывался вид на деревушку Эйлсфорд и на всю долину Темзы за ней. Земля с богатейшей историей, земля, о которой сложены легенды. Через несколько минут они отправятся сквозь эту историю назад, и далеко за ее пределы, в те времена, о которых не сложено легенд. Два американских охотника на самом безумном сафари всех времен.

Улыбаясь, Янси закрыл люк.

– Интересно, какая пуля вернее всего остановит саблезубого тигра? – задумчиво произнес он.

Когда он отвернулся от люка, темпоральный мозг уже светился зеленым светом. Доктор Паскаль был похож на горбатого гнома, стоящего перед огненной печью.

– Люк закрыт, – сообщил Янси.

– Иллюминаторы задраены, – сказал Кэбот.

– Хорошо, – ответил Паскаль.

Механизмы гудели негромко, почти неслышно.

Движение во времени совершенно не ощущалось, но, глянув в иллюминатор, Янси задохнулся от изумления.

Долина Темзы исчезла, лишь серая пелена небытия, в которой изредка мелькали бесформенные тени, липла к стеклам.

Машину времени затрясло; серая мгла снаружи поредела, а тени приобрели объем и форму.

– Движемся слишком быстро, – объяснил Паскаль. – Похоже, рельеф повышается. Можем напороться на что-нибудь, лучше притормозить. Природные объекты для нас не должны представлять опасности, но зачем рисковать?

– Рельеф и должен повышаться, – сказал Камерон. – Сейчас уже и Ла-Манша, наверное, нет. В ресс-вюрмский период Британские острова составляли одно целое с континентом, а Темзе до Северного моря путь был неблизкий.

Серая дымка в иллюминаторах почти рассеялась. Машина времени раскачивалась, как лодка на невысокой зыби. Внезапно снаружи разлилось ослепительное сияние. Янси прикрыл глаза. Машина времени взмыла, как на гребне гигантской волны, затем плавно опустилась.

– Прошли вюрмский ледник, – сказал Паскаль. – Добро пожаловать в ресс-вюрмский период!

– Нам незачем нестись сломя голову, – предупредил Камерон. – От последней встряски лампа в передатчике вылетела. Это не беда, есть чем заменить, но лучше радио не разбивать, может понадобиться.

Пространство за стеклами иллюминаторов очистилось от мути. Поблизости обнаружилось дерево, за ним – пейзаж, залитый лучами восходящего солнца.

Янси услышал голос Паскаля:

– Примерно семьдесят тысяч лет. Добрались до места.

Янси не мог отвести взгляд от иллюминатора. Машина времени стояла на вершине холма, откуда открывалась потрясающе прекрасная панорама. За невысокими холмами лежала долина, поросшая сочной зеленой травой, а внизу сверкал серебром на солнце прозрачный поток. И повсюду виднелись темные крапинки – в тех, что поближе, легко угадывались пасущиеся стада.

Янси попробовал свистнуть – не получилось.

Он оторвался наконец от иллюминатора:

– Джек... их там тысячи!

Кэбот, однако, уже открыл люк.

Вчетвером они едва помещались в просвете люка.

Паскаль улыбнулся:

– Вот видите? Все, как я и обещал!

Кэбот порывисто вздохнул.

– Действительно, – признал он. – Такого и в Африке не увидишь.

– Фауна разных периодов, – сказал Паскаль. – Палеолит уходит, на смену приходит современный животный мир. Одни виды вымирают, другие зарождаются. Такие разнообраз-

ные стада никогда еще не паслись на земле – и никогда не будут пастись потом. Хищники и травоядные: пещерный медведь, саблезубый тигр, пещерная гиена, мамонт и шерстистый носорог, гигантский олень и тур, северный олень и другие современные животные...

– Есть где охотнику развернуться, – заметил Янси.

Кэбот согласно кивнул и спрыгнул на землю.

– Не желаете ли размять ноги, джентльмены? – предложил он.

– Сейчас не могу, – ответил Камерон. – У меня опять проверка всех систем.

Янси последовал за Кэботом.

– Вы бы винтовки с собой взяли, – посоветовал Камерон.

Кэбот рассмеялся.

– Мы недалеко, – ответил он. – Револьверов хватит.

Под ногами охотников пружинила густая трава, а склоны, обращенные к реке, покрывали густые заросли в человеческий рост. Некоторые холмы украшали причудливые нагромождения скал, и повсюду кишела разнообразная дичь.

Янси остановился и поднес к глазам бинокль.

Через несколько минут он передал прибор Кэботу:

– Ты только посмотри на все это, Джек! Глазам своим не верю. Там, у реки, стадо мамонтов – у той большой роши, видишь? Выше по течению реки – они же. Есть шерстистые носороги и бизоны – очень похожие на американских.

– *Bos priscus*, – сказал Кэбот. – За последнее время я кое-что прочитал о фауне каменного века. Примитивная форма бизона. Если повезет, можем встретить и *Bos latifrons*. У этих расстояние между концами рогов до десяти футов. Но возможно, они уже вымерли: гигантские бизоны обычным дедушками приходятся.

– А что за стадо там, за рекой? – спросил Янси, указывая пальцем.

Кэбот навел бинокль.

– Гигантские олени! – объявил он.

В этот момент сбоку и где-то совсем рядом раздался жуткий рык. Охотники на мгновение окаменели. Менее чем в сотне футов, на самом краю зарослей, стоял чудовищный медведь. Гигантский темно-бурый зверь, шести футов в холке, и подкрался совершенно незаметно...

Медведь мотал головой и пускал слюни. От его рева содрогалась земля.

– Боже милостивый! – прошипел Кэбот. – Дружище, не делай резких движений! Тихо, тихо, спиной вперед...

Янси взялся за револьвер. Кэбот краем глаза уловил движение:

– Идиот! Убери руку! Пулей сорок пятого калибра ты его разве только раздразишь!..

Не сводя глаз с медведя, охотники медленно отступали к машине времени. Зверь разъярился окончательно: рев его раскатывался, как грохот поезда, летящего по мосту. От этого звука стыла кровь в жилах.

Янси споткнулся о выступающий из земли корень, но устоял на ногах. Медведь тряхнул головой, и на могучих лапах остались клочья пены, во все стороны разлетевшейся из пасти.

И тут медведь бросился на охотников. Только что он стоял на месте, а мгновение спустя уже мчался во весь опор, как лавина.

– Беги! – крикнул Кэбот, но крик утонул в грохоте выстрела.

Передние лапы медведя подломились, он ударился загривком о землю и кувырнулся. Уже на бегу Кэбот разглядел в просвете люка Камерона и Паскаля, целящихся из тяжелых винтовок.

– Эй, стойте! Вы еще не туда попадете!

В три прыжка Кэбот добрался до люка. Паскаль охотно отдал ему винтовку:

– Никогда из такой не стрелял...

Кэбот повернулся обратно к медведю, который поднялся на лапы и стоял, пошатываясь, сверкая злобными поросычыми глазками и роняя пену, теперь уже красную.

Охотник аккуратно прицелился зверю между глаз и нажал на спуск. Медведь кашлянул и осел.

Янси утер пот тыльной стороной ладони.

– Так близко... никогда раньше... – прохрипел он.

– Пещерный медведь, – сказал Паскаль. – Видов крупных животных здесь много.

Камерон спрыгнул на землю.

– К тому же это не те виды, которые боятся людей и выстрелов. Здесь разве что неандертальцы живут – такому медведю их нечего бояться.

Янси еще раз провел рукой по лицу.

– Да, в таких местах мне бывать еще не приходилось. Вышли перекурить и осмотреться – и на тебе, сразу медведь!

Камерон расхохотался:

– Да, ты ему понравился. Отличный завтрак!

Янси поморщился, но промолчал.

Внезапно Кэбот указал пальцем на густую траву за тушей пещерного медведя.

– Там кто-то есть! – произнес он хриплым шепотом.

Молнией метнулась рыжеватая тень и опустилась на бурую медвежью тушу. Сверкающие клыки и могучие когти в одно мгновение спустили шкуру с мощного загривка. Заметив людей, хищник поднял окровавленную морду и отступил, рыча и скалясь.

Янси выхватил свой револьвер сорок пятого калибра. Первый выстрел раздался едва ли не раньше, чем оружие покинуло кобуру. Все шесть выстрелов слились в один удар грома, от которого у всех четверых искателей приключений заложило уши.

Рыча, хищник корчился под ударами тяжелых пуль. Когда курок сухо щелкнул по последней стреляной гильзе, он был еще жив. Зашипев, как кошка, зверь припал к земле и оскалил клыки, острые, как бритва, и длинные, как штык.

Янси торопливо перезаряжал револьвер. Кэбот выхватил свой, но тяжелая винтовка в руках Камерона успела прогреметь раньше, и гигантская кошка рухнула в траву. Кэбот вернул револьвер в кобуру.

– Саблезубый тигр, – сообщил Паскаль спокойно, будто они находились в зоопарке.

– Сколько же он принял свинца, прежде чем умереть... – Янси все еще дышал тяжело.

Опустив ствол винтовки, Камерон задумчиво рассматривал трупы:

– Это все меньше и меньше похоже на охоту. Похоже, нам тут придется стоять насмерть, как Кастеру...²

– Кровожадные твари! – согласился Янси. – И совсем нас не боятся.

Камерон дунул в казенник, выгнав из дула облачко голубоватого дыма:

– Интересно, каков на вкус бифштекс из пещерного медведя?

– Жесткий, как подметка, по всей вероятности, – предположил Янси, исследовав гигантскую тушу.

² Подполковник Джордж А. Кастер, командир отряда федеральных войск, погибшего до последнего человека в сражении с индейцами на берегах реки Литтл-Бигхорн, Монтана, 25 июня 1876 года.

2

Центавриане

С высоты шестисотого этажа стратосферного небоскреба Беркли, где располагалась штаб-квартира корпорации «Тайм тревэл», открывался фантастический вид. Черные и серебряные купола, геометрический узор парков, тонкие иглы башен, радужные арки и миллионы огней, растворяющихся в воздушной дымке, – Нью-Йорк выглядел сказочным городом.

Стиву Кларку это волшебное зрелище никогда не надоело. Он нередко поднимался сюда по вечерам, чтобы посидеть и поболтать с Энди Смитом, одним из лучших пилотов «Тайм тревэл».

Развернув газетные листы в пятне света от одинокой настольной лампы, Смит углубился в пахнущий типографской краской свежий номер «Дейли рокет», который Стив Кларк прихватил с собой. В окружающей темноте угадывались канцелярские столы, шкафы и полки, заставленные скоросшивателями. Соседнее помещение представляло собой ангар для машин времени, стартовавших, при необходимости, прямо оттуда.

– Как дела? – спросил Кларк, удобно пристроив ноги на столе.

– Не так, чтобы очень бойко, – проворчал Смит. – На дворе пятьдесят шестой век, и путешествием во времени никого не удивишь. Десяток-другой экскурсий в неделю. – Он ткнул пальцем в лиловые заголовки: – То ли дело у вас, газетчиков! Сплошные новости, особенно сегодня.

– Ага, – согласился Стив Кларк. – Центавриане выручают, в который раз. Аршинные заголовки, как обычно. Сегодняшний случай особенно хорош.

– Да уж... Камни бонго с Марса, а? Четырнадцать штук. Самая большая коллекция самых прекрасных камней во всей Солнечной системе.

– В точности так, – сказал Кларк. – Главного редактора чуть удар не хватил. Шутка ли, в самом деле: шанс заткнуть за пояс все остальные газеты! – Кларк рассмеялся. – Самое смешное, что получилось.

Энди Смит аккуратно сложил газету.

– А все же, Стив, кто такие центавриане? У меня такое чувство, что никто этого толком не знает...

– Во-первых, они самые выдающиеся пройдохи во Вселенной, – ответил Кларк. – Во-вторых... во-вторых, это все, что про них известно наверняка. Над самыми выдающимися сыщиками последних пяти веков они только смеялись. И не вижу причин, которые помешали бы им смеяться еще лет пятьсот. Или больше. Полиция даже не знает, где у них база, а если знает, то держит в секрете. И вообще мы против них выглядим полными идиотами. Давно ли они увели, притом с концами, транспорт с золотом прямо из-под носа межпланетной полиции? А ведь в операции по перехвату был задействован каждый полицейский Солнечной системы!

– То есть ты придерживаешься мнения, что центавриане действительно существуют? – спросил Смит. – Мафия негуманоидных суперменов?

– Как тебе сказать... – ответил Кларк. – Газетчики не так легковверны. Как ни странно, на их счету больше всего разрушенных мифов. И ты знаешь, как газетчик я могу утверждать, что центавриане – не гуманоиды. Однако на них списывают много такого, к чему они не имеют отношения ни сном ни духом. С другой стороны, имеются бесспорные свидетельства их существования. Не так много, всего два или три случая за последние пятьсот лет, но речь идет о достоверных, хорошо документированных событиях.

Все свидетели утверждают, что они покрыты чешуей и имеют хвосты и копыта. И еще важный признак, общий для всех связанных с центаврианами дел: они не играют по маленькой. Взять хоть эти камни бонго: десять миллиардов, как один цент. Очень на них похоже.

Смит задумчиво посвистел:

– А ты уверен, что они пришли именно с альфы Центавра?

– Во всяком случае, они наверняка не имеют отношения к Солнечной системе. На планетах системы нет и не было ни одной формы жизни, которая была бы на них сколько-нибудь похожа. Подозреваю, что те, с кем мы сталкиваемся, – беглецы из своей системы. Возможно, они нашалили у себя дома и удрали, а здесь взялись за старое. Кем бы они ни были и откуда бы ни пришли, здесь им живется хорошо: делают что хотят и не то что ни разу не попались – их только пару раз и видели!

Еще я читал, что их корабль, возможно, потерпел крушение на Земле. По крайней мере, нашлись какие-то обломки, и среди них то, что осталось от двух или трех пассажиров. Были это центавриане или кто еще – сказать на самом деле нельзя...

Стив Кларк раскурил венерианскую сигару.

– Но что бы они собой ни представляли, из них всегда получаются самые горячие новости!

Смит посмотрел на часы:

– Мне пора. Что, если мы на прощание заскочим в Париж пропустить по стаканчику?

– Почему бы и нет? – согласился Кларк.

Смит встал из-за стола, запихнул газету в карман и замер: в дверях стояли, сливаясь с темнотой, несколько черных силуэтов. В отраженном свете настольной лампы что-то тускло блеснуло.

Голос из темноты произнес с сильным, незнакомым акцентом:

– Пожалуйста, сядьте обратно.

Смит сел, а Кларк спустил ноги со стола и вскочил.

– Вы тоже, сэр.

Кларк повиновался. Несмотря на странное неразборчивое произношение, в голосе ощущалась несомненная угроза.

Медленно, величественно от группы отделилась фигура и приблизилась к пятну света на столе. Но даже вблизи о незнакомце нельзя было сказать ничего определенного: лицо и голову прикрывали темные очки и капюшон, а длинный плащ не давал разглядеть ноги.

Стив Кларк почувствовал, что волосы у него на затылке зашевелились.

– Чем могу помочь? – вежливо осведомился Смит.

– О, вы можете помочь, – произнесла фигура в черном.

В тусклом свете блеснули белые зубы, но лица было не разглядеть – темные очки и капюшон плаща скрывали все.

– Мне нужен темпоральный конденсатор.

Энди Смит изумился, но ответил, сохраняя хладнокровие:

– К сожалению, мы запасными частями не торгуем.

– Не торгуете? – В голосе незнакомца в черном прозвучал скорее вызов, чем вопрос.

– Нет спроса, – объяснил Энди Смит. – Машины времени есть только у «Тайм тревэл», и мы их используем под строгим государственным контролем. Поэтому вне нашей компании нужды в запасных частях нет и быть не может.

– Но запасные конденсаторы у вас есть?..

– Несколько штук, – согласился Смит. – При малейшем подозрении их нужно менять: никто не хочет застрять во времени.

– Мне это известно, – ответил некто в черном. – Но смею вас уверить, что есть по меньшей мере одна машина, не принадлежащая вашей компании. Например, у меня.

Незванный гость скрипуче рассмеялся. Во всяком случае, Энди Смит решил, что это был смех.

– Удивительно, но я приобрел машину у вашей компании много лет назад. Теперь мне нужен конденсатор. – Между складок черного плаща показалось неприятного вида дуло какого-то странного оружия. – Я могу взять то, что мне нужно, силой, но предпочитаю добровольное сотрудничество. В последнем случае я готов заплатить.

На краткий миг из-под плаща показалась рука и тут же спряталась обратно, оставив на столе несколько небольших округлых предметов, засверкавших в свете лампы всеми цветами радуги.

– Камни бонго. – Белые зубы сверкнули. – Не из тех, что украдены сегодня. Эти не числятся в розыске. Настоящие камни, стоят хороших денег.

Не сводя глаз с камней, Стив Кларк лихорадочно соображал. Камни бонго! Десять штук! Теперь понятно, кто сейчас перед ним стоит... Стало быть, центавриане все же не выдумка. К тому же он успел разглядеть руку, выбросившую камни на стол. Чешуйчатая, как лапа ящерицы. И этот звук шагов: копыта, а никакие не сапоги...

Сквозь вихрь мыслей до людей донесся голос:

– Я забираю конденсатор и ухожу отсюда. Камни остаются.

Смит в смятении промолчал.

Оружие в руке пришельца нетерпеливо дернулось:

– Не хотите – я вас пристрелю. А потом заберу конденсатор.

Кларк слышал, как Смит поворачивает ключ в замке сейфа, но оторвать взгляд от камней бонго не мог.

Теперь понятно, почему полиции так никогда и не удалось отыскать базу центавриан. Базы в каком-то конкретном месте не существует! Благодаря машине они не связаны конкретной областью пространства или времени! Сегодня они могут ограбить копи царицы Савской, а завтра похитить сокровища отдаленного будущего, сокровища, которых сейчас и представить себе нельзя!

– Ловко! – произнес он вслух. – Чертовски ловко!

Энди Смит стоял рядом с Кларком и тоже смотрел на камни. В комнате больше никого не было.

– Отдал конденсатор? – спросил Кларк.

Смит кивнул, не в силах пошевелить языком в пересохшем рту:

– Мне ничего не оставалось, Стив.

Кларк показал на камни:

– А с этим что будем делать, Энди?

– Не знаю... Их здесь не продать. Да и в других местах тоже. Нас на всякий случай посадят, легко докажут, что мы их украли, и отправят в шахты на Луну.

– Есть способ. – Кларк кивнул в сторону ангара, где стояли машины времени.

Смит облизнул сухие губы:

– Интересная мысль... В конце концов, наши друзья однажды уже украли машину времени. И компания не сообщила о потере. Испугалась ответных мер со стороны государства, надо полагать.

В комнате повисла зловещая тишина.

– Это точно были центавриане, Стив?

Кларк молча кивнул.

– Меня уволят, Стив! Уволят в любом случае, после того, как я десять лет на них проработал!

В коридоре за дверью послышался звук шагов. Кларк молниеносно прибрал со стола камни.

– Не годится, чтобы нас сцапали с этим, – прошептал Кларк хрипло. – В ангар, быстро!

Друзья нырнули в темный дверной проем и притаились под крылом одной из машин. В комнате, которую они только что покинули, появились три фигуры, на этот раз человеческие и в полицейской форме.

– Что здесь происходит? – потребовал один из них, непонятно от кого.

Ответом была густая тишина.

– Тот парень сказал, что отсюда вышли несколько странных типов. Что он имел в виду?

– Посмотрим в ангаре, – предложил один из полицейских.

Он осветил фонариком, едва выхватив из темноты Смита и Кларка.

Смит потянул приятеля за рукав:

– Нам нельзя здесь оставаться!

Кларк кивнул, хотя в темноте этого нельзя было разглядеть. Был только один способ выбраться отсюда...

Вдвоем они чуть не застряли в просвете люка.

– Ну, вот, – сказал Смит. – Мы теперь преступники, Стив.

Шлюз раскрылся, и машина времени, накренившись, вылетела наружу.

Загудел темпоральный привод, и двое друзей, вместе с десятью камнями бонго, провалились в глубины времени.

3

Сокровище не ко времени

Для старика Одноглазого подходила к концу последняя битва его жизни. Когти гигантской кошки вырвали из рук каменный топор, сломали топориче и отбросили оружие далеко в сторону. Из глубокой раны в плече стекала по волосатой груди алая кровь.

Одноглазый понимал, что бежать от саблезубого тигра бесполезно. Неандерталец сгорбился в позе борца и, яростно сверкая единственным глазом, приготовился к бою.

Гигантская кошка взревела, хлеща хвостом, и припала к земле перед прыжком.

Одноглазый знал, что сейчас произойдет. Он далеко не в первый раз встречался с саблезубым тигром, только до сегодняшнего дня выходил победителем. Вместе с соплеменниками он отражал атаки пещерного медведя, преследовал и убивал могучего мамонта. В свое время Одноглазый был великим охотником и непобедимым воином, но сегодня настал его час. Голые руки – не оружие против клыков и когтей саблезубого тигра. Для Одноглазого пришло время умирать.

Позади тигра затрещали кусты, и зверь немедленно развернулся навстречу новой угрозе. Одноглазый замер.

Конрад Янси упер приклад в плечо.

– Дело зашло достаточно далеко, – сказал он. – По мне, так человек должен всегда защищать своих.

В реве гигантской кошки смешались страх и ярость.

Охотник прицелился в уродливую голову и выстрелил. Саблезубый тигр подпрыгнул, визжа от боли. Янси выстрелил еще раз, и кошка опрокинулась на спину, кашляя кровью.

Над поверженным зверем Одноглазый и Янси обменялись взглядами.

– Ты здорово дрался, – сообщил Янси неандертальцу. – Я видел все с самого начала. Рад, что сумел помочь.

Одноглазый в ужасе таращил глаза, потрясенный небывалыми запахами, которые принес с собой чужак, вооруженный сверкающим копьем. Говорящее громовым голосом копьё пахло по-своему, так резко, что Одноглазый с его чувствительным обонянием едва сдерживал кашель.

Янси осторожно сделал шаг в сторону неандертальца. Тот вздрогнул и напрягся, готовый убежать, и охотник замер, затаив дыхание.

Янси разглядел, что неандерталец в свое время лишился глаза – вооруженная длинными когтями лапа провела глубокие борозды по его лицу. Грубые рубцы красноречиво свидетельствовали о жестокой схватке на диких просторах.

Невысокий, неуклюжий с виду и сутулый, неандерталец олицетворял собой первобытную мощь. Голова сидела на толстой, как ствол дуба, шее, могучие руки свисали почти до колен кривых ног, а все тело покрывали густые волосы. Колючие брови на выступающих надбровных дугах были белы, как снег; белые отметины виднелись и на других местах.

– Стареешь... – сказал Янси, почти про себя. – Уже не так быстр, как раньше, а? Когда-нибудь ты не успеешь вовремя, и кошка до тебя доберется.

Конрад Янси шагнул вперед еще раз, стараясь не делать резких движений, но для неандертальца это оказалось уже слишком: он сиплю вскрикнул от ужаса и бросился прочь, вниз по склону холма, в спасительную чашу.

Вернувшись к машине времени, Янси рассказал историю схватки между саблезубым тигром и пещерным человеком, как он смотрел, как колебался и как в конце концов спас жизнь неандертальца.

Это была не единственная история того дня. Кэбот и Камерон, охотясь в нескольких милях к востоку, встретили огромного мамонта. Зверь атаковал, и лишь четыре пули крупного калибра, умело и аккуратно посланные в цель, в конце концов остановили его. Паскаль, оставшийся охранять машину времени, тоже не скучал: ему пришлось отгонять пещерного медведя, а ближе к вечеру лагерь окружила стая из пяти волков самого свирепого вида. Они убрались, только когда Паскаль подстрелил двоих.

Да, эта земля изобиловала дичью и знала лишь закон могучего клыка и острого когтя! Крупные животные охотились на мелких, а гигантские на крупных; человек придет сюда еще не скоро, что уж говорить о смягчающем влиянии цивилизации. Кучка неандертальцев, скрывающихся в темных, сырых пещерах, погоды не делала.

Но эти дикие, первобытные места, которые впоследствии станут Британскими островами, оказались лучшим охотничьим заповедником, в каком доводилось бывать Кэботу и Янси. Стрелять, защищаясь, приходилось так же часто, как и для того, чтобы подстрелить дичь. С течением времени охотники узнали, что на пещерного медведя может уйти больше свинца, чем на слона, а саблезубый тигр, напротив, не настолько живуч, как кажется, и что завалить мамонта может только самый хороший стрелок и только из самой мощной винтовки.

На бескрайних ночных просторах лишь серый фюзеляж машины времени в мерцающем свете костра говорил о том, что в этом мире возможна цивилизованная жизнь. Над восточным горизонтом поднялась кроваво-красная луна, освещая землю, где живые существа лишь рычали и скулили, охотились и скрывались.

На следующее утро в лагерь пожаловал гость. В кустах на краю лагеря прятался старик Одноглазый, изучая обстановку. Внезапно он исчез, так быстро и бесшумно, что Янси только протер глаза, думая, не привиделось ли ему.

В течение дня Янси и Кэбот не раз замечали, как Одноглазый украдкой следует за ними.

– Может, он никак не наберется храбрости подойти поближе и сказать тебе спасибо, что спас его жизнь? – предположил Кабот.

Янси хмыкнул:

– А что мне оставалось делать, Джек? С одной стороны, он вроде бы животное, а с другой – все-таки человек. В таком месте лучше стоять за своих. К тому же он смелый старикашка: готов был схватиться с кошкой голыми руками.

В лагере Паскаль оценил рассказ охотников с научной точки зрения:

– Естественное любопытство, я думаю. Первые проблески интеллекта. Пытается понять, что к чему. Он сейчас всерьез напрягает те мозги, которые у него есть.

Камерон искоса глянул на Янси:

– Может быть, он почуял, что ты его потомок. Сотое поколение, но все же...

– Вот этого как раз не может быть, – возразил Паскаль. – Неандертальцы не являются предками человека. Они не то вымерли сами, не то их уничтожили кроманьонцы, которые здесь появятся через десять – двадцать тысяч лет. Тупиковая ветвь. Неудавшийся эксперимент природы.

– А выглядит совсем как человек, – с сомнением произнес Янси.

Одноглазому лагерь путешественников во времени явно понравился. День за днем он болтался вокруг, а во время охотничьих экспедиций в почтительном отдалении следовал за Янси. Понемногу он стал смелее. В подходящих местах специально для него оставляли мясо, которое он поначалу утаскивал в заросли. С течением времени он перестал стесняться: садился прямо на виду у охотников; негромко рыча, разрывал мясо руками и зубами и отправлял сочащиеся кровью куски в рот.

Он слонялся вокруг костра, как бродячий пес, открывший источник сытой жизни. Каждый вечер он подходил к огню все ближе и ближе, садился на корточки и что-то лопотал, ожидая, когда ему дадут поесть.

И однажды, окончательно уверившись, что ему ничего не грозит, он присоединился к людям, шурясь на огонь и возбужденно лопоча.

– Возможно, это он с нами разговаривает, – предположил Паскаль. – Если и так, язык очень примитивен. Десятка полтора слов, не больше.

Потом выяснилось, неандерталец любит, чтобы ему чесали спину. Удовольствие он выражал, похрюкивая, как счастливый поросенок. Еще он привык выпрашивать кусочки сахара.

– Надо же, обзавелись домашним любимцем, и как далеко от дома! – сказал Камерон.

– Он нечто большее, Хью, – покачал головой Янси.

Между Янси и неандертальцем сложились отношения, очень похожие на дружбу. Когда по вечерам одноглазый дикарь входил в круг света у костра, он всегда усаживался рядом с Янси. Болтал он тоже обычно с Янси, а днем, на охоте, следовал за ним, как косолапая тень, когда – в почтительном отдалении, когда – открыто и рядом.

Однажды вечером Янси дал неандертальцу нож. Любопытно, сообразит ли пещерный человек, что это такое? И Одноглазый действительно понял, что этот чудесный кусок блестящего металла подобен ручным рубилам, которыми его народ снимает шкуры с убитых животных!

В восторге Одноглазый пускал слюни, поворачивая нож и так, и эдак. Он возбужденно тараторил, касаясь плеча Янси с неуклюжей ласковостью. Внезапно неандерталец покинул круг света у костра и бесшумно растворился во тьме – ни один сучок под ногами не хрустнул.

Янси сонно протер глаза:

– Интересно, что это старый дурак затеял?

– Не терпится опробовать новую игрушку, – предположил Кабот. – Обмыть подарок свежей кровью.

Янси прислушался. Совсем недалеко тоскливо рычал саблезубый тигр; подальше, у реки, ревел мамонт.

Янси с сомнением покачал головой:

– От всей души надеюсь, что наш приятель сейчас хорошенько смотрит, куда идет. Старость не радость, и он уже не так скор, как когда-то. Боюсь, для того тигра он окажется легкой добычей.

Но прошло не более четверти часа, и Одноглазый вернулся, так же бесшумно, как и исчез.

Оглянувшись через плечо, Янси увидел неандертальца в одном шаге за спиной. Одноглазый вытянул руку, сжатую в кулак; между пальцами в свете костра что-то сверкнуло.

– Он тебе принес подарок, – сказал Паскаль. – В обмен на твой нож. Он знает, что такое натуральный обмен. Поразительно!

Янси встал и протянул руку ладонью вверх. Одноглазый с готовностью уронил в нее сверкающий предмет. Охотник невольно зажмурился: даже в тусклом свете костра предмет сверкал так, что глазам было больно.

Драгоценный камень! Прозрачный, а в самом сердце горит льдистый голубой огонек! Янси благоговейно повернул его – грани заискрились всеми цветами радуги.

– Что это, Янси? – спросил Кэбот шепотом.

– Бриллиант. – Голос Янси сорвался. – Бриллиант, как видишь, – с кулак величиной!

– Вот именно! Камень, ограненный мастером-ювелиром!

Янси кивнул:

– Остается понять, что делает ограненный алмаз в раннем палеолите.

4

Всем, всем, всем!

Одноглазый указал пальцем в устье пещеры и возбужденно залопотал. Янси ласково потрепал его по плечу, и неандерталец затанцевал от радости.

– Ну вот мы и пришли, – сказал Янси.

– Очень надеюсь, – заметил Камерон. – Пришлось-таки попотеть, объясняя, что нам нужно. Я и сейчас с трудом верю, что у нас получилось.

Кэбот помотал головой:

– Все равно я ничего не понимаю! Неандерталец и бриллианты. Бриллианты величиной с кулак!

– Пойдемте посмотрим, – предложил Янси.

Устье пещеры круто уходило вниз. Вслед за Одноглазым путешественники во времени друг за другом соскользнули в круглую камеру, тускло освещенную отблесками дневного света от входа. Кэбот включил фонарик и не сдержал изумленного возгласа.

На полу пещеры, вдоль стен, сложенные в пирамиды, как пушечные ядра, и просто рассыпью, в лучах фонарика сверкали и переливались драгоценные камни.

– Ура! – завопил Камерон.

Стоя на коленях, Паскаль запустил руки в груды камней, вытащил горсть, ссыпал обратно. Пещера наполнилась деликатным шепотом.

Кэбот осветил фонариком вокруг. Груды камней; аккуратные штабеля золотых слитков, отлитых будто вчера; серебристые бруски иридия и платины; сундуки кованой меди; кожаные мешки, переполненные золотыми самородками.

Дрожащей рукой Янси оперся о стену.

– Боже милостивый! Сокровищница императору впору!

Луч фонарика на мгновение выхватил из мрака потрясенное лицо доктора Паскаля.

– Но как?! Откуда здесь взяться металлургам и ювелирам?

Из темноты раздался рассудительный голос Камерона:

– Объяснение обязательно должно найтись. Сокровищница погибшей цивилизации, например...

– Не похоже, – сказал Паскаль. – Слитки будто вчера отлиты. Да и платина известна лишь с недавних пор, не говоря уж об иридии.

В голосе Кабота зазвенел металл.

– Спорить о происхождении всего этого будем потом, – сказал он. – Паскаль, ты и Хью – подгоните сюда машину. Мы с Янси начинаем выносить ценности навверх прямо сейчас.

Подниматься к устью пещеры с грузом на плечах было нелегко. Выбравшись наружу, Янси сбросил мешок с драгоценными камнями на землю и отер пот со лба.

– Работенка, однако, – сказал Янси Камерону.

Камерон кивнул:

– Ничего, конец уже виден, – утешил он. – Еще часок-другой – и мы все погрузим. Потом можно и домой.

– Разумная мысль, – согласился Янси. – Мне тоже не по себе. Кто-то ведь все это здесь спрятал. Понятия не имею, кто и как, но только мне почему-то кажется, что лучше нам не попадаться на глаза хозяевам.

Паскаль выбрался из пещеры и сбросил на землю золотой слиток.

– Пойду к машине, попью водички. Потом поволоку эту чушку дальше, – объявил он.

И когда Янси наклонился за своим джутовым мешком, раздался и заметался эхом между скал крик доктора Паскаля.

Мгновение назад на склоне холма, на вершине которого стояла машина, не было ничего, кроме нескольких валунов и отдельных деревьев. Сейчас там стоял обтекаемый черный аппарат с кургузыми крыльями, чем-то похожий на самолет. Его контуры были размыты, как у миража в пустыне; мгновение спустя силуэт его стал ясным и четким.

Догадка оглушила Янси, как удар в челюсть: вот они, хозяева сокровищ!

Охотник выхватил револьвер.

Люк открылся, и наружу выпрыгнул человек... Но человек ли? Существо шеголяло длинным хвостом, чешуей и парой трехдюймовых рожек на лбу.

И еще пришелец имел в руке оружие – да такое, какого Янси в жизни не видел. Дуло загадочной «пушки» пошло вверх, и револьвер сорок пятого калибра в руках охотника ожил. Краем глаза Янси заметил револьвер в руке Камерона, услышал грозный щелчок взведенного курка.

Первый пришелец упал, но из люка уже сыпались другие.

Отрывисто пролаял револьвер Камерона, и тут же солидно взбрыкнула пушка Янси, который и не почувствовал, как нажал на спуск.

«Ствол» в руках одного из чешуйчатых чудовищ плюнул карандашным лучом лилового пламени; горячее дыхание обожгло Янси щеку.

Перед машиной времени неподвижно, как пустой мешок, лежал доктор Паскаль. Над ним стоял Кэбот, энергично отстреливаясь. Еще один лиловый луч протянулся к Янси, но попал в булыжник поблизости. Булыжник раскалился и начал крошиться.

Гигантскими прыжками Янси спустился вниз по склону, туда, где лежал Паскаль, подхватил старого ученого под мышки и рывком приподнял. Он успел бросить взгляд в сторону чужой машины: в открытом люке виднелись какие-то приборы, масса светящихся трубок...

В следующее мгновение вся эта техника с оглушительным грохотом взорвалась. Янси глянул на соседа, чтобы увидеть на лице Кэбота выражение варварского триумфа: его работа!

Шатаясь, Янси подтащил Паскаля к люку машины времени. Навстречу протянулись руки и помогли забраться внутрь.

Постепенно в голове охотника несколько прояснилось. Янси сидел на полу, рядом неподвижно лежал доктор Паскаль. Теперь было ясно, что он мертв: грудь сожжена одним из лиловых лучей.

Кэбот тщательно задраил люк и повернулся к товарищам.

– Кто это такие, Джек? – спросил Янси, все еще плохо соображая.

Кэбот устало покачал головой вместо ответа.

– А ты не узнал? – спросил Камерон. – Рога, копыта, хвосты – черт собственной персоной, в нескольких экземплярах. Вот откуда пошли рассказы о дьяволе.

Янси поднялся на ноги, не сводя глаз с Паскаля.

– Не могу поверить, – прошептал он. – Такой славный был старикашка...

Камерон только кивнул, поджав губы.

От иллюминатора подал голос Кэбот:

– Эти черти что-то затевают! Боюсь, нам мало не покажется... – Он повернулся к Камерону: – Ты можешь сплавить нас куда-нибудь отсюда, Хью?

– Пожалуй, – сказал Камерон, секунду поразмыслив. – Но я бы предпочел не спешить. Думаю, несколько минут у нас еще есть. Этот темпоральный мозг – капризная штука. Зная общий принцип и располагая временем, я был бы более уверен в успехе. Но если времени нет, придется рисковать.

Он подошел к темпоральному мозгу и перекинул тумблер. Хрустальный шар засветился призрачным зеленым светом.

– Та штука – тоже машина времени, – сказал Янси. – Это объясняет бриллиантовую значку. Закопать награбленное в иные времена здесь – блестящая идея!

– Забрались в прошлое чуть дальше нас, чтобы припрятать очередную порцию, а тайничок-то пуст! Потом сдвинулись обратно и нашли воришек...

Камерон хлопнул себя по бедру:

– Я придумал! Все это означает одно: в нашем будущем путешествия во времени – обычная практика, и тогда эти копытные – тамошние преступники. А раз так, мы можем рассчитывать на признательность тамошних правоохранительных органов!

– Это здорово, но как послать им весточку? – спросил Кэбот. – Как они узнают, что нам нужна помощь?

– Есть один маленький шанс, – ответил Камерон. – Если не сработает, я всегда могу попробовать вернуться в двадцатый век, хотя тут девять шансов из десяти, что я нас всех угроблю.

– Ну, так что же ты придумал?

– Паскаль говорил, что «темпоральная энергия», которую генерирует этот самый мозг, сродни обычному электричеству. Насколько глубоки различия, я не знаю, хотя это жизненно важно. По крайней мере, темпоральный привод работает на темпоральной энергии, хотя другие системы работают на обычном электричестве.

– Хотел бы я знать, – продолжил Камерон после паузы, – сгодится ли темпоральная энергия для питания радиостанции?

– А какая нам разница? – огрызнулся Янси.

– Может, нам удастся отправить радиосигнал по всем временам? – предположил Камерон.

– Насколько я понимаю, темпоральный мозг довольно маломощный, – усомнился Янси.

– Я рассчитываю, что особой мощности нам и не понадобится, – сказал Камерон. – Это ведь не более чем выстрел наудачу...

– Звучит неплохо, – заключил Янси. – Почему бы не попробовать?

Камерон перекинул тумблер вниз, забрался в потроха темпорального мозга и электрическими проводами подключил его к радиостанции, затем снова включил питание. Передатчик негромко загудел.

– Ты бы особо не тянул, – забеспокоился Кэбот. – Они там, знаешь ли, начали пробовать на нашей машине эту лиловую гадость...

Камерон твердо заговорил в микрофон:

– SOS... SOS... Экспедиция путешественников во времени терпит бедствие в долине Темзы близ деревни Эйлсфорд, примерно за семьдесят тысяч лет до наступления двадцатого века. Экспедицию атакуют существа, напоминающие дьявола, каким он описан в позднейших мифах. SOS... SOS... Экспедиция путешественников во времени терпит бедствие в долине Темзы...

Камерон повторял сообщение снова и снова.

Янси и Кэбот не отрывались от иллюминаторов.

Чешуйчатые черти, окружив машину, методично поливали ее лиловыми лучами, стоя спокойно и равнодушно, как статуи. Воздух в машине уже начал разогреваться, обшивка стала теплой на ощупь.

Внезапно внутренность кабины осветила изумрудная молния. Янси и Кэбот обернулись. Темпоральный мозг превратился в груды обломков.

– Взорвался, – констатировал Кэбот. – Лиловые лучи, надо полагать. Так что, если наш сигнал бедствия не прошел, нам конец. Темпоральный привод без мозга не работает.

– Смотрите! – закричал Кэбот.

Камерон и Янси бросились к иллюминаторам.

На склон холма опускалась черная машина, точно такая же, как у чешуйчатых чертей.
Те в ужасе бросились кто куда, но тщетно: лиловые молнии нашли их всех и обратили
в пепел.
– Сработало! – задохнулся от восторга Янси. – Наше радио сработало!

5

Охотники за острыми ощущениями

– Мы не можем вернуться в пятьдесят шестой век. Стив и я угнали машину времени. Вам, наверное, в этом смысле повезло, потому что никто другой, кажется, вашего сигнала не принял. Если нас поймают – это пожизненный срок на Меркурии. За все время были угнаны две машины. Первая – вон там. – Энди Смит указал на обломки, разбросанные по склону холма.

– Зачем забивать себе голову всякой ерундой? – спросил Янси. – Есть машина, которая доставит нас в любое место в любое время, куда мы захотим. Места в ней хватит на всех, а сокровищ и подавно. И стоит ли ломать голову, куда отправиться? Можно просто полетать там и тут, а где понравится – задержаться. Как центавриане. Лично мне возвращаться в двадцатый век ни к чему: меня там никто не ждет.

– У меня есть тетка, старая дева, – сообщил Кэбот. – Но я ей никогда не нравился. Она всегда считала, что я должен остепениться и делать деньги – приумножать семейное достояние. Охота для нее – детские глупости.

Все четверо повернулись к Камерону. Он ухмыльнулся:

– А мне интересно узнать, чего достигнет мировая наука в ближайшую пару-тройку сотен тысяч лет. Может, удастся освоить парочку самых интересных фокусов из тех, что тогда будут в ходу. Снять сливки, так сказать. А если повезет, сможем и машину времени усовершенствовать.

– Жаль, что мы так мало знаем о темпоральном мозге, – кисло заметил Смит. – Я, например, не понимаю, как он работает. В пятьдесят шестом ничего такого нет. Наши машины перемещаются за счет искривления линий мирового континуума.

Друзья замолчали. Со стороны реки донесся рев мамонта.

– А кто последний раз видел Одноглазого? – спросил Янси.

– Я не видел, – сказал Камерон. – Думаю, он спрятался от этого фейерверка куда подальше.

– Кстати, – спросил Стив Кларк, – как мы поступим с телом доктора Паскаля?

– Оставим здесь, – предложил Янси, – в старой машине. Трудно представить для него более подходящий склеп. Пусть спит рядом со своим творением – темпоральным мозгом. Доктор не оставил никаких записей, и второй такой никто никогда не построит. Он собирался написать книгу, но так и не написал. Везти его обратно в двадцатый век тоже нет смысла: никто, в особенности власти, нам не поверит. Там нас попросту посадят, и еще хорошо, если в сумасшедший дом.

– Мы можем просто вернуть его домой, – сказал Кабот. – Рано или поздно кто-нибудь найдет тело.

Янси покачал головой:

– Бессмысленная затея. Представьте, что начнется, когда его найдут. Вообразите себе результаты вскрытия, и что будет делать Скотланд-Ярд с новой криминальной тайной... Доктор бы предпочел, чтобы его оставили здесь.

– Звучит разумно, – согласился Камерон.

– Значит, решено, – сказал Смит, поднимаясь на ноги. – Может, начнем? У нас много дел. Кларк рассмеялся.

– А забавно вышло с центаврианами, – сказал он, широким жестом указывая на обломки. – Пять сотен лет эти хвостатые бандиты грабили кого хотели и как хотели, и прятали добычу в доисторические времена. И все только для того, чтобы пятеро землян могли провести остаток своих дней, странствуя где и когда хочется.

Энди Смит задумался.

– Но ведь у центавриан тоже была какая-то цель! Они накопили миллиарды долларов в виде драгоценных материалов. Зачем? Уж наверняка не для того, чтобы любоваться. И не из спортивного интереса. На что они собирались все это употребить?

– Вот вопрос, на который мы никогда не узнаем ответа, – сказал Камерон.

Старик Одноглазый сидел на корточках.

Снаружи шел снег, но внутри машины времени было хорошо. В ворохе мехов тепло, в сторонке сложены запасы еды – что еще человеку надо?

Одноглазый клевал носом, завернувшись в шкуру мастодонта. Для старого неандертальца настали легкие и приятные времена. Чужое племя, которое забрело в долину Темзы, нашло Одноглазого живущим в сверкающей пещере и приняло за бога. С тех пор они приносили ему еду, меха и оружие, чтобы умиловать его и снискать благоволение. Это было правильно, потому что кто, кроме бога, может жить в прекрасной пещере из сверкающего гладкого камня, куда не проникают ни сквозняки, ни хищные звери?

Одноглазый дремал, и ему снился день, когда из любопытства и от нечего делать он подергал за рукоять крышки люка. Открылась металлическая дверь, и началась новая жизнь.

С того дня машина времени стала его пещерой. Он прожил в ней много лет и зим и проживет остаток своих дней.

Одноглазый не забыл необыкновенных друзей, которые явились к нему в этой сверкающей пещере. Их нет, они ушли, давным-давно. Одноглазый скучал: без друзей ему было одиноко. Он надеялся, что они когда-нибудь вернуться.

Неандерталец глубоко вздохнул, шлепая губами. Настанет день, когда они вернуться. А пока ему надлежит ревниво охранять и почтительно заботиться о том из них, чьи кости аккуратно уложены там, в углу.

Уходя, друзья тоже не забыли об Одноглазом. Разве они не оставили специально для него тот большой сверкающий камень, что он преподнес им в обмен на острый, блестящий нож?

Одноглазый удовлетворенно пошлепал губами, глядя, как искрится и сверкает в руке внутренним огнем драгоценный камень.

На самом деле камень забыли случайно, но старик об этом не знал. Одноглазый бережно хранил в сердце своем мысль, что друзья оставили ему символ – залог того, что когда-нибудь они вернуться и вновь будут сидеть вокруг костра, давать ему лакомые куски и чесать спину – там, где больше всего чешется.

Снаружи тоскливо завывал ветер, косо летели снежные облака. В долине Темзы бушевала метель.

Но Одноглазому, зарывшемуся в меха, было тепло и уютно. На склоне лет он сыт и спокойно смотрит в завтрашний день; для своих современников – бог, играет бриллиантом с кулак величиной и плюет на погоду.

Костер в пещере

Свинцовые облака сочились моросью. Словно дым, плыла она сквозь голые кроны деревьев, смягчала контуры изгородей, размывала очертания домов, скрадывала расстояние. Влага поблескивала на металлических корпусах роботов и серебрила плечи троих людей, внимавших речитативу человека в черном одеянии, который держал перед собой книжицу в сложенных ковшиком ладонях.

– Я емь воскресение и жизнь...³

Казалось, разрыхленная мхом статуя, что возвышалась над дверью склепа, тянется вверх, каждым своим кристаллом страстно рвется в небо – с тех далеких времен, когда ее вытесали из гранита, дабы украсить семейную усыпальницу в символической манере, столь полюбившейся первому Джону Дж. Вебстеру на склоне его лет.

– Верующий в Меня, если и умрет, оживет...

Джером А. Вебстер чувствовал, как сжимают его руку пальцы сына, слышал приглушенные рыдания матери, видел застывшие шеренги роботов, склонивших головы в знак уважения к человеку, которому они служили – и который ныне оставил их, уйдя на покой.

На вечный покой.

Стоя в полуоцепенении, Джером А. Вебстер вдруг подумал: а ведомо ли роботам, что есть жизнь и что есть смерть? Ясен ли им смысл происходящего? Понимают ли они, почему лежит в гробу тело Нельсона Ф. Вебстера и о чем витийствует над ним мужчина в черном?

Нельсон Ф. Вебстер, из четвертого поколения Вебстеров, поселившихся на этих гектарах, прожил тут весь свой век практически безотлучно, и теперь он ляжет в склеп, построенный первым из здешних Вебстеров для своего рода – для долгой линии неведомых потомков, которым предстояло хранить и преумножать то, чему Джон Дж. Вебстер положил начало.

Джером А. Вебстер обнаружил вдруг, что у него напряжены челюстные мышцы и по телу пробегает легкая дрожь. Защищало глаза, и слова, изрекаемые человеком в черном, слились с шепотом ветра в кронах сосен, стоявших над покойным, будто солдаты почетного караула. И начался парад воспоминаний. Вот седовласый мужчина бродит по холмам и полям, вдыхая свежесть раннего утра. Вот он стоит с ортезами на ногах перед горящим камином, в руке – стакан с бренди.

Гордость... Гордость за свою землю, за свою судьбу. Скромность и благородство, что воспитываются в человеке таким вот тихим, спокойным житьем. Умение наслаждаться часами отдыха, умение достигать цели. Независимость, опирающаяся на гарантированную безопасность. Комфортное бытие в привычном окружении, на привольных просторах.

Томас Вебстер теребил отца за локоть.

– Папа, – шептал он. – Папа...

Молитва дочитана до конца, человек в черном закрыл книгу. Шесть роботов подошли к гробу, подняли на плечи. Трое родственников последовали за ними в склеп, молча постояли там, пока роботы задвигали гроб в нишу и крепили табличку:

НЕЛЬСОН Ф. ВЕБСТЕР

2034–2117

Вот и все. Только имя и даты. И этого достаточно, подумалось Джерому А. Вебстеру. Больше здесь ничего не нужно. У остальных ровно то же самое. У тех, чьи имена – в родословной, начиная с Уильяма Стивенса, 1920–1999. Все его звали Дедусей Стивенсом, вспомнил Вебстер. Отец жены первого Джона Дж. Вебстера, который тоже тут: 1951–2020. Потом сын

³ Ин. 11: 25.

Джона, Чарльз Ф. Вебстер, 1980–2060. И его сын, Джон Дж. Второй, – дедушка любил дремать у очага с трубкой в зубах, рискуя сжечь себе усы.

Вебстер перевел взгляд на другую табличку. Мери Вебстер, мать стоящего рядом с ним мальчика. Мальчика? Он забыл, что Томасу уже двадцать и через неделю-другую он улетит на Марс. Сам Джером, когда отправился на Марс, тоже был молод.

Все собираются здесь, сказал он себе. Все Вебстеры – мужья, жены, дети. Вместе – как в жизни, так и в смерти. Гордый, спокойный сон под защитой бронзы и мрамора, в окружении сосен... И символическое изваяние над позеленевшей от времени дверью.

Роботы ждали, выполнив свою работу и застыв в молчании.

На Джерома взглянула мать:

– Мой сын, теперь ты – глава семьи.

Он потянулся к матери, обнял одной рукой, крепко прижал к себе.

Глава семьи... Того, что от этой семьи осталось. Их теперь только трое: он, его мать, его сын. И сын скоро улетит на Марс. Но когда-нибудь вернется. Может быть, вместе с женой, и тогда род продолжится. Снова заполнятся голосами пустующие комнаты... Таких комнат слишком много сейчас в большом доме. А ведь раньше голосов была целая дюжина, у каждого члена семьи – собственные апартаменты под одной широкой крышей.

Он не сомневался: однажды снова станет как прежде.

Трое Вебстеров повернулись, и вышли из склепа, и направились по дорожке к дому, что громадной серой тенью высился в тумане.

В камине плясал огонь, на рабочем столе лежала книга. Джером А. Вебстер раскрыл ее на титульной странице:

*Марсианская физиология, с особым акцентом на работе мозга.
Джером А. Вебстер, доктор медицинских наук*

Толстая серьезная книга, труд всей жизни. Практически единственная в своей научной области. Основанная на материалах, собранных за пять лет работы миссии милосердия на соседней планете, когда вместе с коллегами из Медицинской комиссии Всемирного комитета Вебстер почти без сна и отдыха боролся с разразившейся там эпидемией.

Раздался стук.

– Войдите, – сказал Вебстер.

Дверь отворилась, вошел робот:

– Ваше виски, сэр.

– Спасибо, Дженкинс, – поблагодарил Вебстер.

– Пастор улетел, сэр, – сообщил Дженкинс.

– Ах да, пастор... Надеюсь, ты позаботился о нем.

– Позаботился, сэр. Заплатил ему обычный гонорар, предложил выпивку. От выпивки он отказался.

– Ты нарушил этикет, – упрекнул Вебстер. – Священники не употребляют алкогольных напитков.

– Прошу прощения, сэр. Он попросил передать, чтобы вы нашли время посетить церковь.

– Чего?!

– Я сказал ему, сэр, что вы никогда не покидаете поместья.

– И это истинная правда, Дженкинс, – кивнул Вебстер. – Никто из нас не покидает поместья.

Дженкинс направился к выходу, но у двери остановился и развернулся:

– Если позволите, сэр, я выскажу мое мнение: церемония прощания у склепа получилась очень трогательной. Ваш отец был замечательным человеком, лучшим из всех. Роботы счи-

тают, что это были достойные похороны. На высшем уровне, сэр. Если бы ваш отец их видел, ему было бы приятно.

– Моему отцу, – вздохнул Дженкинс, – еще приятней было бы услышать это от тебя.

– Благодарю вас, сэр. – И Дженкинс удалился.

Вебстер сидел у огня, потягивал виски, листал книгу – и ощущал окружающий его уют знакомой до последней мелочи комнаты, своего надежного убежища.

Это его дом. Это родовое гнездо Вебстеров – с той поры, когда сюда прибыл первый Джон Дж. и возвел первый блок здания, которому предстояло с годами многократно расширяться. Джон Дж. приобрел этот земельный участок по той причине, что в здешней речке водится форель, – во всяком случае, он часто так говорил. Но за его выбором, возможно, кроется нечто большее. Да, наверняка кроется, сказал себе Джером.

Хотя вначале это и вправду могла быть форель. Речка с рыбой, и деревья, и луга, и гряда холмов, куда ежеутренне с речки наползает туман. А остальное могло появиться потом, могло накопиться за годы, когда разрасталась семья и сама здешняя почва пропитывалась чем-то вроде традиции... Но это все же не традиция в полном смысле слова. Это нечто такое, что каждое дерево, каждый камень, каждую пядь земли сделало деревом Вебстеров, камнем Вебстеров, пядью земли Вебстеров... Это уже неотъемлемо.

Джон Дж. – первый Джон Дж. – пришел сюда после распада городов, когда люди раз и навсегда покинули места кучного проживания, порвали с племенным инстинктом, вынуждавшим их тесниться в одной пещере или на одной поляне, чтобы защититься от врага или иной общей угрозы. Эта потребность изжила себя – нет больше ни врагов, ни иных угроз. Человечество взбунтовалось против стадного инстинкта, за тысячелетия выпестованного в нем экономическими и социальными условиями. Новообретенные безопасность и самодостаточность позволили индивидууму сбросить эти оковы.

Тенденция была заложена в двадцатом веке, более двухсот лет назад, когда люди перебрались из городов в сельскую местность ради свежего воздуха, ради просторного жилья, ради благостной жизни – всего того, чего их самым суровым образом лишал городской социум.

И вот конечный результат. Тихая жизнь. Мир и покой, какие могут быть достигнуты исключительно благодаря правильному прогрессу. Образ жизни, к которому человечество стремилось веками. Манориальное землевладение со старыми родовыми гнездами и необрабатываемыми угодьями, с атомными источниками энергии и роботами вместо крепостных.

Вебстер улыбнулся, глядя на пляску огня. Камин – анахронизм, но не из худших – потюмок очагов, спасавших от холода людей в пещерах. Ни малейшего практического смысла в век атомного отопления, зато какое удовольствие! Перед реактором не посидишь, высматривая в ядерных сполохах сказочные замки и дворцы.

А взять этот склеп, где сегодня погребли отца? Он тоже часть родового гнезда, неотъемлемый атрибут. Сумрачная гордость, покой, неспешный ток жизни. В прошлом мертвых хоронили на обширных участках бок о бок, родных вперемежку с чужими...

Он никогда не покидает поместья.

Так сказал пастору Дженкинс.

И это правда. Какой смысл оставлять дом? Здесь все под рукой. Покрути ручку настройки, и любой человек, с кем захочешь пообщаться, вмиг окажется рядом, пусть и не во плоти. Пожелаешь посмотреть спектакль, послушать музыку, полистать книги – к твоим услугам театры, концертные залы и библиотеки всего мира. Не вставая с кресла, можно вести любые дела.

Вебстер потянулся к стакану с виски, хлебнул, затем развернулся к стоявшей возле стола машине.

Ручки он крутил по памяти, не заглядывая в справочник. Знал, куда ему нужно попасть.

Палец коснулся тумблера, и обстановка комнаты растаяла. Иллюзия была убедительной: осталось только кресло, часть стола и часть аппарата.

А кругом – земля, покрытая золотистой травой, и чахлые, скрюченные ветром деревья тут и там. Склон простирается к озеру, что угнездилось среди отрогов. Длинные, темно-багровые, в сине-зеленой еловой опушке, эти отроги громоздятся крутыми ступенями исполинской лестницы и в вышине сливаются с пиками – выстроившимися в ряд, словно зубья пилы, и увенчанными голубоватыми снежными коронами.

Под порывами ветра шумно шелестит листва корявых деревьев, клонится высокая трава. Пламенеют в закатных лучах далекие вершины.

Величие и красота. Девственный рельеф, широкие просторы, озеро, точно вода в горсти, длинные и остроконечные, как клинки, тени гор.

Вебстер блаженствовал в кресле, расслабленно созерцал края. И вдруг чуть ли не над ухом прозвучало:

– К тебе можно?

Голос мягкий, шипящий, совершенно нечеловеческий. Но такой знакомый.

Вебстер кивнул:

– Конечно, Джувейн.

Он чуть повернулся и увидел вычурный приземистый пьедестал, а на нем сидящего на корточках мохнатого доброглазого марсианина. За пьедесталом возвышались другие предметы инопланетной мебели, едва различимые, – надо полагать, обстановка марсианского жилища.

Джувейн махнул волосатой рукой в сторону гор.

– Тебе это нравится, – сказал он. – Ты это понимаешь. А я понимаю, как ты это понимаешь, но для меня тут больше жути, чем красоты. У нас на Марсе ничего подобного нет.

Вебстер потянулся к пульту, но марсианин остановил его.

– Пусть будет, – сказал он. – Я знаю, почему ты здесь. Сам бы я не пришел сейчас, если бы не подумал: возможно, моему старому другу...

– Ты очень добр, – перебил его Вебстер. – Рад встрече с тобой.

– Твой отец был великим человеком. Я ведь помню, как ты любил о нем рассказывать в те годы, что провел на Марсе. И ты обещал прилететь когда-нибудь снова. Почему же не прилетел?

– Ну, видишь ли, – замялся Вебстер, – я просто не...

– Не объясняй, – сказал Джувейн. – Я уже знаю.

– Через несколько дней на Марс полетит мой сын, – сообщил Вебстер. – Попрошу, чтобы он с тобой связался.

– Это было бы замечательно, – сказал Джувейн. – Буду ждать с нетерпением. – Он спокойно заерзал на своем пьедестале. – Сын пошел по твоим стопам?

– Нет, – ответил Вебстер. – Хирургия его никогда не интересовала, он выучился на инженера.

– Что ж, он вправе выбрать собственный путь в жизни, – заключил марсианин. – И все-таки я был бы рад, если бы...

– Я тоже был бы рад, – перебил собеседника Вебстер. – Но все уже решено. Надеюсь, инженер из него получится отличный. Космическое строительство. Только и разговоров что о кораблях для полетов к звездам.

– Пожалуй, твоя семья уже внесла достойный вклад в медицинскую науку, – сказал Джувейн. – Ты и твой отец...

– А до него – дед, – напомнил Вебстер.

– Твоя книга! – воскликнул Джувейн. – Весь Марс в долгу перед тобой. Возможно, теперь будет больше желающих заниматься марсианскими проблемами. У моего народа не бывало великих врачей – просто не накоплено достаточно знаний для того, чтобы появлялись такие

специалисты. Разум народа – странная штука. Марс никогда не помышлял о медицине. В буквальном смысле не помышлял – правда, это удивительно? Нам ее заменил культ фатализма. Даже на заре цивилизации, когда наши предки жили в пещерах...

– Но хватает и такого, – возразил Вебстер, – до чего вы додумались, а мы – нет. И сейчас изумляемся, как же могли проморгать самоочевидное. Как могли упустить возможности, которые дались вам. Взять хотя бы твою область, философию, – она ничуть не похожа на нашу. Там, где мы тычемся вслепую, вы создали науку – высокую и стройную, логичную и практичную, эффективно применимую к любым обстоятельствам.

Джувейн хотел было заговорить, но осекся. Через несколько мгновений все же решился:

– Кажется, я близок к открытию. Это будет нечто совершенно новое, нечто потрясающее. И пригодится не только марсианам, но и вам. Уже много лет над этим тружусь, с тех пор, когда прибыли первые земляне и подсказали мне несколько психологических концепций. Я пока никому не рассказывал, потому что не был уверен в успехе.

– А теперь уверен? – спросил Вебстер.

– Еще не совсем, – ответил Джувейн. – Но почти.

Они посидели молча, глядя на горы и озеро. Прилетела птица, устроилась на ветке уродливого деревца и запела. За снежными вершинами, стоящими шеренгой, точно надгробные камни, громоздились темные тучи. В малиновой кипени тонуло солнце, мерклое, как угли отгоревшего костра.

Стук в дверь заставил Вебстера пошевелиться в кресле, вернул его к реальности. Джувейн исчез – старый философ навестил друга и провел с ним час задумчивого созерцания, а теперь тихонько удалился.

И снова стук.

Вебстер наклонился вперед и щелчком выключателя убрал горный пейзаж. Он в кабинете, все в том же кресле. Сквозь высокие окна просачиваются сумерки, в камине розово мерцают угли.

– Входи, – произнес он.

Дженкинс отворил дверь:

– Ужин, сэр.

– Иду. – Вебстер медленно встал.

– Ваше место теперь во главе стола, сэр, – добавил Дженкинс.

– Ну да, – пробормотал Вебстер. – Хорошо, Дженкинс. Большое спасибо, что напомнил.

С широкого пандуса космодрома Вебстер смотрел на тающий силуэт, на две тусклые красные точки, мигающие в морозном солнечном небе.

И вот уже корабль скрылся из виду, но Вебстер еще несколько долгих минут стоял, держась за поручень перед собой и вглядываясь в стальную синеву.

«До свиданья, сынок», – сказал он наконец.

Нет, это не прозвучало, лишь шевельнулись губы.

Постепенно Вебстер стал воспринимать окружающее. Увидел движущихся по пандусу людей, простирающееся к горизонту летное поле с рассеянными по нему горбиками ожидающих старта кораблей, ангар, возле которого проворные трактора очищали площадку от выпавшего за ночь снега.

Вебстера пробрал озноб. Он подумал, что это странно – середина дня, солнце пригревает, – и снова задрожал.

А затем медленно отвернулся от ограждения и направился к административному зданию. И вдруг накатил страх – необъяснимый головокружительный страх перед этим бетонным полем, перед этим пандусом. Теперь дрожало не только тело, но и, казалось, сама душа, и приходилось с усилием переставлять ноги, чтобы продвигаться к поджидающей двери.

Навстречу шел мужчина, помахивая брифкейсом, и Вебстер, заметив его, мысленно взмолился: «Только не заговори со мной!»

Незнакомец прошел мимо, едва взглянув на Вебстера, и тому полегчало.

Скорей бы домой, сказал себе Вебстер. Пообедать, подремать часок. И пусть в камине играет пламя, бросая отсветы на чугунный дровник. Дженкинс принесет чего-нибудь крепенького и скажет пару незначущих слов...

Вебстер прибавил шаг, спеша покинуть холод и наготу широкого пандуса.

Все-таки странно он себя чувствует из-за Томаса. Расставание далось тяжело, и это вполне нормально. Совершенно ненормально другое – нахлынувший только что страх. Ужас при мысли о путешествии в космосе, о чуждых марсианских просторах – а ведь Марс уже не чужд. Земляне добрались до него больше века назад, изучили, покорили, обжили. А некоторым удалось даже полюбить его.

Но ведь только огромное усилие воли удержало Вебстера от того, чтобы за миг до старта корабля выбежать на поле и истошно закричать, умоляя Томаса не улетать, призывая его вернуться.

Конечно, нельзя было позволить себе столь унижительной, постыдной несдержанности в проявлении чувств. Человек из рода Вебстеров никогда не пойдет на такой позор.

В конце концов, сказал он себе, полет на Марс – не такое уж великое приключение. Обычный рейс по нынешним временам. В далеком прошлом тот день, когда это было сенсацией. Вебстер и сам в молодости полетел на Марс и провел там пять долгих лет.

Он мысленно ахнул, вспомнив, что с тех пор прошло без малого три десятилетия.

Робот-служитель распахнул дверь, и в лицо ударил гомон. Было в этом шуме вестибюля нечто такое, отчего Вебстера снова пронизал холодок страха. Но он пересилил себя и шагнул через порог.

Дверь тихо затворилась позади.

Впритирку к стене, подальше от людского потока, Вебстер добрался до кресла в углу и скорчился там, вжавшись как можно глубже в обивку.

Он сидел, глядя на суету в зале. Кто-то кричит, кто-то бежит, и ни одного знакомого лица. Эти люди скоро улетят кто куда. На разные планеты. Они взволнованы, мечутся от стойки к стойке, улаживают последние формальности.

Заметив над толпой знакомую голову, Вебстер подался вперед:

– Дженкинс!

И тотчас устыдился, хотя вроде бы никто не обратил внимания на его возглас.

Робот подошел к нему.

– Передай Реймонду, что я хочу сейчас же лететь домой, – велел Вебстер. – Пусть посадит вертолет перед дверью.

– Сожалею, сэр, но вылететь немедленно мы не сможем, – ответил Дженкинс. – Техники обнаружили неисправность в атомном блоке, решили поставить новый. Работы на несколько часов.

– Ну конечно, – проворчал Вебстер, – в другое время это случиться не могло.

– Вот и техник так сказал, сэр, – произнес Дженкинс. – Блок мог отказать в любой момент. И тогда вся энергия...

– Да-да, – перебил робота Вебстер. – Не сомневаюсь. – Он помолчал, нервно крутя в ладонях шляпу. – Сейчас вспомнил: дома осталось одно незаконченное дело, – сказал он. – И оно не может ждать несколько часов. Надо лететь.

Вебстер передвинулся вперед. Сидя на краешке кресла, он смотрел на суетливую толпу. Лица, лица...

– Может, воспользуетесь телесвязью? – предложил Дженкинс. – Тут есть робот, способный это устроить. Кабинка находится...

– Постой, Дженкинс. – Чуть подумав, Вебстер признался: – Нет у меня дома срочных дел. Абсолютно никаких. Но мне нужно туда. Не могу здесь задерживаться. Боюсь свихнуться. На пандусе до того страшно стало... Я растерялся, ничего не соображал. Такое было чувство... Странное чувство, Дженкинс, жуткое...

– Понимаю, сэр, – сказал Дженкинс. – С вашим отцом тоже так бывало.

Вебстер изумился:

– С моим отцом?

– Да, сэр. Вот почему он никуда не летал. С тех пор, когда ему было примерно столько же лет, сколько вам сейчас. Он хотел посетить Европу и не смог. Вернулся с полдороги. У него даже было название для этой проблемы.

Вебстер молчал, потрясенный до глубины души.

– Название? – наконец переспросил он. – Ну конечно, у этой болезни есть название. И она была у моего отца. А у деда? Тоже?

– Мне это неизвестно, сэр, – ответил Дженкинс. – Когда меня создали, ваш дедушка был уже в преклонном возрасте. Но можно допустить, что и он испытывал упомянутую вами боязнь. Он ведь тоже не покидал дом.

– Выходит, ты понимаешь, – проговорил Вебстер. – Ты знаешь, каково это. Я себя так чувствую, будто и впрямь заболеваю – физически. Попробуй-ка нанять вертолет... Да что угодно найми, лишь бы вернуться домой.

– Хорошо, сэр.

Робот развернулся и сделал несколько шагов, но Вебстер окликнул его:

– Дженкинс, кто-нибудь еще знает? Насчет деда?

– Нет, сэр. Ваш отец никогда об этом не упоминал, и, похоже, он хотел, чтобы я тоже помалкивал.

– Спасибо, Дженкинс, – сказал Вебстер.

Он снова вжался в кресло, и снова нахлынула горечь оторванности от дома, собственной неуместности. Да, он совсем чужой в этом громадном зале, где бурлит, шумит жизнь, – и он слаб, немощен в безжалостных когтях одиночества.

Это ненормально. Это самая настоящая болезнь, со стыдом признался себе Вебстер. Простительная для мальчишки, впервые покинувшего дом, чтобы повидать мир.

Да, есть у этой хвори научное название – агорафобия. Паническое восприятие открытого пространства. Слово пришло из древнегреческого языка, буквально означает боязнь рынка.

Если хватит смелости пересечь зал, можно будет позвонить из кабинки телесвязи, поговорить с матерью или с кем-нибудь из роботов... Но нет, лучше он так и будет сидеть и смотреть, пока за ним не придет Дженкинс.

Вебстер привстал, но в следующий миг опять опустился в кресло. Глупая затея. Ничего не изменится оттого, что ты потолкуешь с кем-нибудь из своих и увидишь родные места. Техника не передаст запаха сосен на морозе и шороха снега при ходьбе, не позволит коснуться могучего дуба из тех, что растут вдоль дороги. Тебя не согреет камин, не успокоит чувство родства с твоим участком земли и со всем, что на нем есть.

А если этот разговор все-таки поможет? Ну хоть чуть-чуть?

Вебстер вновь попробовал встать и замер. Чтобы сделать несколько коротких шагов до будки, нужно преодолеть даже не страх, а невыразимый, всепоглощающий ужас. Если он не выдержит, то побежит, ища спасения от чужих глаз, от непривычных звуков, от мучительной близости незнакомых лиц.

Он рухнул в кресло.

По залу разнесся пронзительный женский голос, и Вебстер сжался в комок. До чего же страшно! Скорей бы вернулся Дженкинс.

В окно подул первый весенний ветерок, намекая на тающие снега, на лопающиеся почки и распускающиеся цветы, на летящие в небесной синеве к северу клинья водоплавающих птиц, на плеск в заводях охотящейся на мошек форели.

Вебстер оторвал взгляд от лежащей перед ним на столе кипы бумаг, вдохнул наполнившую кабинет свежесть, ощутил щекой ее прохладное прикосновение. Потянулся к бокалу, обнаружил, что в нем нет бренди, и поставил обратно.

Он снова склонился над бумагами, взял карандаш и зачеркнул слово.

После чего внимательно перечитал заключительные абзацы.

Тот факт, что из двухсот пятидесяти человек, приглашенных мною для обсуждения совсем не заурядных вопросов, прибыть смогли лишь трое, не является бесспорным доказательством того, что все, кроме этих троих, больны агорафобией. Возможно, некоторые отказались от визита по другим, вполне разумным соображениям. И тем не менее цифра указывает на то, что люди, живущие на Земле в условиях, создавшихся после исчезновения городов, все неохотнее покидают обжитые места. Крепнет инстинкт, заставляющий человека оставаться в окружении привычных видов, среди собственных владений, которые разум прочно ассоциирует с безопасностью, со спокойной, благополучной жизнью.

Невозможно дать точный прогноз, к чему приведет эта тенденция, поскольку она затрагивает лишь малую часть населения Земли. В больших семьях дело обстоит иначе – экономическое давление вынуждает молодежь переселяться на другие территории или на другие планеты. Кто-то скитается по космосу в поисках приключений и возможностей, а кто-то посвящает себя профессии, не совместимой с оседлой жизнью.

Вебстер перевернул страницу, чтобы написать последний абзац.

Хорошая получилась работа, сказал он себе, но опубликована она не будет. Во всяком случае, пока. Может, увидит свет после его смерти. Насколько ему известно, еще никто не обнаружил эту тенденцию; то, что люди сидят как прикованные на земельных участках, считается вполне нормальным. Да и с чего бы людям покидать свои жилища?

Я усматриваю определенную опасность в том, что...

Возле локтя забормотало устройство телесвязи, и Вебстер перекинул рычажок.

Свет померк, хозяин кабинета оказался лицом к лицу с человеком, сидевшим за столом – такое впечатление, что не за собственным, а через стол от Вебстера. «Гость» был сед, за толстыми стеклами очков – грустные глаза, повидавшие горе и смерть. На Вебстера эти глаза смотрели сочувственно.

Тот несколько мгновений глядел в ответ; в мозгу пробуждались воспоминания.

– Неужели...

Человек напротив невесело улыбнулся.

– Я изменился, – сказал он. – Вы тоже. Моя фамилия Клэйборн. Помните? Марсианская медицинская комиссия...

– Клэйборн! Я же так часто вас вспоминал! Вы остались на Марсе.

Клэйборн кивнул:

– Доктор, я прочел вашу книгу. Это серьезный вклад в науку. Жалею, что сам ничего не написал, – сколько раз подмывало начать, но так и не нашлось времени. Вы проделали отличную работу, особенно в том, что касается мозга.

– Марсианского мозга, – уточнил Вебстер. – Он меня всегда интриговал. Некоторые его особенности. Боюсь, что в те пять лет я слишком увлеклся сбором материала. В ущерб основной работе.

– Вы потрудились не зря, – возразил Клэйборн. – Собственно, я поэтому и обращаюсь к вам. У меня сложный пациент, требуется операция на мозге. Никто, кроме вас, не справится.

Вебстер ахнул, у него затряслись руки.

– Вы привезете его сюда?

Клэйборн отрицательно покачал головой:

– Он нетранспортабелен. Кажется, вы знакомы с ним. Джувейн, философ.

– Джувейн... – повторил Вебстер. – Один из лучших моих друзей. Не далее как пару дней назад мы с ним разговаривали.

– Внезапный приступ, – пояснил Клэйборн. – Джувейн попросил, чтобы позвали вас.

Вебстер молчал; невесть откуда взявшийся холод пробрал его до костей. Странный холод, от которого сжимаются кулаки и на лбу выступает пот.

– Если вылетите сейчас же, успеете, – сказал Клэйборн. – Я уже договорился со Всемирным комитетом, чтобы за вами прислали корабль. Надо поспешить.

– Но... я... не могу лететь, – пролепетал Вебстер.

– Не можете лететь?!

– Да, это невозможно. И вообще сомневаюсь, что я вам нужен. Уверен, вы сами справитесь...

– Я не справлюсь, – сказал Клэйборн. – И никто другой. Только у вас есть необходимые знания. Судьба Джувейна в ваших руках. Если прилетите, он выживет. Если нет – умрет.

– Я не выдержу полета в космосе, – объяснил Вебстер.

– Любой выдержит полет в космосе! – отчеканил Клэйборн. – Сейчас не то, что раньше. Вам обеспечат какие угодно условия.

– Вы не понимаете! – в отчаянии проговорил Вебстер. – Вы...

– Да, я не понимаю, – кивнул Клэйборн. – Честно, я не в состоянии понять, как можно отказать в помощи умирающему другу.

Двое долго смотрели друг на друга.

– Я могу договориться с комитетом, чтобы корабль прислали к вашему дому, – нарушил наконец молчание Клэйборн. – Надеюсь, к тому времени вы разберетесь с собой.

Он исчез, и снова появилась стена – с книгами и картинами, с камином и любимой мебелью, с окном, за которым пробуждалась весна.

Вебстер не шевелился в кресле, все глядел и глядел в эту стену.

Джувейн. С мохнатым сморщенным лицом, с шипящим шепотом, с неизменным дружелюбием и пониманием. Джувейн, способный докопаться до глубинной сути сновидений и облечь ее в логику. Джувейн, знаток законов бытия. Философия для него – инструмент, точная наука, средство, позволяющее улучшать жизнь.

Вебстер поник под натиском мучительного стыда, спрятал лицо в ладонях.

Клэйборн не понимает. Да и как он может понять, не зная, что творится с Вебстером? И даже если бы знал, разве понял бы? Разве сам Вебстер понял бы человека, страдающего агорафобией, если бы не обнаружил в себе эту болезнь – дикий страх расставания с домашним очагом, с собственной землей, с бесчисленными мелкими символами, расставленными тут и там? Добро бы в роду он один был такой. Нет, все Вебстеры, мужчины и женщины, начиная с Джона Дж., создавали этот жизненный культ, эту поведенческую традицию.

Он, Джером А. Вебстер, в молодости отправился на Марс, не ощущая никакого страха, даже не подозревая о том, что в его венах течет этот психологический яд. Как отправился несколько месяцев назад Томас.

Но за двадцать пять лет, прожитых в этой глуши, которую Вебстеры называют родовым гнездом, недуг развился, окреп втайне от своей жертвы. Да и как бы Вебстер смог узнать раньше о том, что болен?

Но теперь уже нет никаких сомнений. Сколько накопилось привычек, поведенческих шаблонов, приятных ассоциаций со многими вещами, пусть не имеющими реальной ценности в мире, но ставшими дорогими для одной конкретной семьи за пять поколений... Стоит ли удивляться, что другие места кажутся враждебными, что далекие горизонты сулят лишь встречи с неведомыми ужасами?

Как избавиться от такого груза? Может, срубить все деревья, изменить течение реки? Да разве это помогло бы?

Заурчало устройство телесвязи. Вебстер поднял голову, тронул рычажок.

Кабинет наполнился ярким белым светом, но изображение не появилось.

– Секретный вызов, – произнес механический голос. – Секретный вызов.

Вебстер отодвинул панель на корпусе аппарата, покрутил пару ручек и услышал гул – в экран, деливший кабинет надвое, пошла энергия.

– Секретность обеспечена, – сказал Вебстер.

Полыхнула белая вспышка, и по ту сторону стола появился сидящий человек, которого Вебстер много раз видел на телеэкране и газетных полосах.

– Мне позвонил Клэйборн, – сообщил Гендерсон, президент Всемирного комитета.

Вебстер молча кивнул.

– Говорит, вы отказались лететь на Марс.

– Я не отказывался, – ответил Вебстер. – Клэйборн отключился слишком рано, вопрос остался нерешенным. Я пытался ему объяснить, что просто не в состоянии лететь, но он не понял, даже слушать не стал...

– Вебстер, нужно лететь, – твердо проговорил Гендерсон. – Только вы достаточно хорошо знаете марсианский мозг, чтобы провести на нем операцию. Будь этот случай простым, справился бы кто-нибудь другой. Но сейчас вы незаменимы.

– Пусть так, – вздохнул Вебстер, – но все же...

– Речь не только о спасении жизни, – продолжал Гендерсон, – даже жизни столь выдающейся личности, как Джувейн. За этим стоит нечто гораздо большее. Джувейн ваш друг. И он, похоже, в шаге от какого-то открытия.

– Да, – кивнул Вебстер. – Это правда. Новая философская концепция.

– Эта концепция нужна нам как воздух, – с пафосом заявил собеседник. – Она изменит Солнечную систему и за два поколения продвинет человечество на сто тысяч лет вперед. Проложит новый путь – к цели, о чем существовании мы до сих пор не знали и даже не догадывались. К абсолютно новой истине!

Вебстер до белизны суставов вцепился в край столешницы.

– Если Джувейн умрет, – произнес Гендерсон, – вместе с ним умрет его идея. Возможно, она будет потеряна навсегда.

– Я попытаюсь, – вымолвил Вебстер. – Попытаюсь...

Сурово глядя на него, Гендерсон спросил:

– И это все, что вы можете обещать?

– Да, это все, – подтвердил Вебстер.

– Но почему? У вас должна быть какая-то причина. Объясните же!

– Не буду я ничего объяснять. – Вебстер решительно протянул руку к выключателю.

Он сидел за столом и глядел перед собой на сцепленные кисти рук. В этих руках – опыт, навыки. Эти руки могли бы спасти жизнь, если бы оказались на Марсе. Эти руки сохранили бы для Солнечной системы, для землян, для марсиан открытие – новое знание, способное за два поколения дать столетичелетний прогресс.

Но эти руки скованы фобией, вскормленной безмятежным, благополучным бытием.

Упадок. Да, сладостный, да, красивый и тем не менее гибельный.

Двести лет назад человек отказался от шумных суетных городов, от этих людских муравейников. Он покончил с вековыми опасностями, с древними страхами, со всем тем, что заставляло его прятаться в убежище, жаться к общему костру. Домовые, его неразлучные охранители с пещерных времен, тоже остались в прошлом.

И все же...

И все же...

Эта усадьба – та же пещера. Не для тела, но для разума. Психологический костер, оберегающий того, кто находится в круге его света.

Конечно, Вебстер понимал: нельзя оставаться у костра. Подобно людям, покинувшим два века назад города, он должен покинуть убежище. Уйти, не оглядываясь.

Надо добраться до Марса. Хотя бы начать этот путь. Тут не может быть никаких колебаний. Долг есть долг.

Переживет ли он путешествие, сумеет ли провести операцию? Можно ли умереть от агорафобии? Наверное, можно, если она в самой тяжелой форме...

Вебстер потянулся к аппарату, чтобы вызвать Дженкинса, но не коснулся кнопки. Лучше он сам уложит вещи, это поможет отвлечься до прибытия корабля.

В спальне с верхней полки платяного шкафа Вебстер снял чемодан и увидел на нем слой пыли. Дунул – чище не стало. Пыль въелась, лет у нее на это было вдоволь.

Пока он собирался, с ним спорил дом. Говорил беззвучным голосом, как говорят с человеком неодушевленные, но привычные вещи.

– Что ты задумал? – сердилось жилище. – Неужели решил уйти, бросить меня?

Вебстер возражал – то объясняя, то умоляя:

– Я должен лететь! Неужели не понимаешь? Это же мой друг, старый друг! Я обязательно вернусь.

Управившись с багажом, Вебстер возвратился в кабинет и обессиленно упал в кресло.

Он должен лететь – но не может. И все-таки, когда придет корабль, Вебстер выйдет из дома и двинется к нему.

Он крепил свою решимость, облекал ее в стальной каркас и гнал прочь любые мысли, способные этому помешать.

А вещи вторгались в сознание, как будто стоворились удержать его в доме. И выглядели они теперь так, будто Вебстер видел их впервые. Старые, привычные предметы стали вдруг незнакомыми. Хронометр, показывающий и земное, и марсианское время – часы, дни, месяцы, фазы луны. Фотография покойной жены на столе. Приз, заслуженный в частной подготовительной школе. Однодолларовый серебряный сертификат в рамке – сувенир с Марса, обошедшийся в десять баксов.

Вебстер смотрел на эти вещи сначала чуть ли не против воли, потом в охотку, перебирая связанные с ними воспоминания. Каждая вещь – элемент того, что за все эти годы сделалось для него единым целым. А ведь он даже не осознавал, как много их, этих элементов, составляющих его мир.

За окнами темнело – сгущались сумерки ранней весны, напоенные запахом цветущей вербы.

Где корабль? Он уже давно должен был прилететь. Вебстер поймал себя на том, что напрягает слух. Это бесполезно – корабль с атомным двигателем можно услышать только при разгоне. Приземляется и взлетает он беззвучно, как цветочный пух.

Корабль придет. И случится это должно как можно скорее, иначе Вебстер так и останется здесь. Иначе так тяжело давшееся решение развалится, словно песочный куличик под проливным дождем. Он не выдержит и поддастся мольбам кабинета, манящему мерцанию камина, шепоту земли, на которой прожили пять поколений Вебстеров.

Он закрыл глаза и вступил в борьбу с ползущим по телу холодом. Надо выдержать, сказал он себе. Нельзя сейчас сломаться. Когда прилетит корабль, ты найдешь в себе силы встать и выйти за дверь.

В дверь постучали.

– Входи, – сказал Вебстер.

На полированном металлическом корпусе Дженкинса заплясали отсветы камина.

– Вы меня звали, сэр?

Вебстер отрицательно покачал головой.

– Я думал, вы звали меня, – объяснил Дженкинс, – и удивляетесь, почему я не пришел. Очень необычная ситуация, сэр. Прилетел космический корабль, из него вышли двое и сказали, что намерены отвезти вас на Марс.

– Так они уже здесь? Почему ты не сообщил? – Вебстер с трудом поднялся на ноги.

– Сэр, я был уверен, что вы не хотите, чтобы вас беспокоили.

Вебстер застыл, ледяной страх сжал ему сердце. Ухватившись обеими руками за край столешницы, он опустился в кресло и почувствовал, как надвигаются стены кабинета – этой ловушки, которая никогда его не выпустит.

– Мне весьма нелегко пришлось, сэр, – продолжал Дженкинс. – Они так настаивали, что в конце концов я был вынужден пойти наперекор своей натуре и применить силу. И мне удалось их убедить, что вы уже никогда никуда не полетите.

Мы просто ходим по улицам

Джо остановил машину.

– Ты знаешь, что делать? – спросил он.

– Я иду по улице, – ответил Эрни. – Ничего не делаю. Иду до тех пор, пока мне не скажут остановиться. У вас там тоже люди?

– У нас там тоже люди.

– Почему я не могу ходить один?

– Ты попытаешься сбежать, – ответил Джо. – Мы уже так пробовали.

– Я не убегу.

– Черта с два!

– Мне не нравится эта работа, – сказал Эрни.

– Чем? Хорошая работа. Делать ничего не надо. Просто ходишь по улицам.

– По тем, которые ты указываешь. Я не могу выбирать улицы.

– Какая тебе разница, по какой улице гулять?

– Я не могу делать, что хочу. Вот и вся разница. Я даже не могу ходить, где хочу.

– А где ты хочешь ходить?

– Не знаю, – ответил Эрни. – Где угодно, только чтоб вы за мной не следили. Раньше все было по-другому. Я делал все, что хотел.

– Зато теперь ты регулярно ешь, – сказал Джо. – И пьешь тоже. Теперь у тебя есть где спать. У тебя в кармане всегда есть деньги. И в банке у тебя деньги.

– Все равно это неправильно, – сказал Эрни.

– Послушай, что с тобой сегодня случилось? Разве ты не хочешь помогать людям?

– Я не против им помогать. Но откуда я знаю, что помогаю им? Только с твоих слов. И еще этого типа из Вашингтона.

– Но он же тебе все объяснял.

– Я не понял, что он мне говорил. И не уверен, что всему этому можно верить.

– Я тоже его не понимаю, – сказал Джо. – Но я видел цифры.

– Я все равно не пойму этих цифр.

– Ты пойдешь сегодня или нет? Мне что, вытаскивать тебя?

– Нет, я сам выйду. Как далеко сегодня идти?

– Тебе скажут, когда остановиться.

– Опять будете следить за мной?

– Да, черт подери! – не сдержался Джо.

– Это плохой район. Почему я всегда должен ходить по всяким паршивым улицам всяких паршивых районов?

– Это как раз твой район. В таком же месте ты жил до того, как мы тебя нашли. В других районах ты будешь чувствовать себя неловко.

– Но там, где вы меня нашли, у меня были друзья. Сузи была, и Джейк, и Джозеф, и Бабуин, и все остальные... Почему я не могу к ним вернуться?

– Потому что ты будешь болтать. Ты все раззвонишь.

– Вы мне не доверяете...

– А что, мы можем тебе доверять?

– Нет. Наверно, нет, – сказал Эрни и выбрался из машины. – Но я был там счастлив, понятно тебе?

– Ладно, ладно, – ответил Джо. – Я знаю.

В баре у стойки сидел человек, еще двое – в зале за столиками. Место напомнило Эрни бар, где они с Джозефом, Сузи и Бабуином, и иногда с Джейком и Гарри проводили вечера за пивом. Он забрался на высокий стул и сразу почувствовал себя легко и уютно, будто снова вернулись старые добрые времена.

– Плесни чего-нибудь, – обратился он к бармену.

– А у тебя есть деньги, приятель?

– Деньги есть. – Эрни выложил на стойку доллар. Бармен достал бутылку и налил немного в рюмку. Эрни осушил ее одним глотком.

– Повторить, – сказал он, и бармен налил ему еще.

– Что-то я раньше тебя здесь не видел.

– Я здесь раньше никогда не был.

Эрни заказал третью рюмку и теперь медленно потягивал спиртное, вместо того чтобы проглотить сразу.

– Знаешь, чем я занимаюсь? – спросил он у бармена.

– Нет, не знаю. Наверно, как и все остальные бездельники, ничем.

– Я исцеляю людей.

– Да ну?

– Я просто хожу и исцеляю всех людей вокруг.

– Замечательно, – сказал бармен. – Я слегка простужен. Можешь меня вылечить?

– Ты уже здоров.

– Но я чувствую себя не лучше, чем до твоего прихода.

– Завтра. Завтра все будет в порядке. Требуется какое-то время.

– Я не собираюсь тебе платить, – сказал бармен.

– Я и не жду. Мне платят другие люди.

– Какие другие?

– Просто другие. Я не знаю, кто они.

– Дураки, должно быть.

– Они меня домой не отпускают, – пожаловался Эрни.

– Ну, это уже не дело.

– У меня было много друзей. Сузи, Джозеф, Бабуин...

– У всех есть друзья, – сказал бармен.

– А у меня есть аура. Они так думают...

– Что у тебя?

– Аура. Они это так называют.

– Никогда о такой штуке не слышал. Еще налить?

– Да, пожалуй, еще рюмашку, и все. Надо идти.

На мостовой у входа стоял Чарли и сверлил его взглядом. Эрни очень не хотелось, чтобы Чарли вошел в бар и сказал что-нибудь вроде: «Пора двигаться».

В окне второго этажа Эрни заметил вывеску и бросился вверх по лестнице. Джек был на другой стороне улицы, а Эл впереди на целый квартал. Они, конечно, заметят и побегут за ним, но, может быть, он успеет зайти в кабинет, прежде чем его догонят.

На дверной табличке значилось: «Лоусон и Крамер. Адвокаты». Эрни, не раздумывая, открыл дверь.

– Мне надо видеть адвоката, – сказал он секретарше.

– Вам назначено, сэр?

– Нет-нет, не назначено. Но мне надо срочно видеть адвоката. У меня есть деньги, видите? – Он достал из кармана горсть мятых бумажек.

– Мистер Крамер занят.

- А второй? Тоже занят?
- Второго адвоката нет. Раньше...
- Послушайте, мисс. У меня нет времени.
- Дверь в кабинет открылась, на пороге появился мужчина.
- Что здесь происходит?
- Этот джентльмен...
- Я никакой не джентльмен, – перебил Эрни. – Но мне нужен адвокат.
- Хорошо, – произнес мужчина. – Входите.
- Вы Крамер?
- Да, это я.
- Вы мне можете помочь?
- Попытаюсь. – Он закрыл дверь, подошел к столу и сел. – Присаживайтесь. Как вас зовут?
- Эрни Фосс.
- Адвокат стал что-то записывать на желтом листке бумаги.
- Эрни... Значит, Эрнест, так?
- Да, верно.
- Ваш адрес, мистер Фосс?
- У меня нет адреса. Я путешествую. Раньше адрес был. И друзья. Сузи, Джозеф, Бабуин и...
- В чем заключаются ваши трудности, мистер Фосс?
- Они меня не отпускают.
- Кто вас не отпускает?
- Правительство. Они не отпускают меня домой и все время за мной следят.
- Почему вы думаете, что за вами следят? Что вы сделали?
- Я ничего не делал. У меня эта штука, понимаете?
- Какая штука?
- Я исцеляю людей.
- Вы хотите сказать, что вы врач?
- Нет, не врач. Я просто исцеляю. Хожу везде и исцеляю их. У меня аура.
- У вас что?
- Аура.
- Не понимаю.
- Это что-то во мне. Из меня что-то исходит. У вас нет простуды или еще чего?
- Нет, у меня все в порядке.
- Если бы было, я бы вас вылечил.
- Знаете что, мистер Фосс? Я прошу вас немного посидеть в приемной. Через минуту я к вам выйду.
- В дверях Эрни заметил, как Крамер потянулся к телефону. Ждать он не стал, прошел приемную и выскочил в коридор. Там уже ждали Джек и Эл.
- Ты поступил глупо, – сказал Джо.
- Он мне все равно не поверил, – попытался оправдаться Эрни. – Собрался звонить. Может быть, вызвал бы полицию.
- Может, он и вызвал. Мы решили, что мог, и на всякий случай пришлось оттуда убираться.
- Он, похоже, решил, что я псих.
- Почему ты это сделал?

– У меня есть права, – сказал Эрни. – Гражданские права. Вы что, никогда о них не слышали?

– Конечно слышал. У тебя есть все права. Но ведь тебе объясняли: ты на службе. Ты являешься служащим. В соответствии с контрактом ты согласился на определенные условия. Тебе платят. Здесь все законно.

– Но мне не нравится.

– Что тебе не нравится? Хорошие деньги! Легкая работа! Всего-навсего ходить по улицам. Не так уж много на свете людей, которым платят за то, что они просто прогуливаются.

– Если мне так хорошо платят, почему мы все время останавливаемся в паршивых отелях вроде этого?

– За комнату и питание из твоих денег все равно не вычитают, – сказал Джо. – Мы позаботились, чтобы тебе это оплачивали. А в хороших отелях мы не останавливаемся, потому что не так одеты. Мы будем выглядеть там смешно. Будем привлекать внимание.

– Вы все одеваетесь, как я. Почему? – спросил Эрни. – Даже говорите, как я.

– Такая у нас работа.

– Да, я знаю. Все время паршивые районы... По мне, так это нормально. Я, кроме паршивых районов, нигде никогда и не бывал раньше. Но про вас я знаю. Вы привыкли носить белые рубашки, галстуки и хорошие костюмы. Чистые, отглаженные. И когда вы не со мной, вы даже говорите по-другому, спорить готов.

– Джек, – сказал Джо, – почему бы тебе с Элом не взять Эрни и не пойти куда-нибудь перекусить? Мы с Чарли пойдем позже.

– И еще, – не унимался Эрни, – вы никогда не входите и не выходите все вместе. Делаете вид, что друг друга не знаете. Это тоже чтобы не привлекать внимания?

– О господи, – не выдержал Джо. – Ну какое тебе дело?

Трое вышли из комнаты.

– Справляться с ним становится все труднее, – произнес Чарли.

– Что поделаешь? – сказал Джо. – Он один в своем роде и, к сожалению, дурак. Ну, почти дурак.

– О других ничего не слышно?

Джо покачал головой.

– В последний раз, когда я звонил в Вашингтон, ничего нового не сообщили. Вчера звонил. Они делают все, что могут, конечно, но тут не разбежишься. Единственный путь – статистика. Сначала надо найти место, где никто не болеет, а когда найдешь – если найдешь, – еще и определить, из-за кого это происходит.

– Еще одного вроде Эрни...

– Да, еще одного. Знаешь, я думаю, другого такого нет. Он – мутант.

– Но вдруг существует еще один мутант?

– Слишком мало, я думаю, на это шансов. Но даже если еще один такой существует, где уверенность, что мы его найдем? То, что обнаружили Эрни, это просто слепая удача.

– Неправильно мы все делаем.

– Конечно неправильно. Правильно, по-научному было бы определить, почему он такой. Пытались, помнишь? Черт, почти целый год возились! Каких только проверок не делали, измучились, а он всю дорогу еще и выпендривался. Все ему домой к Сузи, Джозефу и Бабуину!

– Может, они бросили работу на пороге открытия...

– Не думаю, – покачал головой Джо. – Я разговаривал с Розенмайером. Он сказал, дальше работать бесполезно. А чтобы такой человек, как Роза, признал это, дела должны быть действительно плохи. Сколько было споров, прежде чем они решились на эту операцию! Но когда стало ясно, что мы, скорее всего, ничего не узнаем, Эрни уже просто нельзя было держать в Вашингтоне. Раз уж его нашли, надо хоть как-то его использовать.

– Но страна так велика. Столько городов... Гетто... Столько всяких грязных дыр... Столько несчастий. Мы водим его всего по несколько миль в день. Мимо больниц, домов престарелых и...

– Но не забывай, что на каждый его шаг приходится, может быть, десяток излеченных. Еще столько же не подхватят болезнь, которой непременно бы заболели, если бы не он.

– Он-то как этого не понимает? Сколько ему объясняли! Он должен быть только рад такой возможности помочь людям.

– Я же говорю, он дурак. Эгоистичный дурак.

– Его точку зрения тоже можно понять, – сказал Чарли. – Выдернули человека из дома...

– У него никогда не было дома. Спал на скамейках или в ночлежках. Кое-как перебивался. Изредка воровал. Если повезет, получал бесплатную похлебку где-нибудь на кухне. А так шарил по мусорным бакам.

– Может, ему это нравилось.

– Может быть. Полная безответственность. Жил день за днем, как животное. Но сейчас у него ответственное дело – может быть, более важное и ответственное, чем когда-нибудь кому-нибудь выпадало. Ответственность надо принимать.

– В твоём мире, в моём, но не в его.

– С ума можно сойти! – сказал Джо. – Он порой просто выводит меня из себя. Сплошная липа. И все эти разговоры о доме тоже липа. Он там прожил всего четыре или пять лет.

– Может быть, нам стоило оставаться на одном месте и под каким-нибудь предлогом привозить к нему людей. Он бы сидел в кресле, так чтобы его не было видно, а люди проходили бы мимо. Или брать его на большие собрания и съезды. Может быть, это понравилось бы ему больше.

– Вся операция проводится в тайне, – сказал Джо. – Мы не можем позволить себе, чтобы нас заметили, потому что дело не выдержит огласки. Боже, ты представляешь, что будет, если об этом узнают? Эрни, конечно, болтает. Рассказал, наверно, всем, кто был в этом баре сегодня в полдень, но на него никто не обращает внимания. Адвокат решил, что он псих. Он может забраться на крышу и кричать на весь мир – ему все равно никто никогда не поверит. Но достаточно хотя бы одного намека из Вашингтона, и...

– Знаю, знаю, – проговорил Чарли.

– Мы делаем наше дело единственно возможным способом. Подвергаем людей воздействию здоровьем, как раньше они подвергались опасности заразиться. И делаем это там, где в этом наибольшая необходимость.

– Знаешь, Джо, у меня порой бывает странное чувство.

– Какое?

– Что мы делаем что-то неправильно. Иногда мне так кажется.

– Ты имеешь в виду, вслепую? Что-то делаем и толком не знаем что? Без понимания?

– Да пожалуй. Не знаю. Все перепуталось. Надеюсь, мы действительно им помогаем.

– И себе в том числе. Судя по тому, сколько мы с этим парнем проводим времени, мы будем жить вечно.

– Наверно.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Чарли спросил:

– Джо, ты не в курсе, когда этот этап закончится? Я здесь уже месяц. Раньше так подолгу не бывало. Меня дети не узнают, когда домой вернусь.

– Понимаю, – ответил Джо. – Семейным вроде тебя приходится нелегко. Мне-то все равно. И Элу, наверно, тоже. Про Джека не уверен. Я его не очень хорошо знаю. Он мало говорит о себе.

– Кажется, у него тоже где-то семья. Кроме этого, правда, я о нем тоже ничего не знаю. Слушай, Джо, а не выпить ли нам чуть-чуть? У меня в сумке есть бутылка. Могу сходить.

– Выпить? Неплохая идея.

Тут зазвонил телефон, и Чарли, направившийся было к двери, остановился и обернулся.

– Возможно, это меня, – сказал он. – Я недавно звонил домой, но Мирты не было, и я передал через младшего, Чарли, чтобы она перезвонила, как вернется. На всякий случай дал номера обеих комнат.

Джо взял трубку, послушал, затем покачал головой.

– Это не Мирта. Розы.

Чарли пошел к двери.

– Подожди-ка, Чарли, – остановил его Джо, продолжая прислушиваться к голосу в трубке. – Розы, – произнес он наконец, – ты уверен? – Потом послушал еще и добавил: – Спасибо, Розы, огромное спасибо. Но, позвонив нам, ты здорово рисковал.

Джо повесил трубку и молча уставился в стену.

– Что случилось, Джо? Зачем Розы звонил?

– Он хотел предупредить нас. Произошла ошибка. Не знаю, как и почему. Ошибка, и все тут.

– Что мы сделали неправильно?

– Не мы. Это в Вашингтоне.

– Ты имеешь в виду Эрни? Что-нибудь насчет гражданских прав?

– Нет, не в этом дело. Чарли, он не исцеляет людей. Он их убивает. Он разносчик инфекции.

– Но мы и так знали, что он разносчик. Другие люди передают болезни, а он...

– Эрни тоже разносчик заболевания. Они только что выяснили какого.

– Но там, где он раньше жил, никто не болеет. И везде, где он появлялся, тоже. Его ведь поэтому и обнаружили. Знали, что чем-то это должно объясняться. И искали до тех пор...

– Заткнись, Чарли. Дай мне договорить. Там, где он раньше жил, люди мрут как мухи. Все это началось пару дней назад, и они продолжают умирать. Совершенно здоровые люди. У них абсолютно все в порядке, но они умирают. Вся округа.

– Господи! Не может быть, Джо. Наверно, это какая-то ошибка.

– Никаких ошибок. Те самые люди, которых он вылечил, сейчас умирают.

– Но почему?

– Розы считает, что это какой-то новый вирус. Он убивает все остальные бактерии и вирусы, от которых люди заболевают. А после – никакой конкуренции, понимаешь? Он устраняет всех соперников, и после этого человек принадлежит ему полностью. Затем вирус начинает размножаться, и до поры до времени все идет хорошо, потому что он не вредит здоровью, но наступает момент...

– Розы только высказал гипотезу.

– Разумеется, это гипотеза, но, когда он говорит, она звучит очень убедительно.

– Если это правда, – сказал Чарли, – то подумай о всех этих людях, о миллионах людей!..

– Об этом я и думаю, – сказал Джо. – Розы страшно рисковал, позвонив нам. Если об этом узнают, его живьем съедят.

– Узнают. Звонок обязательно засекут.

– Может, и не засекут. Розы звонил откуда-то из Мэриленда, из телефонной будки. Он напуган, потому что увяз в этом деле, как и мы, по самые уши. Он провел с Эрни столько же времени и знает столько же, сколько мы. Может, больше.

– Он считает, что, проведя с Эрни столько времени, мы тоже стали переносчиками?

– Я думаю, нет. Но мы все слишком много знаем. Можем разболтать. А этого они не допустят. Представляешь, что будет, если все откроется?

– Джо, сколько, ты говорил, Эрни прожил там, где его нашли?

– Меньше пяти лет.

– Вот, значит, сколько нам осталось. Ты, я и все остальные проживем еще четыре года, может, меньше.

– Да. И если нас возьмут, мы проведем эти годы в таком месте, где у нас просто не будет возможности разболтать все, что мы знаем. Не исключено, что уже сейчас кто-то направляется за нами. Они знают весь наш маршрут.

– Надо сматываться, Джо. Я знаю одно место к северу отсюда. Видимо, я возьму с собой семью, и нас там никто не найдет.

– А если ты переносчик?

– Если это так, то мои уже заразились. А если нет, я хочу провести эти годы...

– А другие люди?

– Там, куда я собрался, нет никаких людей. Мы там будем одни.

– Держи, – сказал Джо и, вынув из кармана ключи от машины, швырнул их через комнату.

– А ты как, Джо?

– Я должен предупредить остальных. И, Чарли...

– Да?

– Брось машину где-нибудь еще до утра. Тебя будут искать. А не найдя здесь, они установят наблюдение за твоим домом и за твоими родными. Будь осторожен.

– Хорошо. А ты, Джо?

– Я о себе позабочусь. Надо только остальных предупредить.

– А Эрни? Мы не можем ему позволить...

– Об Эрни я тоже позабочусь.

Кольты в кактусах

Джефф Джонс споткнулся на крыльце «Серебряного доллара», когда под ногой провалилась отошедшая доска. Ругнувшись под нос, он схватился за опорный столб, чтобы не упасть. Рывком высвободил ногу и огляделся, ожидая услышать громкий гогот свидетелей его оплошности.

Но никто не засмеялся. Некому было смеяться. Эта пыльная сонная улица Кактус-Сити пустовала, словно нежась в безмолвии. Жара давила на плечи, а солнечный свет, лившийся из раскаленной чаши небес, был таким ярким, что болели глаза. Лишь конь Джеффа, понуривший голову возле коновязи, нарушал мертвый полуденный покой.

За окраиной виднелась равнина, бурая от выжженной солнцем травы.

Джефф миновал крыльцо и распахнул дверные створки. На мгновение замер в сумраке, который показался непроглядной тьмой после ослепительного сияния снаружи.

Бармен, этакий мешок муки в фартуке, вяло протирал стаканы. У стойки стояли рядом трое мужчин. За столиком дремал бородатый пьянчуга. Поношенная шляпа свалилась с его макушки и теперь лежала на самом краю столешницы.

Джефф подошел к стойке, кинул доллар. Бармен придвинул к нему бутылку и стопку, и Джефф налил себе. Спиртное провалилось в горло, смыв пыль с языка. Левая щека Джеффа, та, что со шрамом, слегка подергивалась. Он налил еще.

Грубый голос за спиной прорычал:

– Джонс!

Джефф резко обернулся, рука сама метнулась к оружию.

Один из мужчин у дальнего конца стойки выпрямился, сделал шаг вперед и стал, широко расставив ноги. Его ладони лежали на рукоятках револьверов.

Глаза до сих пор не приноровились к полумраку, а потому Джефф не мог разглядеть лица того, кто его окликнул. Просто размазанное белое пятно. Однако в угрозе, которую выдавали движения рук у пояса, сомнений не оставалось.

Гадать, кто это и что ему нужно, было некогда. Мысли Джеффа внезапно обрели предельную четкость, все прочее вокруг будто исчезло, заслоненное грузной фигурой человека, готового выстрелить.

Залу накрыла стылая тишина. Двое, что у стойки, замерли. Пьянчуга проснулся и зашарил по столу в поисках шляпы.

Джефф судорожно выдохнул, мельком пожалел, что освещение такое скудное. Затем руки его противника пришли в движение.

Едва шевельнув запястьем, Джефф выхватил револьвер.

Перед лицом Джеффа промелькнули алые сполохи, а в следующий миг его револьвер дрогнул в руке и выплюнул сгусток пламени. За спиной осыпалось разбитое стекло – с дребезгом, похожим на перезвон колокольчиков.

Белое пятно лица перед ним исказилось в гримасе боли, револьверы упали на пол.

Джефф перевел ствол на сидевших у стойки.

– Еще желающие будут? – Он с трудом узнал собственный охрипший голос.

Один из мужчин пошевелился:

– Это не наша драка, незнакомец.

Тот, что вышел на середину залы, не пытался подобрать оружие. Он сложился пополам, точно маясь животом, и негромко постанывал, сжимая пальцами левой руки запястье правой.

Мужчина, который ответил Джеффу, отодвинулся от стойки и осторожно шагнул вперед.

– Я Оуэн, – назвался он.

Джефф взял его на мушку:

– Твое имя должно мне что-то сказать?

Оуэн благоразумно остановился. Он выглядел огромным – настоящий медведь, затянутый в лощеный черный сюртук, с черным же галстуком, на котором посверкивал зажим.

– Я тут хозяин, – сказал он. – В толк не возьму, что нашло на Джима. Мы разговаривали, а потом он вдруг кинулся на тебя.

Раненый медленно распрямился.

– Это же Миляга Джонс! – выкрикнул он. – Я узнал его по шраму на щеке.

Джефф сунул револьвер в кобуру.

– И что с того? – поинтересовался он.

– Тебе ли не знать, приятель?! – не унимался Джим. – Там, в Техасе...

– Заткнись! – оборвал его Оуэн. – Радуйся, что тебя падальщики не жрут.

– Я не убиваю безоружных, – произнес Джефф.

– Эй, Бак, подбери-ка его стволы и положи на стойку, – велел Оуэн. – А ты, Джим, вали лучше к доку, пусть он тебя подлечит.

Раненый заворчал, но послушался: направился к двери, продолжая держаться за запястье. Из-под пальцев сочилась кровь. Бак подобрал револьверы и хищно усмехнулся Джеффу.

– Выходит, к нам пожаловал Миляга Джонс, – проговорил Оуэн.

Джефф помешкал с ответом. Ну да, он Джонс, вот только никакой не Миляга. Во всяком случае, раньше в глаза никто его так не называл.

– Я тебя ждал, – сообщил Оуэн и настороженно оглядел Джеффа. – Думал, не затеять ли нам с тобой на пару одно дельце.

– Я вроде как занят, – буркнул Джефф. – Ищу кое-кого.

– Ага, все так говорят. – Оуэн не сдавался. – Пойдем в закуток, приятель, выпьем.

Он взял бутылку, которую бармен ставил перед Джеффом.

Джефф задумался. Раз он не Миляга, может, лучше избавиться себя от лишней доуки и толковать парням, что обозначались? Но ведь он прибыл в Кактус-Сити за неприятностями и уже успел их найти...

– Пожалуй, не повредит, – не спеша согласился он.

Пьянчуга, как успел заметить Джефф, снова задремал, а его шляпа наконец свалилась со стола.

Заднее помещение с голыми стенами навевало тоску. На столе стояла пустая бутылка в окружении нескольких стаканов и колоды засаленных карт.

Джефф уселся, а Оуэн наполнил два стакана.

– Так тебя, получается, нанял банкир Слемп, – бросил он.

Джефф взял стакан и повертел в пальцах. Оуэн глядел в упор, дожидаясь ответа.

– Выкладывай начистоту, приятель, – сказал Джим. – Что у тебя на уме?

– Не любишь ходить вокруг да около, как я погляжу.

– У меня есть работа.

– От Слемпа, – уточнил Оуэн.

Джефф кивнул.

– То есть против меня, – ровным голосом подытожил Оуэн.

– Об этом я ничего не знаю, – возразил Джефф. – Слемп меня нанял, а остальное мне неизвестно.

Оуэн залпом опорожнил стакан и со стуком поставил на стол.

– Верно, хочет вытянуть из тебя половину денег, – заявил он. – Как уже облапошил всех здешних ранчиро.

– Приятель, кончай юлить! Что тебе от меня нужно? – сурово спросил Джефф.

Оуэн подался вперед вместе со стулом, перегнулся через стол.

– Что, если банк ограбят, а Слемпа пристукнут?

У Джеффа перехватило дыхание. Он наклонил голову, уставился на свой стакан. Мысли понеслись вскачь. Надо хорошенько все обдумать, прежде чем отвечать.

– Тогда Слемп больше не будет путаться под ногами, – сказал он.

– А ты быстро схватываешь, – похвалил Оуэн. – И с револьверами ловко управляешься.

Мне это нравится.

– Банк ограбить – это не по нужде сходить, – указал Джефф. – Опасное дело.

Оуэн хохотнул:

– С нами не опасное, приятель. Ты внутри, мы снаружи – все сладится. Выберем ночку, когда Слемп будет проверять свои книги, и свалим все на банду с холмов. – Он снова хохотнул. – Никто на нас и не подумает.

Джефф проглотил виски, поставил стакан, затем поднялся и застегнул револьверный пояс.

– Мне-то что с того?

Оуэн расхохотался еще громче:

– Да хоть все забирай, честное слово. Мне деньги не нужны, я за Слемпом охочусь.

– Ладно, увидимся.

– Мы за тобой приглядим, приятель, – предостерег Оуэн.

– Предупреди своих, чтобы под руку не попадались, – ответил Джефф и вышел.

Снаружи, перед «Серебряным долларом», он помедлил, разглядывая городскую улицу.

На одной вывеске значилось «Еда», на другой – «Седла», а на третьей – «Банк».

Конь по-прежнему стоял у коновязи, не поднимая головы, и лениво перебирал копытами.

Откуда-то прибрел пес, улегся в теньке возле угла гостиницы.

Джефф двинулся по улице. Каждый его шаг вздымал облачко пыли. Пес грустно наблюдал за ним издали.

Банк оказался просторной комнатой, разделенной надвое стойкой, которую венчала черная чугунная решетка, наводя на мысли о тюрьме... Одно-единственное окно... Сидевший за столом мужчина поднялся, стоило Джеффу войти.

– Ты Слемп? – спросил Джефф.

Банкир кивнул.

– А я Джонс.

Под жиденькими усиками проскользнула улыбка.

– Вы изрядно торопились, мистер Джонс. Я вас ждал денька через два-три, не раньше.

– Ехать так ехать, это про меня, – пояснил Джефф.

– Сейчас я вам все расскажу, мистер Джонс.

– Меня кличут Милягой, – прибавил Джефф.

– Так, запру только дверь. Все равно пора закрываться. Дела нынче не ладятся, знаете ли.

Слемп достал из кармана связку ключей, выбрал нужный и двинулся к входной двери.

Джефф услышал лязг замка, а затем Слемп вернулся и распахнул дверцу, что вела за стойку, в клетку.

– Садитесь, – сказал он.

Джефф ногой выдвинул стул из-за стола и уселся:

– Зачем звал-то?

Слемп повел рукой:

– Эти ваши револьверы... Насколько понимаю, вы с ними на «ты»?

– Можно и так сказать, – кивнул Джефф.

– Ну, вам выпал случай это доказать, – заявил Слемп.

– К чему клонишь, Слемп? Что, ранчери покоя не дают?

– Вы о чем? – насупился банкир.

Джефф ухмыльнулся:

– Вас, банкиров, не больно-то любят. Поговаривают, что вы три шкуры с должников дерете.

– С этим у меня все в порядке, – твердо возразил Слемп. – Я никогда не нарушал закон. Все мои требования – это лишь желание обезопасить ссуду.

– Ну да, ну да, – покивал Джефф.

– Человек, который мне досаждал... – Слемп подался вперед и понизил голос: – Его зовут Оуэн. Он владеет «Серебряным долларом».

– Угу, уже знаю. Я заглянул туда промочить горло.

Слемп нахмурился:

– А с Оуэном вы, часом, не повстречались?

– Мы с ним пропустили по стаканчику.

– Он знает, кто вы?

– Похоже на то, – не стал отрицать Джефф. – Один омбре⁴ в салуне меня узнал. Стал задираться. Все кричал, будто я ему подгадил в Техасе.

– Вы его убили?

– Нет, просто ствол из руки вышиб.

Слемп покачал головой:

– Это никуда не годится, Джонс. Вам следовало явиться напрямик сюда.

Рука Джеффа метнулась вперед и ухватила Слемпа за воротник. Ткань сморщилась под пальцами. Джефф подтянул банкира ближе.

– Нечего меня поучать, понял?! – прорычал он. – И не вздумай вести себя со мной как с наемником! Давай выкладывай, чего тебе надо, и пошустрее! Хватит вилять, говори как есть.

– Это все Оуэн, – выдавил Слемп. – Он начал меня пугать. Что-то замышляет, я чувствую. Мне докладывают разное.

– То бишь стучат?

Лицо банкира перекошилось.

– Ну, можно и так выразиться. Люди из шайки Оуэна рассказывают мне то, что я хочу знать. А я им плачу.

– С чего тебе бояться Оуэна? – осведомился Джефф. – За что он на тебя взелся?

Слемп замешкался, и Джефф его встряхнул.

– У нас были кое-какие дела. – В глазах банкира легко читался неподдельный страх.

– Ты его надул, что ли?

– Нет-нет, Джонс, ни в коем случае! Мы с ним делим здесь власть. Но Оуэну этого мало. Он хочет править в одиночку, и боюсь, что...

Джефф отпустил воротник.

– Сдается мне, что не зря, – проворчал он.

Слемп поискал на ощупь стул и осторожно сел.

– Значит, ты позвал меня оберегать твою шкуру? И чего от меня хочешь? Чтобы я тебя просто охранял – или чтобы вышвырнул Оуэна и его парней из города?

Слемп сглотнул:

– Просто охраняли, всего лишь месяц или два. Я сейчас договариваюсь кое с кем, чтобы выгнать Оуэна. Это будет наблюдательный совет или общество охраны порядка, что-нибудь в таком роде.

Джефф сплюнул:

– Ну да, вы же добропорядочные граждане. И не такое можете.

– Даже не сомневайтесь, – подтвердил банкир.

– Думаешь, все те ранчеры, которых ты ограбил, примут твою сторону?

⁴ Распространенное на Диком Западе обращение к незнакомцам (от *исп.* hombre – мужчина).

Слемп вдруг взъярился:

– Я никого не грабил, Джонс! Парни прекрасно знали, когда брали у меня ссуды, что расплачиваться нужно вовремя. Я их предупреждал, прежде чем выдавать деньги. Не моя вина, что они не справились.

– Будь по-твоему, – сказал Джефф. – Ладно, начну завтра.

– Вы уже начали, – заявил Слемп. – С этой минуты вы должны быть рядом со мной. Есть со мной, спать в моем доме, оставаться...

– Завтра, – перебил Джефф, – все завтра. А сегодня я буду пить. На работе я ни капли в рот не беру, а после дороги в горле пересохло.

– Мне это не нравится, – попробовал было возмутиться Слемп.

– Да мне плевать, что тебе нравится, а что нет, – бросил Джефф. – Доставай свой ключ, выпускай меня.

Солнце тонуло в багровом мареве, по пыльной улице пролегли синеватые призрачные тени. Пес бегал между домами. У коновязи перед «Серебряным долларом» появилось еще несколько лошадей. Какой-то прохожий поздоровался с Джеффом.

Кактус-Сити оживал.

Джефф отвязал своего коня и направился по улице к платной конюшне.

У дверей никого не оказалось, но Джефф все равно завел коня внутрь и расседлал в приглянувшемся стойле. Насыпал в кормушку овса из стоявшего поблизости ведра и принялся вытирать коню бока.

Из-за спины упала тень, и Джефф резко обернулся. Из прохода на него смотрел мужчина с перевязанной правой рукой.

Джефф выпрямился, бросил скребок на солому.

Мужчина усмехнулся:

– Не тянись за револьвером, чужак. Я повел себя глупо. Наверное, шрам меня обманул.

– Все как-то сразу завертелось, некогда было объясняться, – проворчал Джефф. – Вот и пришлось стрелять.

– Ты и вправду похож на Милягу, но я уже понял, что ты – не он. Иначе мы бы с тобой не разговаривали, потому что ты бы меня прикончил. – Мужчина протянул здоровую руку. – Сочту за честь. Не возражаешь?

Они обменялись рукопожатием.

– Я Черчилль, – назвался мужчина. – Джим Черчилль. Это моя конюшня. Ты как, все нужное нашел?

– Все, – ответил Джефф. – Даже овес. Но есть кое-что, о чем бы я тебя попросил. Не говори никому, что я – не Миляга. Хотя бы пока я тут.

– Как скажешь, приятель.

– Да, я Джонс – Джефф Джонс. И слыхом не слыхивал раньше про этого твоего Милягу. Я ищу моего брата Дэна. У него ранчо где-то к востоку отсюда.

– Дэн Джонс, – задумчиво произнес Черчилль. – Был тут такой. Но куда-то сгинул то ли два, то ли три месяца тому. А ранчо забрал себе Слемп.

– Знаю, – кивнул Джефф. – Проезжал мимо по дороге сюда. Встретил там парня по имени Феллер, он сказал, что присматривает за хозяйством для Слемпа. Вроде как Дэн у него ссуду брал.

– У нас многие ребята задолжали Слемпу и расстались с землей, – сказал Черчилль. – Тут порой такая жуть творится... Кого прибили, кого просто ограбили, а кто и вовсе исчез без следа. Этому Слемпу будто везет напропалую. Хотя все участки, скажу я тебе, не бог весть что, не дороже ссуд, которые под них выдавались.

– А убивает кто? – спросил Джефф.

– Шайка налетчиков с холмов. Ну, мы все думаем, что они оттуда приходят. Их так и прозвали: Холмовая банда. В одиночку с ними не справиться.

Внезапно в воздухе словно пахнуло смертью – это ощущение Джефф распознавал безошибочно.

Может, лучше уехать отсюда, пока не началась стрельба? Он ведь намеренно забросил наживку, не подумав о последствиях. И что теперь? Выдает себя за Милягу Джонса, выслушивает хладнокровные рассуждения Оуэна об ограблении и убийстве, сходил к Слемпу и выдал себя за парня, которого ждал банкир...

В общем, когда начнется заварушка, ему прилетит со всех сторон; это он понимал отлично.

Оба – и Слемп, и Оуэн – люди безжалостные. Оуэн рассчитывает избавиться от Слемпа, а тот, окруженный доносчиками, об этом осведомлен. И никому из них, по твердому убеждению Джеффа, нельзя доверять вот ни на столечко.

Сгорбившись над тарелкой с яичницей, он смотрел в окно харчевни на вечернюю улицу. Проехали несколько конных, должно быть, в «Серебряный доллар».

Рассказывая о том, почему боится Оуэна, Слемп упомянул, что у них были совместные дела. Нетрудно вообразить, какие именно... Нетрудно понять, почему людей, задолжавших Слемпу, убивали или грабили – или почему они бесследно исчезали.

У Дэна имелись средства расплатиться со Слемпом, это Джефф знал наверняка, потому что сам отправил брату деньги, собираясь приехать попозже и обустроиться на выкупленном участке. Об этом, припомнилось ему, они с Дэном говорили на протяжении многих лет... Мечтали о том дне, когда вместе вступят во владение своей землей.

Пальцы стиснули вилку с такой силой, что та затряслась и кусок яичницы упал в тарелку.

Скорее всего, Дэн погиб. С этим придется смириться. Он покоится где-то в окрестностях. Дэн Джонс, брат, наверное, был застрелен из засады, не имея ни малейшего шанса ответить ударом на удар.

Джефф доел яичницу, подобрал куском ветчины растекшийся по тарелке желток и допил кофе.

Снаружи сгустилась ночь, вдоль улицы распустились цветки фонарей, отливавшие тусклой медью. На черном небосводе проглядывали редкие звезды, а задувший ветерок разносил над Кактус-Сити негромкий, словно выхолощенный, звук.

Джефф побрел к банку. Он знал, что Слемп работает допоздна, – там светились пара окон.

Поравнявшись с банком, он было двинулся через улицу, но тотчас снова отступил в тень. Слемп был не один.

Джефф огляделся. Вроде поблизости никого. У коновязи «Серебряного доллара» виднеются несколько лошадей, да перед платной конюшней проступают из сумрака человеческие фигуры...

Он быстро пересек улицу и подкрался к окну. Отсюда было видно и Слемпа, и второго мужчину в распахнутой настееж задней двери. Они о чем-то беседовали. Но вот второй ушел, Слемп закрыл за ним дверь и задвинул тяжелый засов.

Джефф успел узнать второго. Высокий, неряшливый, с хищной усмешкой... Ошибки быть не может. Тот самый Бак, что торчал днем в «Серебряном долларе». Тот самый, что подобрал револьверы, которые выронил Черчилль.

Джефф выждал десять минут, подпирая спиной стену и беззвучно насвистывая. Затем постучал в окно и прижался лицом к стеклу. Слемп оторвался от своих учетных книг, глянул сквозь решетку над стойкой, точно напуганный кролик. Джефф постучал опять.

Медленно, неуверенно Слемп выбрался из клетки и приблизился к окну. Разглядел стучавшего и махнул рукой в направлении двери.

Он отодвинул засов и пустил Джеффа.

– Значит, вы решили приступить к работе немедленно, – проговорил он, потирая руки.

– Бери шляпу, – велел Джефф.

– Шляпу?

– Ну да, шляпу. Мы идем в «Серебряный доллар».

С этими словами Джефф подступил ближе и выхватил из кобуры банкира шестизарядный кольт.

– Это тебе не понадобится. – Он провел рукой по сюртуку Слемпа – не припрятано ли другое оружие.

Банкир раскрыл было рот, но слова не шли у него с языка, лишь слюна летела. Джефф снял шляпу с крюка возле двери и нахлобучил на голову Слемпу.

– «Серебряный доллар»?!. – наконец выдавил тот. – Но Оуэн...

– Именно так, – прервал его Джефф. – Вам с Оуэном нужно потолковать. – Он прижал ствол к животу банкира и кивнул на дверь. – Ты идешь первым. Не торопишься, но и не плетешься. Попытаешься удрать, и я наделаю в тебе дырок.

– Как вы смеете?! – пролепетал банкир. – Я вас нанял меня защищать! Я тот, кто...

– Ты нанял Милягу Джонса, – перебил Джефф, – а он сюда пока не добрался. Я другой Джонс, и мы с ним не родня.

– Вы не Миляга Джонс?

– Нет, я Джефф Джонс, и у меня был брат по имени Дэн. Может, ты его даже помнишь. Он брал у тебя ссуду.

– Но послушайте, Джонс! Я никогда...

– Знаю, знаю. Ты никогда не нарушал закон и делал все по правилам. Раз он не явился с деньгами, ты забрал его землю. Идем, скоро мы узнаем, что известно об этом Оуэну.

– Вы пожалеете! – пригрозил Слемп. – Пожалеете о своей дерзости, это я вам обещаю!

– Может, и пожалею, – согласился Джефф. – Когда-нибудь. – Он снова ткнул револьвером в живот Слемпу. – Топай и помни мое обещание.

Слемп вышел за дверь, и Джефф последовал за ним.

Из «Серебряного доллара» доносились голоса, звяканье стекла и жестяное треньканье пианино.

Джефф криво усмехнулся. Вот и все, пожалуй. Если не выгорит, ему воздастся сполна, и мало не покажется.

Слемп вышагивал впереди, не глядя ни вправо, ни влево. Он втягивал голову в плечи, будто ожидая в любой миг получить пулю в спину. У крыльца салуна повернул и начал подниматься по ступенькам. Джефф не отставал.

Вдруг он оступился, угодив ногой в щель между треклятыми досками...

Из темноты за крыльцом бахнул шестизарядник, яростно сверкнуло алое пламя. Джефф упал на колени, широко раскидывая руки, и пуля сердитым насекомым прожужжала у него над головой. Прогремел второй выстрел, и прямо перед лицом во все стороны разлетелись щепки.

Развернувшись, Джефф прицелился между опорами крыльца и выжал спуск. Стрелок, пустившийся было бежать, зашатался, как пьяный, медленно опустился на колени в уличную пыль, в сноп света, что падал из окна трактира.

Кони тревожно заржали, стали рваться с привязи. Из салуна на улицу ринулись мужчины, едва не снеся двери. Пианино тотчас умолкло.

Джефф высвободил ногу, мысленно помянув добрым словом самую доску, с которой уже познакомился днем. Эта доска спасла ему жизнь. Не провались он, стрелок бы не промахнулся.

Мужчина, стоявший на коленях у трактира, снова поднял револьвер. Громыкнуло, пуля скользнула по ребрам, и у Джеффа онемел бок.

У него за спиной раздался выстрел, человек взмахнул руками и повалился навзничь. И застыл в скрюченной позе, неестественной для живого.

Джефф обернулся, схватил и выкрутил руку, что держала дымящийся револьвер. Оружие упало на крыльцо.

– Кто-то отнял у меня ствол! – пожаловался голос. – Взял и отнял, вот прямо сейчас! Ну погоди, я до тебя доберусь...

– Оружие на крыльце, – процедил Джефф. – Нагнись и подбери. – Он повернулся к человеку, которого привел. – С твоей стороны было крайне любезно спасти мне жизнь.

Слемп задергался в его хватке, лицо исказила гримаса ужаса.

– Ты все подстроил, – продолжал Джефф. – Велел ему ждать в засаде. Надо было догадаться, когда я увидел вас вместе. Это один из твоих доносчиков. Ты испугался и решил от меня избавиться.

Слемп хотел было возразить, но Джефф рявкнул:

– Заткнись!

Трое мужчин подошли со стороны трактира, склонились над лежащим.

– Это Бак, – сказал один из них. – И он неживой. Мертвее не бывает.

Труп положили на крыльце, кто-то принес одеяло и набросил сверху.

Джефф обернулся и увидел Оуэна. Тот стоял на крыльце и смотрел.

– Ясно, – протянул он. – Ты приступил к делу, не откладывая.

– Сам видишь. – Джефф кивнул на убитого. – Один из твоих парней, как я понимаю?

Оуэн покачал головой:

– Тут что-то не то и не так, Джонс. Бак не полез бы к тебе.

– Но полез же.

– Он свое получил, – равнодушно произнес Оуэн, после чего повернулся и направился внутрь. – Выпивка за счет заведения!

Мужчины немедленно столпились у барной стойки.

– Идем. – Джефф подтолкнул Слемпа.

Вместе они поднялись по ступенькам, вошли в салун и остановились возле дверей.

Все сгрудились у стойки – все, за исключением одного. Пьянчуга по-прежнему дрых на стуле, а его шляпа, которую подняли с пола, опять лежала на краю столешницы. Он похрапывал, и усы при каждом вдохе развевались, словно под ветром.

– Оуэн! – Голос Джеффа, точно нож, рассек общий гомон.

Люди у стойки дружно обернулись, и воцарилась тишина.

Пауза затягивалась, но вот из-за спин выступил Оуэн:

– Слушаю, Джонс. Чего тебе?

Джефф сильным толчком отправил банкира на середину залы. Тот не устоял на ногах и с размаха плюхнулся на пол.

– Слемп хочет спросить тебя о деньгах, – сказал Джефф. – О ссуде, которую так и не получил обратно.

– Он спятил! – взвизгнул Слемп. – Понятия не имею, о чем он говорит!

– У меня был брат, Дэн, – произнес Джефф. – Он поехал в Кактус-Сити, чтобы вернуть ссуду, но не добрался до города. Он...

За стойкой кто-то шевельнулся, его рука двигалась стремительно. В свете лампы сверкнул револьвер.

Джефф потянулся к своим кольтам, прекрасно понимая, что не успеет. Игра окончена, ему и не могло повезти...

Оглушительно прогремел выстрел, и человек за стойкой вдруг странно скособочился, изо всех сил стараясь не упасть. Он сделал шаг, другой, выронил револьвер, неуклюже опустился на пол. Плечо покраснело от крови.

Пьянчуга, уже совершенно трезвый на вид, сидел на корточках за столом и держал два револьвера. Над одним курился дымок.

Толпа рванулась к нему, но Джефф навел свои кольты.

– Всем стоять! – гаркнул он. – И молитесь, если помните, как это делается.

Они замерли, попятились, уперлись спиной в стойку, осторожно подняли руки.

– Среди вас, омбре, есть хорошие ребята, – продолжал Джефф, – но не все, не все. Мне не разобрать, а потому давайте так: кто пошевелится, тот плохой. Договорились?

Пьянчуга произнес почти небрежно:

– Держи их с этой стороны, малыш, а я зайду с другой.

– Дэн! – воскликнул Джефф.

– Ну а кто еще? Не отвлекайся, следи за ними. Хмырь на полу, похоже, из той компашки, что прижала меня в ущелье. Иного объяснения у меня нет.

У Джеффа заломило в висках, но он бдительно следил за людьми у стойки. Дэн жив! Мало того, он здесь! Вдвоем им надо справиться со Слемпом и Оуэном.

Все на мгновение замерло. Толпа людей у стойки молча выжидала с поднятыми руками. Слемп все еще сидел на полу, Оуэн стоял в нескольких футах от него. Раненый корчился от боли – голова опущена, левая ладонь прижата к искалеченному правому плечу.

Джефф знал, что скоро все придет в движение.

Он прошелся взглядом по обращенным к нему лицам. Единственным, кого узнал, был Джим Черчилль. Но наверняка среди посетителей найдутся те, кто готов сражаться за Слемпа и Оуэна.

Раненый бормотал:

– Я думал, что прикончил его. Было темно, но я не промахнулся... Его лошадь ускакала, было темно... Деньги лежали в седельной сумке, это я точно знал... Я...

– Заткнись, болван! – рявкнул Оуэн.

– Ага, не хочешь, чтобы он говорил? – прорычал Джефф.

– Парни, да что вы стоите?! – не унимался Оуэн. – Вы что, позволите этому омбре себя запугать?

Кое-кто зашевелился, но ни один не рискнул опустить руки и уж тем более потянуться за оружием.

Черчилль с поднятыми руками сделал шаг вперед.

– Ты бы лучше все объяснил, Джонс, – сурово произнес он.

– Да пожалуйста, – согласился Джефф. – Оуэн и его шайка убивали ранчero, которые ехали в город вернуть ссуду. Оуэн забирал деньги, а Слемп получал землю.

– Я тут ни при чем! – завопил Слемп. – Это все Оуэн затеял...

Толпа у стойки внезапно раздалась. Гроыхнул выстрел, и пуля вонзилась в опорный столб рядом с головой Джеффа.

Оуэн бросился к выходу. Джефф вскинул револьвер, надавил на спуск, но верзила уже очутился рядом.

Загремели новые выстрелы, лампа упала на пол, разбрызгивая масло.

Джефф метнулся наперехват Оуэну, но поскользнулся в луже масла, и его руки лишь коснулись верзилы. Дверцы будто порывом ветра распахнуло, и Оуэн исчез.

Пуля ударила в пол, Джеффу в лицо полетели щепки. Выстрел прогремел над ним, совсем рядом. Он потерял один револьвер, зато второй был при нем. Рывком Джефф встал и кинулся наружу.

Оуэн стоял на четвереньках в уличной пыли, точно пойманное в ловушку животное. Его нога застряла в окончательно сломавшейся доске крыльца.

Джефф завопил и прыгнул вперед, замахиваясь револьвером, в тот самый миг, когда Оуэн сумел высвободить ногу.

Предупрежденный криком, верзила развернулся ему навстречу и выбросил руку. Джефф напоролся на кулак и почувствовал, как немеет локоть, как револьвер выпадает из мигом ослабевших пальцев.

Второй удар угодил в челюсть и отбросил его на крыльцо. Оуэн отчаянно пытался встать на ноги, одновременно шаря руками по земле в поисках оружия.

Джефф снова прыгнул, замахиваясь здоровой рукой. Он попал в висок, и верзила покачнулся. Джефф не давал Оуэн спуску, все бил и бил, пока тот искал оружие.

Один из револьверов Оуэна начал подниматься. В новый удар Джефф вложил все оставшиеся силы. Голова Оуэна резко откинулась назад и врезалась в стойку крыльца. Грохнул выстрел, пуля обожгла ногу Джеффа.

Оуэн, тяжело дыша, лежал у стойки. Джефф шагнул к нему, но в ноге вспыхнула боль. Револьвер двигался вверх, медленно, неуверенно, сжимаемый дрожащей рукой.

Кулак Джеффа угодил противнику в подбородок. Оуэн обмяк, словно из него выпустили воздух, и револьвер выпал из пальцев.

Держась за перила, Джефф наклонился и подобрал оружие, потом осторожно выпрямился. Он знал, что ему не ступить и шага самостоятельно. Надо держаться.

Он поднял голову и посмотрел на дверь салуна. Изнутри доносились возбужденные голоса, но выстрелы не гремели. Из окон по-прежнему лился свет.

Голова закружилась, и пришлось стиснуть зубы, чтобы устоять на ногах. А перила будто норовили вырваться из хватки. Джефф понимал, что еще немного – и он рухнет лицом в уличную пыль.

Очнувшись он от приступа кашля, раздиравшего горло. Мутным взглядом различил перед собой полупустую бутылку виски в чьих-то пальцах.

Кое-как уселся и наконец смог оглядеться. Его окружали мужчины, и среди них выделялось знакомое бородатое лицо.

– Как дела, Дэн? – хрипло прошептал он, еле шевеля губами.

– Все отлично, малыш. Слемп выдал себя с потрохами. У нас достаточно доказательств, чтобы всех повесить.

– А ты сам? – спросил Джефф. – Как ты тут оказался?

Дэн засмеялся:

– Слемп единственный видел меня вблизи. Мне хватало забот на ранчо, я не мог часто ездить в город. А когда отросла борода, то и Слемпа легко удалось одурачить. Вдобавок никто не присматривается к запойному пьянице. Я выяснил, что тут и как, но надо было собрать доказательства. А ты едва все не испортил. Сегодня днем, когда ты ворвался в салун, я чуть не выдал себя – хотел уже вмешаться, когда к тебе полез Черчилль.

– Повезло мне, что ты не вмешался, – подал голос Черчилль.

– Правда, одно меня смутило, – сказал Дэн. – Откуда у тебя этот шрам?

Пальцы Джеффа притронулись к щеке.

– Получил в ту же неделю, когда ты уехал. Конь взбрыкнул, и я упал прямо на изгородь из колючей проволоки.

Послание с Марса

1

– Ты спятил! – накинулся на него Стивен Александер. – Нельзя лететь на Марс в одиночку!

Скотт Никсон раздраженно хватил кулаком по столу.

– Почему? – закричал он. – Кораблем может управлять и один человек. Джек Райли болен, а других пилотов у нас нет. Через пятнадцать минут корабль должен стартовать. Потом будет поздно. Это наш последний шанс на ближайшие несколько месяцев.

Джерри Палмер, сидевший возле громоздкой аппаратуры космической связи, потянулся к бутылке с шотландским виски и плеснул себе в бокал.

– А знаете, док, пусть летит, – сказал Джерри. – Какая разница? Он все равно не достигнет Марса. Вырвется в космос и погибнет где-нибудь на полпути, как все остальные.

– Думай, что говоришь, – сердито бросил ему Александер. – И следи, сколько пьешь.

– Не ругайте его, док, – вступился за Палмера Скотт. – Он говорит правду. Естественно, я никуда один не полечу. Вы ведь знаете, что эти полеты окрестили «мостом из костей». Даже шутка такая появилась: «Перейти на Марс по мосту из костей».

Старик удивленно посмотрел на Скотта:

– Никак ты разуверился? Сомневаешься, что доберешься туда?

Скотт покачал головой:

– Я не разуверился. Кто-нибудь туда долетит... в свое время. А пока слишком рано. Зачем пополнять этот список?

Горько усмехнувшись, он махнул рукой в сторону стены, на которой красовалась бронзовая доска.

– Почетный список наших потерь. Заполнена почти вся. Скоро вам придется заказывать вторую.

Имя одного Никсона уже увековечили в бронзе: Хьюг Никсон, пятьдесят четвертый по счету. Ниже стояло имя его напарника: Гарри Декер.

Дремавшая аппаратура космической связи вдруг проснулась и выплеснула из динамиков целое море звуков. Вместе с треском, шумами и завываниями эфира в комнату влетели знакомые сигналы.

Скотт напрягся, вслушиваясь в послание, преодолевшее миллионы миль... Ничего нового. Все те же слова, упорно повторяемые год за годом; все то предостережение, которое посылала землянам красная планета: «Нет. Нет. Не прилетайте сюда. Опасно!»

Скотт повернулся к окну и нашел на вечернем небе оранжево-красный глаз Марса.

Ну сколько можно тешить себя надеждами? Надеяться, что Хьюг все-таки достиг Марса и что однажды вместе с этими странными сигналами он даст знать о себе?

Хьюг погиб, как и все те, чьи имена были высечены на бронзовой доске. Чрево космоса поглотило его брата. Хьюг мечтал прорвать завесу тайны... И вот его нет. А тайна осталась.

Дверь комнаты широко распахнулась. Потянуло холодным вечерним ветром. Вошедший, которого звали Джимми Болдуин, тщательно закрыл дверь и оглядел всех, кто находился в комнате. Как и всегда, взгляд у него был отсутствующим.

– Хороший вечерок для полета на Марс, – сказал Болдуин.

– А как же твои цветы, Джимми? – ласково, как ребенка, спросил его Александер. – Ты пошел к нам, а они остались и наверняка скучают по тебе.

– На Марсе полным-полно цветов, – ответил Джимми. – Может, когда-нибудь я туда слетаю и посмотрю.

– Лучше подожди, пока другие пробьют надежную дорогу, – с горечью посоветовал ему Палмер.

Джимми переминался с ноги на ногу. Казалось, он шел сюда с какой-то целью, но забыл, с какой именно. Потом он медленно повернулся к двери и взялся за ручку:

– Я пойду.

Дверь шумно закрылась, но холод не исчез. Этот холод не был природным явлением; он сопровождал Джимми Болдуина... странный, потусторонний холод, который почему-то не желал покидать их комнату.

Палмер плеснул в бокал очередную порцию виски.

– А ведь Джимми был непревзойденным пилотом. И посмотрите на него теперь!

– Рекорд Джимми держится до сих пор, – напомнил радиооператору Александер. – Еще никому не удавалось восемь раз слетать на Луну и остаться в живых.

Катастрофа случилась, когда корабль Болдуина возвращался назад. Крошечный метеорит – совсем песчинка – пробил обшивку, ворвался в кабину и застрял между глаз у Энди Мейсона – лучшего друга и напарника Джимми.

Воздух со свистом ринулся в пробоину, и вскоре кабина наполнилась космическим холодом. Все вокруг покрылось остроконечными ледяными кристаллами.

Каким-то образом Джимми сумел заделать пробоину и выжать из двигателей все, чтобы побыстрее достичь Земли. Запасов воздуха у него было в обрез, и каждая минута могла оказаться последней.

Другие пилоты в такой ситуации наверняка не выжили бы, но Джимми был асом и знал, что паника и необдуманные действия убивают не хуже метеоритов. Он долетел до Земли и самостоятельно выбрался из кабины. Только лицо у него было совсем белым и губы шептали что-то невразумительное.

Джимми по-прежнему жил при космодроме, ставшем ему домом. Он целыми днями возился с цветами. К кораблям он потерял всякий интерес и безучастно наблюдал, как они взлетают и садятся. Все относились к нему с большой теплотой, особенно пилоты. Случившееся с Джимми вполне могло произойти с каждым из них.

– Мы все свихнувшиеся и повернутые, – сказал Скотт. – Все. И я не исключение. Поэтому я полечу на Марс один.

– Я тебя не пущу, – решительно возразил ему Александер.

Скотт уперся костяшками пальцев в крышку стола.

– Вы не можете меня остановить. У меня есть официальный приказ. Полечу ли я один или с помощником – никакой разницы. Корабль стартует вовремя, и в момент старта в кабине буду находиться я.

– Но это же глупо, – пытался урезонить его Александер. – Сколько пилотов-одиночек стали жертвами космического помешательства! Подумай о гнетущем чувстве одиночества!

– Подумайте-ка лучше о координатах, – не слишком вежливо оборвал его Скотт. – Задёржите старт – и их придется рассчитывать заново. Вот и прикиньте, сколько дней мы потеряем. Но вся работа будет напрасной: пока вы ее делаете, Марс успеет прилично отдалиться от Земли.

Александер развел руками:

– Хорошо. Поступай, как знаешь. Надеюсь, у тебя получится.

Скотт направился к двери, но Александер его окликнул:

– Ты помнишь инструкции?

Скотт кивнул. Все инструкции он знал наизусть. Томительные часы полета до Луны. Посадка. Дозаправка. Старт на Марс в точно установленное время и строго под заданным углом.

– Пойду провожу тебя, – сказал Александер.

Он грузно поднялся из-за стола и надел теплую куртку.

– Пока, большой ребенок! – крикнул вслед Скотту Палмер. – Был рад с тобой познакомиться!

Скотт поежился. Палмер сегодня перебрал и потому был особенно желчным и циничным. Неудивительно: он провожал многих из тех, чьи имена выбиты на бронзовой доске. Рано или поздно нервы начинают сдавать.

Яркие звезды в темном африканском небе сверкали как драгоценные камни. Над плоской вершиной горы Кения⁵ дул холодный ветер. Он свистел между обледенелых скал и пробирал до самых костей. Далеко внизу перемигивались огоньки поселка, который в обиходе называли нижним лагерем. От площадки космодрома до него многие сотни футов по прямой и несколько миль по серпантину горной дороги. Даже не верилось, что гора эта высится почти на самом экваторе.

Дверь одного из служебных помещений была приоткрыта, и оттуда доносился бодрый голос диктора, читающего выпуск новостей:

«А вот сообщение из Нью-Йорка. Остин Гордон – известный исследователь Африки – объявил сегодня, что отправляется в долину реки Конго с целью проверить сообщения о некоем „металлическом городе“, обнаруженном в глубине джунглей. По словам местных жителей, якобы видевших этот „город“, он населен странными металлическими жуками».

Дверь закрыли. Скотт вновь остался наедине с ветром. Он достал сигарету и, прикрыв ладонями огонек зажигалки, закурил.

– Среди путешественников тоже попадают свихнутые, – произнес Скотт, разговаривая сам с собой.

Он представил, как диктор таким же ровным бодрым голосом сообщает об очередном запуске корабля на Марс со Скоттом Никсоном и Джеком Райли на борту. Сообщение об их старте – всего несколько фраз – наверняка прозвучало бы где-нибудь в середине выпуска, уступив первенство более впечатляющим новостям. Это десять лет назад полеты на Марс были сенсацией. Сегодня газеты помещают информацию о них где-нибудь на третьей полосе, а выпуски радионовостей зачастую ограничиваются сухой констатацией факта.

Наверное, диктор упомянет и имя Джека Райли. Вряд ли на радио своевременно сообщат, что помощник Скотта лежит сейчас в больнице базы с острым пищевым отравлением. Час назад они виделись. Джек пожал Скотту руку и пожелал удачи.

Джек прав: ему очень нужна удача. Удача и надежда. Все остальное космос уже не раз опрокидывал и перечеркивал.

Скотт шагал к наклонно установленному кораблю. Рядом слышались тяжелые шаги Александера. Некоторое время старик шел молча, потом сказал:

– Кое-что ты уже знаешь. Ты бывал на Луне, и не один раз.

Да, Скотт Никсон слетал на Луну три раза и сумел вернуться целым и невредимым. Таких, как он, называли счастливицами. Но удача не бывает вечной. В космосе любой пустяк может стоить жизни. Взять, например, топливо. Ученые уже лет десять бьются над созданием его новых видов, но до сих пор не нашли ничего лучше смеси жидкого кислорода с бензином. Пробовали использовать жидкий водород – не подошло: в условиях низких температур жидкий водород оказался довольно тягучим, более опасным в обращении и весьма неэкономичным. Из-за его низкой плотности топливные емкости грозили разрастись до внушительных размеров. С жидким кислородом было проще. Он хорошо поддавался сжатию и вел себя достаточно

⁵ Потухший вулкан (высота горы 5199 м), расположенный в центре одноименного государства на востоке Африки.

смирно, пока не соединился с бензином. А тогда уже малейшее нарушение пропорции – и прощальный фейерверк обеспечен.

Разумеется, конструкторам удалось сделать кое-какие улучшения. Управляться с топливом стало проще и безопаснее. Появились более совершенные и надежные камеры сгорания. И трубопроводы не обмерзали теперь с такой скоростью, как на первых кораблях, справедливо названных «летающими гробами». Да и сами двигатели стали надежнее, хотя до совершенства было еще далеко.

Помимо топлива и двигателей, в космосе хватало и других опасностей. Например, метеориты. Защититься от них невозможно. Ученые говорили о специальных экранах, но те пока существовали лишь в теории. Не менее опасными были и разного рода излучения. Космос буквально кишел ими, а специальная обшивка корабля спасала далеко не от всех. Часть излучений все равно беспрепятственно проникала внутрь.

Открыв корабельный люк, Скотт не поспешил внутрь, а остановился на пороге, вбирая краски и запахи Земли. Правда, на плато космодрома их было не слишком много, а холодный горный ветер вообще не имел запаха. Картина для глаз тоже была довольно скудной: взволнованное лицо Александера, люди из наземной службы, стоявшие поодаль, и перемигивающиеся огоньки внизу.

Мысленно выругав себя за недопустимую для пилота сентиментальность, Скотт закрыл и загерметизировал люк. Потом сел в кресло пилота, отчасти помогавшее переносить стартовые перегрузки, пристегнулся и правой ногой нащупал стартовую педаль. Наступила последняя минута его пребывания на Земле. Поднеся к глазам руку с часами, Скотт следил за неумолимым движением секундной стрелки.

Десять секунд. Восемь. Пять. Стрелка бесстрастно двигалась вверх. С последней секундой Скотт нажал педаль старта... Невзирая на ремни, его отбросило назад и вдавило в мягкую спинку кресла. Легкие сплющились, как будто из них исчез весь воздух. Бешено заколотилось сердце. К горлу подступила тошнота, а перед глазами пополз черный туман. Скотту показалось, что он падает в ночную бездну, и он тихо застонал. Тело обмякло. Из носа потекли две тонкие струйки крови.

Сознание вернулось к нему, когда корабль находился уже далеко от Земли. Какое-то время Скотт лежал неподвижно. Постепенно в голове стало проясняться. Зрение обрело привычную четкость. Перед глазами всплыл пульт управления с перемигивающимися разноцветными лампочками, затем прямоугольник иллюминатора, сделанного из толстого кварцевого стекла. В ушах зазвенела тишина. Особая, мертвая, тишина космического пространства.

Скотт вяло шевельнулся и выпрямился в кресле. Глаза привычно скользнули по показаниям приборов. Подача топлива – в норме. Давление внутри кабины – в норме. Скорость движения – удовлетворительная.

Скотт вновь откинулся на спинку кресла. Не надо понапрасну тратить силы. Ему сейчас некуда спешить. Можно передохнуть. Скотт ощупью стер кровь с подбородка и закрыл глаза.

2

Он, Скотт Никсон, в космосе! Он летит на Луну, а оттуда отправится на Марс. Но даже эта мысль не могла избавить его от последствий стартовых перегрузок, измолотивших тело и вогнавших в равнодушно-сонливое состояние разум.

Старт корабля всегда был пыткой. Суровым, мучительным наказанием. Его могли выдержать только люди с крепким телом и отменным здоровьем. У менее здоровых сердце остановилось бы в первые же секунды после старта.

Когда-нибудь появятся другие, совершенные корабли. У них будет мягкий старт и такое же мягкое, постепенное преодоление земного тяготения. Резкие рывки и чудовищные перегрузки останутся в прошлом.

Но это произойдет не скоро, очень не скоро. Возможно, на Земле успеет смениться несколько поколений. А пока корабли будут взлетать так же, как корабль Скотта, движимые опасной и непредсказуемой силой бензиново-кислородной смеси.

Из противоположного конца кабины послышался сдавленный стон, заставивший Скотта подпрыгнуть. Его руки инстинктивно потянулись к ремням. Отстегнув ремни, Скотт напрягся всем телом и стал вслушиваться. Может, ему почудилось? Нет, стон повторился – жалобный человеческий стон.

Скотт вскочил на ноги, пошатываясь от недостаточной гравитации. Корабль двигался по инерции; поступательное движение создавало некоторое подобие гравитации, позволяющее пилоту не летать по кабине. Однако искусственная гравитация лишь отдаленно напоминала земную.

В углу, где стояли ящики (конечно же, они при старте опрокинулись), виднелся непонятный сверток. Внешне его вполне можно было принять за измятый чехол. Но Скотт помнил, что не накрывал ящики никаким чехлом. Сверток шевелился! Вскрикнув, Скотт бросился туда и откинул материю... Под нею, скрючившись, лежал человек. Кровь, шедшая у него из носа и ушей, успела впитаться в плотное теплое одеяло, на котором он лежал. Скотт приподнял тело и едва не вскрикнул снова. Он увидел неподвижное, перепачканное кровью лицо Джимми Болдуина.

Глаза Джимми широко раскрылись, потом опять закрылись. Скотт присел на корточки. Мысли, пронесившиеся в его голове, были одна нелепее другой. В это время глаза Джимми вновь распахнулись и уставились на пилота. Рука его сделала что-то вроде приветственного жеста. Губы задвигались, и Скотт услышал слабый голос:

– Привет, Скотт!

– Как ты здесь очутился? – сердито спросил пилот.

– Н-не знаю, – пробормотал Джимми. – Я правда не знаю. Я собирался что-то сделать, но забыл.

Скотт встал, добрался до фляги с водой и смочил носовой платок. Обтерев им окровавленное лицо Джимми, он прощупал тело своего неожиданного спутника. Переломов не было. Просто чудо, что Джимми не погиб при старте. Очередное везение!

– Скотт, где мы? – спросил Болдуин.

– В космосе. Летим на Марс.

Пусть знает правду.

– В космосе, – повторил Джимми. – Я когда-то тоже летал в космос. Но потом что-то случилось.

Он покачал головой – как человек, которому никак не удастся вспомнить что-то важное. Судьба и здесь обошлась с парнем милосердно, стерев все воспоминания о катастрофе.

Скотт кое-как дотащил Джимми до кресла второго пилота, усадил и пристегнул ремнями. Потом заставил выпить воды. Сделав несколько глотков, Джимми откинулся на спинку кресла и задремал. Скотт вернулся в свое кресло и уткнулся в иллюминатор.

Смотреть особенно было не на что: космическое пространство практически везде выглядит одинаково. Пройдет еще немало времени, прежде чем в иллюминаторе появится Луна и с каждым часом начнет расти, заслоняя собой далекие точки звезд.

Скотт отвернулся от иллюминатора и посмотрел на дремлющего Джимми. Определенно тот прошмыгнул на корабль перед самым стартом. Никто не обратил на него внимания; и в поселке, и на космодроме с Джимми обращались как с любимым ребенком и ни в чем его не ограничивали. Джимми Болдуин вовсе не был сумасшедшим. Просто пережитая трагедия лишила его памяти, и потому он смотрел на мир с детским простодушием.

Возможно, когда Джимми забирался в кабину, у него была какая-то причина. Но сейчас он ее начисто позабыл. Сущий младенец в теле взрослого человека!

– Похоже, Джимми, ты поставил еще один рекорд, – сказал Скотт, обращаясь не столько к нему, сколько к самому себе. – Ты стал первым «космическим зайцем».

Конечно, на космодроме хватятся Джимми (если уже не хватились). Сначала решат, что он уехал с кем-нибудь вниз, в поселок. Когда выяснится, что его нет и там, организуют поиски и, разумеется, не найдут никаких следов. Скорее всего, на Земле так и не узнают, куда исчез Джимми.

Скотт представил, как они с Джимми, побывав на Марсе, возвращаются домой, но тут же отогнал эту мысль. Вначале еще нужно добраться до Марса. Шансы, что они оба снова увидят Землю, совсем ничтожны.

За цветами Джимми будет ухаживать кто-то другой. А может, и вообще никто. Он выращивал марсианские лилии, а они уже давно перестали быть диковинкой.

Фактически с марсианских лилий все и началось. Это они пробудили в землянах безумное стремление добраться до красной планеты. Вскоре на космодроме появилась бронзовая доска с именами первых смельчаков, шагнувших на «мост из костей».

Где-то лет двенадцать назад доктор Стивен Александер сообщил: ему удалось из своей обсерватории на горе Кения установить связь с Марсом, используя ультракороткие волны. Процесс этот был длительным и кропотливым. Первые сигналы с Земли посылались в определенной последовательности через определенные промежутки времени. Наконец с красной планеты пришел ответ. Его расшифровка заняла еще несколько месяцев.

«Мы посылаем вам, – передавали марсиане. – Мы посылаем вам...» Снова и снова. Какая-то бессмысленная фраза. Что они посылают? Постепенно Александер понял, что в сообщении явно недостает одного или нескольких слов. Так и есть! Наконец с Марса сообщили: «Мы посылаем вам знак». Какой «знак»? Ведь это слово в равной степени могло подразумевать и нечто осязаемое, и чисто абстрактное понятие.

Весь мир, затаив дыхание, ожидал появления марсианского «знака». И он появился: к Земле двигался марсианский корабль! Марсиане заранее предупредили о нем, и самые мощные телескопы Земли следили за приближением крошечной светящейся точки. Ослепительной молнией прочертив ночное африканское небо, корабль приземлился в окрестностях горы Кения.

Падая, корабль выбросил контейнер, надежно защищенный от воздействия жары и холода, радиации и ударов. Контейнер вскрыли. Внутри оказались семена каких-то марсианских растений. Их сразу же посеяли, место посева окружили круглосуточной охраной и стали с нетерпением ожидать всходов. Заботы землян были вознаграждены: вскоре они увидели первые марсианские лилии.

Теперь марсианские лилии росли в каждой деревне и густо окаймляли границы фермерских участков. В отсутствие конкурентов и неблагоприятных факторов, существовавших на Марсе, эти растения постепенно заплонили все вокруг и превратились в злостный сорняк, вынудив фермеров срочно искать способы борьбы с ними.

Корни марсианских лилий проникали глубоко в почву. Эти цветы выдерживали любую засуху и росли быстрее земных растений: период их развития длился один-два дня. Семена марсианских лилий прекрасно хранились в любых условиях и быстро давали всходы. Впрочем, чему тут особо удивляться? На скудных пустынных почвах Марса, в суровом климате со значительным перепадом температур могли выжить только такие упорные и неприхотливые растения. Земля для марсианских лилий оказалась настоящим раем с избытком солнца, воды и воздуха.

А марсиане продолжали отправлять все новые корабли с грузом семян и о каждом из них предупреждали однотипным посланием. Но что еще удивительнее: все марсианские корабли приземлялись в одном и том же месте – там, где опустился самый первый корабль.

Земным ученым оставалось лишь завистливо вздыхать: марсиане были непревзойденными математиками! И не только математиками. Они обладали потрясающими знаниями космической навигации. Все их корабли были автоматическими, и прокладка курса для каждого из них требовала фантастически точных расчетов! Как много нужно было учесть заранее! Марсианские корабли отправлялись не просто на Землю, а в конкретное место на обширной поверхности планеты. И все они, будто стрелы, пущенные метким стрелком, безошибочно попадали в цель!

Каждый марсианский корабль на Земле ожидали с нетерпением и надеждой: а вдруг в его контейнере окажется что-то иное. Но марсиане с непонятной для людей логикой продолжали слать только семена марсианских лилий.

Джимми беспокойно заерзал, открыл глаза и взглянул в иллюминатор. В его глазах не было ни ужаса, ни удивления, ни сожаления.

– Космос? – спросил он.

Скотт кивнул.

– Мы летим на Луну?

– Сначала на Луну. А оттуда – на Марс.

Джимми умолк. В его лице ничего не изменилось. После катастрофы оно в любой ситуации сохраняло одно и то же выражение.

Скотт надеялся, что неожиданный попутчик не доставит ему особых хлопот. Присутствие Джимми, мягко говоря, не радовало пилота. Так уж устроен человек, что груз дополнительной ответственности ни у кого не вызывает восторга. А в космосе особенно.

Космический полет – опасная работа. С тех пор как был учрежден Международный центр по контактам с Марсом, который возглавил доктор Александер, космос не уставал демонстрировать людям, что им нечего делать в его просторах. Но земляне упорно продолжали отправлять один корабль за другим – и в отличие от марсианских корабли эти не были беспилотными. Даже полет на Луну все еще оставался рискованным делом.

Далеко не все посланцы Земли возвращались домой. Кому-то из них не удавалось добраться до Луны, кого-то смерть поджидала на поверхности земного спутника, но большинство пилотов она настигала на обратном пути. Не многим удавалось благополучно провести корабль сквозь плотные слои атмосферы и совершить мягкую посадку.

Но с Луны все-таки возвращались. С Марса не вернулся никто. На Земле даже не знали, удалось ли кому-нибудь из пилотов достичь красной планеты. Корабли просто взмывали ввысь и исчезали навсегда. Так пропал и Хьюг Никсон.

Теперь его брат Скотт повторял этот путь. Сначала до Луны, затем – дальше. С Хьюгом летел помощник, способный разделить заботы и скрасить тяготы пути. Со Скоттом путешествовал «космический заяц» – великовозрастный ребенок, с отсутствующим видом сидящий рядом с ним.

Половина расстояния до Марса пройдена, а корабль по-прежнему цел и исправен. Движимый силой инерции после старта с Луны, он идет строго по курсу, не выбиваясь из расчетного времени.

Половина расстояния до Марса пройдена, а они все еще живы! Но радоваться пока рано. Быть может, другие пилоты тоже преодолевали половину расстояния, а потом... А потом что-то происходило.

Картина в иллюминаторе не менялась: бесконечный черный бархат, усыпанный блестящими перемигивающимися звездами.

Дни Скотта были заполнены наблюдением и ожиданием. Впереди его ждало ровно столько же дней, полных наблюдения и ожидания.

Когда ты в космосе, то постоянно находишься настороже, даже во время сна. Снаружи – дикий холод, а потому ты невольно ждешь, что вот-вот на панели мигнет предупреждающий сигнал: неполадки с топливными баками. Или где-то что-то случится с проводкой.

Ты вслушиваешься в звенящую тишину – не чиркнет ли по стальной обшивке маленький камешек, пересекшийся с твоим кораблем. На Земле ты бы и внимания на него не обратил, а в космосе этот звук может стать предвестником большой беды.

Ты все время чего-то ждешь, потому что твой корабль... даже не камешек, а пылинка в бескрайних просторах. Была она – и сгинула бесследно.

Нескончаемые часы наблюдения и ожидания, перемежаемые короткими паузами сна прямо в кресле и торопливым проглатыванием консервированной пищи. Скотт не знал, что лучше: лететь одному в полной тишине или слушать, как бубнит Джимми Болдуин: как, мол, там поживают его марсианские лилии и что, интересно, сейчас поделявают ребята на космодроме.

Усилием воли Скотт Никсон отключался от этой болтовни, и тогда мозг начинала сверлить одна и та же мысль, давно не дававшая покоя. Он никак не мог понять, почему марсиане много лет подряд посылали на Землю короткое предостережение: «Нет. Нет. Не прилетайте сюда. Опасно». Только эти слова – и ни малейшего объяснения, в чем именно состоит опасность. Никаких предложений, как избежать ее или исправить положение. Марсиане знали о попытках землян достичь их планеты, но ни разу не предложили свою помощь.

Получалось, что марсиане просто не хотели видеть землян у себя. Они как будто пытались отговорить своих ближайших соседей от любых путешествий на Марс... Такая мысль тоже часто приходила Скотту в голову, но он упорно гнал ее прочь. Этого не может быть. Если бы марсиане не хотели сотрудничать, они вообще не пошли бы на контакт. Но ведь они же помогали землянам разрабатывать код общения, позволяющий передавать слова и мысли через межпланетное пространство.

Выводы, к которым приходил Скотт, были неутешительными: в общении с Землей марсиане навязывали людям свои правила игры. Если бы они хотели помочь землянам, то давно сделали бы это. Их корабли с завидной легкостью преодолевали миллионы миль и не нуждались ни в какой дозаправке на Луне.

И все-таки почему каждый марсианский корабль прибывал с одним и тем же видом груза – семенами марсианских лилий? Может, в лилиях скрывался особый, непонятный землянам смысл? Скрытое, до сих пор не расшифрованное послание? И марсиане упорно повторяли его, надеясь, что соседи в конце концов догадаются.

Другой, не менее важный вопрос: а почему марсиане не прилетали на Землю сами? Если у них есть беспилотные корабли, тогда непременно должны быть и пилотируемые.

Земные ученые и инженеры внимательно исследовали каждый прибывавший с Марса корабль, надеясь выведать и перенять какие-либо технические секреты. Безрезультатно. Землянам не удалось взять на пробу ни одной капли топлива. Похоже, марсиане точно знали, сколько топлива требуется на полет до Земли. В конструкции самого корабля земляне не обнаружили ничего принципиально нового, за исключением металла. Марсиане умели выплавлять особо прочную сталь, значительно превосходящую лучшие марки земной.

Десять лет подряд земляне пытались пересечь «мост из костей» и достичь Марса. Корабли на красную планету всегда стартовали с космодрома на вершине горы Кения: высота горы и ее местоположение давали определенные преимущества.

Желая отвлечься от невеселых мыслей, Скотт начал последовательно вспоминать все стадии своего полета. Старт с Земли. Посадка на поверхности абсолютно сухого и унылого лунного Моря Спокойствия. Дозаправка горючим из специально оборудованных хранилищ. Затем он сел в кабину гусеничного тягача и затащил свой корабль на поворотную раму. Задал нужный угол наклона и точно в назначенное время стартовал в направлении Марса.

Луна была необходимой промежуточной ступенькой в этом путешествии. С полным запасом горючего корабль попросту не смог бы вырваться за пределы земного притяжения. Низкая лунная гравитация и отсутствие атмосферы во многом облегчали задачу.

Теперь они с Джимми летят на Марс. Если они туда доберутся и благополучно сядут, у них будет пара дней, чтобы погулять по красной планете, прежде чем отправиться обратно – домой. Это теоретически. А на практике... Возможно, они с Джимми Болдуином так и не увидят Марс, и число упрямцев, пытавшихся туда добраться, возрастет еще на два человека.

3

Красноватая марсианская равнина тянулась далеко. До черной полоски горизонта. И на всем этом громадном пространстве не было ни городов, ни поселков, ни вообще каких-либо строений. Только оно: гигантское здание высотой в несколько сотен футов. Здание со слегка закругленной крышей, без единого окна и двери.

Да, только это здание и ничего больше. Никаких иных признаков марсианского жилья. И никаких указаний на присутствие разумной жизни.

Вокруг здания росли марсианские лилии. Все ржаво-красное пространство было усыпано ярко-красными цветами. Земля и впрямь оказалась для них раем. На родине марсианские лилии представляли собой довольно жалкое зрелище: мелкие, низкорослые, со скрюченными стеблями.

Скотт медленно направился к зданию. Под его ботинками заскрипел марсианский песок.

Вот он и на Марсе! На северном полюсе планеты... И только здесь ему удалось обнаружить хоть какой-то знак, что планета обитаема. Едва корабль сбросил скорость, Скотт постарался как можно внимательнее рассмотреть в телескоп ее поверхность. Тогда он и заметил это здание.

Оно было построено из металла. Возможно, из такой же стали, что и марсианские корабли. Стены здания блестели даже под тусклым солнцем.

– Букашки, – сказал Джимми, тронув Скотта за локоть.

– Какие еще букашки? – не понял Скотт.

– Летающие. Вон их сколько кружится в воздухе.

Скотт присмотрелся и заметил вокруг здания и над ним странное скопище ярких движущихся точек. Они парили над зданием и вокруг него.

– Наверное, пчелы, – высказал свою догадку Джимми.

Скотт покачал головой. Нет, это не пчелы. Судя по странному металлическому блеску, «букашки» были скорее механизмами, а не биологической формой жизни.

– Но где же тогда марсиане? – тоном разочарованного ребенка спросил Джимми.

– Этого я пока не знаю, – пожал плечами Скотт.

Он не раз мысленно представлял себе толпу ликующих марсиан, которая соберется, чтобы встретить первых посланцев Земли, достигших их планеты. Но марсиан не было – ни толпы, ни даже маленькой кучки. Только эти странные блестящие «букашки» и лилии, покачивающиеся на слабом прохладном ветру.

Замерший, беззвучный мир. Так бывает на Земле жарким летним полднем, когда все вокруг словно застывает. Правда, там нет таких красных пустынь и сверкающих металлических строений.

Скотт сделал еще несколько шагов и вновь услышал недовольный скрип песка под ногами. Он медленно приближался к зданию, напряженно ожидая проявления хоть какой-то реакции со стороны хозяев. Неужели обитатели здания не заметили его и Джимми? Похоже, им не было дела до землян. В воздухе все так же кружили «букашки», и лилии сонно кивали головками.

И больше ни единого признака жизни.

Скотт посмотрел на термометр своего скафандра: стрелка показывала плюс десять по Цельсию. Не так уж и холодно. Ему очень хотелось снять скафандр, однако марсианский воздух был слишком разреженным и не годился для человеческих легких.

Здание отбрасывало длинную густую тень. И в этой тени что-то белело. Скотт присмотрелся... Крест! Белый могильный крест, воткнутый в красноватый марсианский песок.

Скотт с криком бросился туда. Примитивный крест был составлен из двух кусков каких-то трубок. На горизонтальной виднелись коряво вырезанные ножом слова:

ГАРРИ ДЕКЕР.

Гарри Декер! В голове у Скотта лихорадочно замелькали мысли... Гарри Декер здесь, на Марсе, погребенный под красными песками! Пятьдесят пятое по счету имя, выбитое на бронзовой доске, сразу после имени Хьюга Никсона.

Пошатываясь, Скотт встал с колен.

Он не успел даже задуматься над увиденным, когда откуда-то донесся крик. Скотт побежал в том направлении, обогнул угол здания и изумленно застыл.

Невдалеке виднелся заржавленный космический корабль, а навстречу Скотту бежал человек в скафандре и что-то кричал. На плече у него болтался рюкзак, подпрыгивавший в такт бегу.

– Хьюг! – что есть мочи завопил Скотт.

– Скотт, чертяка! – послышалось в ответ. – Я знал, что ты прилетишь! Я услышал шум корабля и сразу понял: это ты!

– Сейчас здесь вполне сносная погода, – пояснил Хьюг, когда они вдоволь наобнимались и нахлопали друг друга по плечам. – Но ты бы знал, каково тут зимовать! Наша арктическая пурга – просто легкий ветерок. Солнце скрывается почти на десять месяцев, морозы достигают ста градусов. Все в толстом слое инея. Приходится сидеть в корабле и носа не высовывать.

Хьюг ткнул пальцем в рюкзак.

– Я готовился к следующей зиме. Делал запасы, как белка. Земные продукты кончились еще весной. Пришлось искать местное пропитание. Я нашел несколько видов съедобных луковиц, корешков и еще ягоды. Все лето только и делал, что пополнял запасы.

– А как же марсиане? – удивился Скотт. – Почему они не помогли тебе?

Брат с явным недоумением посмотрел на него.

– Марсиане?

– Да. Почему тебя это удивляет?

– Понимаешь, Скотт, мне до сих пор не встретился ни один марсианин.

Теперь уже Скотт недоуменно уставился на брата.

– Хьюг, не надо меня разыгрывать.

– Знаешь, мне здесь уже давно не до розыгрышей.

– Постой, ты утверждаешь, что так и не узнал, где находятся марсиане и как они выглядят?

Хьюг кивнул.

– Да. Говорю тебе без всяких шуток. Я ухлопал немало времени, пытаюсь разыскать марсиан. Придумывал разные хитроумные способы, как вступить в контакт с теми, кто посылал нам радиосообщения и корабли с семенами. Никаких результатов. В конце концов я оставил эту затею.

– А что ты скажешь про этих... букашек? Или правильнее называть их жуками?

Хьюг усмехнулся и покачал головой:

– Называй их как хочешь. Поначалу я решил, что они и есть марсиане. Мне удалось поймать пару штук. Притащил их на корабль, рассмотрел как следует. Это машины. Я далеко не все понял в их устройстве, но узнал, что они работают на крошечных атомных батарейках.

Глядя в ошеломленные глаза брата, Хьюг продолжал:

– Я тут чуть не свихнулся. Представляешь: над головой летают эти жуки, вокруг – сплошные марсианские лилии, среди них высится стальной домина – и больше ничего. Я часами

ходил вокруг него, пытаясь проникнуть внутрь. Глухо. Ни окон, ни дверей. Только маленькие отверстия, через которые влетают и вылетают жуки.

Я ничего не понимал. Здесь земная логика вообще не годится. Все, что я видел, с точки зрения человеческого разума казалось полной бессмыслицей. Точнее, почти все. С другой стороны здания есть пусковая площадка. Оттуда отправляются корабли на Землю. Я наблюдал это собственными глазами.

– С чего же ты тогда застрял на Марсе? – спросил Скотт. – Почему не вернулся? И что с твоим кораблем?

– Мы лишились горючего.

Скотт понимающе кивнул:

– Чудо, что метеорит не разнес вам весь корабль.

– Не угадал. Не было никакого метеорита. Просто Гарри открыл заглушки и вылил все топливо в марсианский песок.

– Да он что, спятил?! – удивленно воскликнул Скотт.

– Бесповоротно, – ответил Хьюг. – Космическое помешательство. Это началось еще на корабле. Мне было жалко парня. Я, как мог, пытался вразумить его. Где там! Космос его доконал. Гарри превратился в испуганное животное. Он боялся всего, особенно теней. Последнее время он и вел себя как затравленный зверек. Я даже обрадовался, когда он умер.

– Насколько мне известно, космическое помешательство обостряет желание вернуться на Землю, – не переставал удивляться Скотт.

– Я уверен: марсиане превратили Гарри в свое послушное орудие, – пояснил Хьюг. – Кем бы они ни были, их уровень развития превосходит наш. Им ничего не стоило установить контроль над поврежденным человеческим разумом. Управлять психически здоровым человеком им, скорее всего, не по силам, а землянин с расстроенной нервной системой оказался для них легкой добычей. Они смогли внушить ему нужные мысли и подчинить своей воле – заставить сделать то, что им требовалось. Я уверен, Скотт: сам Гарри никогда бы на такое не пошел. Это все марсиане.

Хьюг прислонился к помятому корпусу своего корабля и посмотрел на массивное стальное здание.

– Когда я подбежал, Гарри уже опорожнил последний бак. Я был вне себя и отделал парня так, что и сейчас стыдно вспомнить.

– А от чего он умер? – спросил Скотт.

– Через несколько дней после моей трепки он вдруг выскочил наружу без скафандра. Я бросился следом. Пока ловил его, пока тащил обратно, прошло не меньше получаса. Гарри схватил пневмонию. Здесь нужно быть осторожным. Марсианская атмосфера губительна для человеческих легких.

– Но воздух вполне пригоден для дыхания, только разрежен, – возразил Скотт. – Я проверял по приборам.

– Да, вполне пригоден. Несколько часов ты им сможешь дышать. Но это будут твои последние часы.

– Ну, теперь-то все твои испытания позади, – с улыбкой сказал брату Скотт. – Мы развернем мой корабль под нужным углом и полетим на Землю. Если мы смогли добраться сюда, сможем и вернуться назад. Ты будешь первым человеком, ступившим на Марс.

Хьюг тоже улыбнулся:

– А ведь это не пустяк. Правда, Скотт? Только вот, если задуматься, много ли я сделал? Долетел до Марса, опустился на его поверхность. И все. Я так и не встретился с марсианами, хотя уверен, что они где-то рядом. Даже если их разум существенно отличается от земного, мы все же нашли бы общий язык. Обязательно. Знаешь, мне до сих пор не дает покоя мысль: почему марсиане не захотели пойти со мной на контакт?

– Давай поговорим об этом чуть позже, – предложил Скотт. – Сначала я намерен напоить тебя кофе. Уверен, ты уже несколько недель не брал его в рот.

– Недель? Ошибаешься, братец. В последний раз я пил кофе десять месяцев назад.

– Тем более. Разыщем Джимми и вернемся на наш корабль. Малыш наверняка где-то поблизости. Рад, что снова увидел свои любимые лилии. Парень он тихий, но лучше не оставлять его без присмотра.

Дрему красной пустыни нарушил оглушительный хлопок, который немедленно повторило марсианское эхо. В небо над стальным зданием взвился столб ярко-красного пламени, после чего сразу же хлынул дождь из металлических осколков. Их падение сопровождалось изобилием звуков: от низких, едва воспринимаемых ухом, до душераздирающего визга.

Похолодев от ужаса, Скотт завернул за угол здания. Он уже знал, что его там ожидает, и очень боялся увидеть эту жуткую картину.

На месте их корабля чернела глубокая воронка. А сам корабль мириадами осколков разлетелся на многие мили вокруг. Из воронки поднимались клубы дыма.

Скотт сразу понял, что произошло: жидкий кислород соединился с бензином. В камере сгорания корабля эта смесь работала во благо, но в любом другом месте представляла смертельную опасность. Достаточно легкого сотрясения, брошенного камешка, даже дуновения ветерка – и взрыва не избежать.

На полпути между воронкой и местом, где он стоял, Скотт заметил фигуру в почерневшем, рваном скафандре. Опустив голову, человек брел на негнущихся ногах сам не зная куда. По его лицу текла кровь.

– Джимми! – закричал Скотт.

Он бросился к раненому, но не успел подхватить, и Джимми рухнул на песок.

Скотт опустился на колени и приподнял голову Джимми.

Полуживые глаза широко раскрылись. Губы зашевелились. Каждое слово давалось Джимми с большим трудом.

– Прости меня... Скотт. Я не знаю... почему...

Глаза закрылись, затем снова открылись, и окровавленные губы прошептали:

– Не понимаю... зачем я... это сделал.

Скотт поднял голову и увидел стоящего рядом с собою брата. Хьюг сочувственно кивнул.

– Это снова марсиане, Скотт. Скорее всего, они нашли доступ к разуму Джимми и подчинили его своей воле. Ты же знаешь, у него было не все в порядке с мозгами.

Скотт не ответил. Голова Джимми запрокинулась, глаза подернулись пеленой. Кровь продолжала капать на песок.

– Хьюг, он умер, – прошептал Скотт.

Хьюг повернулся и нашел глазами крест, белевший в тени стального здания.

– Пойдем, сделаем крест для Джимми, – сказал он брату.

4

Марсиане не хотели, чтобы они сюда прилетали. Теперь сомневаться в этом не приходилось. Однако люди оказались упрямее, и тогда марсиане сделали все, чтобы помешать им вернуться на Землю и сообщить, что Марс вполне досягаем. Но почему обитатели красной планеты так рьяно защищали ее от ближайших соседей?

Возможно, марсиане, подобно жителям некоторых стран на Земле, стремились наглухо отгородиться от внешнего мира. Но тогда непонятно, зачем они вообще отвечали на запросы с Земли и сотрудничали с доктором Александером, разрабатывая код взаимного общения? С какой целью они продолжали отправлять на Землю свои странные послания и корабли с семьями марсианских лилий? Ведь было бы куда проще объявить о прекращении контактов. Или марсиане нуждались в общении с Землей, но только по своим, ими установленным правилам?

Если пока нет ответов, нужно хотя бы выстроить последовательную цепь вопросов. Предположим, земляне пренебрегли марсианскими запретами и высадились на красную планету. Почему бы тогда не уничтожить земные корабли силой оружия? С марсианской техникой это можно было сделать еще в воздухе или при подлете к Марсу. Зачем превращать землян в своих пособников и уничтожать корабли их руками? И почему, погубив Гарри Декера и Джимми Болдуина, оставили в живых Скотта и Хьюга Никсонов?

Возможно, марсиане чужды мстительности и устраняют лишь непосредственную опасность – ведь без кораблей два оставшихся землянина не представляют для них никакой угрозы. Вполне вероятно также, что у хозяев Марса вообще нет оружия. Если допустить, что им не приходилось бороться за выживание, то не было нужды и в том, чтобы вооружаться.

Вопросы, вопросы... Но главными среди них по-прежнему оставались два: *кто* такие марсиане и *где* их искать? В стальном здании? В городах, скрытых под песками пустыни? Или в других частях Марса? А может, марсиане вообще невидимки?

Сплошные «возможно», «вероятно», «предположительно». Нескончаемые рассуждения, догадки и попытки постичь с помощью земной логики логику инопланетной цивилизации. А ответов по-прежнему нет. Нет даже малейшей зацепки. И все так же блещит в лучах незаходящего солнца стальное здание, все так же кружат в воздухе металлические жуки, и мерно кивают головками марсианские лилии, откликаясь на дуновение прохладного ветра.

Скотт Никсон достиг кромки плато и снял рюкзак с корнями. Пока Хьюг поднимается, можно передохнуть.

В четырех милях от плато, на пустынной равнине, высилось стальное марсианское здание. Неподалеку от него виднелся проржавевший земной корабль. Марсианская атмосфера содержит достаточно большой процент озона. Земная сталь в таких условиях долго не выдержит. Через пару-другую лет разрушение завершится и корабль просто развалится на куски. Впрочем, к тому времени им с Хьюгом он уже не понадобится. Либо с Земли сюда прилетит еще один корабль, либо их уже не будет в живых.

Скотт мрачно усмехнулся. Не слишком-то радужный взгляд на вещи, но единственно правильный. На Марсе следует быть реалистом. Нужно все тщательно планировать, предусматривая любую мелочь, – только так можно надеяться выжить. Запасы пищи на исходе. Даже если и удастся до наступления зимы насобирать приличное количество корней, луковиц и ягод, нет никакой гарантии, что их хватит до следующего лета.

Как бы то ни было, остается надежда. Неистребимая надежда на то, что следующим летом на Марс опять прилетит земной корабль. Уж теперь-то они с Хьюгом постараются не допустить его уничтожения.

Хьюг сбросил рюкзак и, сев рядом с братом, кивнул в сторону стального здания.

– Что ни говори, а я уверен: именно там находится нервный центр марсиан. Вот если бы нам удалось туда проникнуть...

Хьюг умолк. Такой разговор происходил у них не в первый раз.

– Но это невозможно, – напомнил ему Скотт. – Мы с тобой только что не на коленях ползали вокруг этого домика. Все напрасно. Дверей в нашем понимании там нет. И вообще никаких отверстий, кроме дырок для жуков.

– Где-то есть дверь, – не сдавался Хьюг. – Потайная. Когда жуки запускают корабль на Землю, они открывают эту дверь, чтобы выкатить вспомогательные механизмы. Я сам это видел. Внешне механизмы совсем простые, но работают с такой дьявольской ловкостью, что невольно поверишь в их разумность. Я пытался подсмотреть, откуда они появляются, но без толку. Жуки дожидались, пока меня поблизости не будет, и только тогда вытаскивали их или убирали внутрь здания.

Он усмехнулся и мозолистой рукой поскреб бороду.

– Что ни говори, а стартовая площадка спасла мне жизнь. Если бы не кабель, идущий к ней от здания, я бы давно уже загнулся. Благодаря ему у меня оказалось в досталь электроэнергии, которая ничем не отличается от земной. Я тихонечко подключился. Жуки даже не заметили. Зато в корабле светло, тепло, есть вода и воздух.

Скотт растянулся на камнях, подложив под голову рюкзак.

– Этот дом сведет нас с ума, – удрученно признался он. – Когда начинаешь думать, что несколько жалких футов отделяют нас от разгадки марсианской тайны... Внутри мы наверняка нашли бы немало полезных вещей. Машины, инструменты...

– Может, нашли бы, а может, и нет, – пробормотал Хьюг. – Представь, что мы не сумели бы понять принцип их действия. Если марсианское мышление и логика отличаются от земных, то и техника у них совсем другая.

– Не согласен, – возразил Скотт. – Взять ту же стартовую площадку. У нее такой же принцип действия, как и у наших. Внутри здания обязательно должна быть радиоустановка. И телескоп. Мы вполне разобрались бы, как пользоваться марсианским передатчиком. Возможно, даже сумели бы отправить доку Александеру послание.

– Угу, – согласился брат. – Я тоже об этом думал. Но дело упирается все в ту же закавыку: мы не знаем, как проникнуть в здание.

– Эти жуки уже сидят у меня в печенках, – пожаловался Скотт. – Постоянно крутятся над зданием. И вроде бы по горло заняты. Только чем?

– Жуки – обыкновенные слуги, – отозвался Хьюг. – Выполняют приказы марсиан. Глаза и руки своих хозяев.

Он буравил песок носком тяжелого ботинка.

– Перед тем как мы с тобой отправились сюда, здание покинул целый рой жуков, – сказал Хьюг. – Ты был внутри корабля, а я видел, как они взмыли в небо, поднялись высоко-высоко и исчезли. Такое ощущение, что они отправились прямо в космос.

Хьюг сердито ковырнул песок.

– Дорого бы я дал, чтобы узнать, куда они полетели.

– Недавно и я видел такой же рой, – сказал Скотт. – Как пчелы в улье. Выводятся и улетают. Куда? Может, строить где-нибудь новые стальные здания?..

Скотт замолчал. Взгляд его рассеянно скользил по пустыне. Строить новые стальные здания... Новые стальные здания?!

Его обдало ледяным холодом, как будто он снова стоял на высокогорном африканском космодроме, считая минуты до старта. Что было потом? Кто-то приоткрыл дверь, и он услышал обрывок выпуска новостей. Скотт вспомнил бодрый голос диктора и странное сообщение:

«...Остин Гордон... долина реки Конго... „металлический город“... населен странными металлическими жуками...»

Пришедшие на память слова заставили его взмокнуть с головы до пят. Скотт задрожал, но не от холода: он нашел разгадку, над которой они с Хьюгом безуспешно бились много дней!

– Хьюг! – хрипло выкрикнул он. – Послушай, Хьюг, я все понял! Я разгадал секрет их цивилизации!

Брат бросил на него тревожный взгляд.

– Успокойся, малыш. Не позволяй им сбивать тебя с катушек. Ты же не один. Я рядом, и все у нас будет хорошо.

– Да я не спятил! – нетерпеливо воскликнул Скотт. – Я действительно нашел разгадку... Да не смотри ты на меня так! Лилии и есть марсиане! А жуки улетели прямо на Землю. Ведь они же машины – им не нужны никакие корабли и скафандры. Жуки отправились на Землю, потому что тамошним марсианским лилиям нужны слуги.

Скотт вскочил на ноги.

– Жуки строят целый город в долине реки Конго! – возбужденно продолжал он. – Я слышал об этом в выпуске новостей, перед самым отлетом. Одному богу известно, сколько таких городов они уже успели построить на нашей планете. Марсиане завоевывают Землю! Вот уже десять лет они беспрепятственно обустроиваются на нашей планете, а люди об этом даже не подозревают!

– Остуди голову! – хмуро бросил ему Хьюг. – Как цветы могут строить города?

– Цветы не могут, – раздосадованный непониманием брата, прошептал Скотт. – Зато металлические жуки могут. Мы на Земле ломали головы: почему это марсиане присылают семена каких-то цветочков и не прилетают к нам сами. А они давно уже тут как тут! Корабли, груженные семенами, – никакой не «знак». Нечего нас дурачить! Это все новые и новые партии колонистов, прибывающие на Землю.

– Постой, Скотт. Давай помедленнее, – взмолился Хьюг. – Если лилии и есть марсиане, которые хотят завоевать Землю, то почему они стали посылать семена лишь двенадцать лет назад? Что им мешало начать гораздо раньше?

– Раньше это не имело бы смысла. Им нужны были люди, чтобы вскрывать контейнеры и сажать семена. И марсиане ждали момента, когда смогут делать это нашими руками. Они вовлекли землян в свою игру. Понимаешь, они могли бы начать отправку кораблей и гораздо раньше, но сознание человечества не было готово принять идею межпланетных контактов. Инопланетные корабли объявили бы «порождением дьявола», а семена, скорее всего, сожгли бы. Посылать корабли в пустынные места и ждать, когда контейнер проржавеет и семена сами упадут на землю, неэффективно. К тому же такой способ потребовал бы слишком много времени – семена могли погибнуть и не дать всходов.

Хьюг недоверчиво качал головой.

– Нет, это просто невозможно. Чтобы растения обладали разумом... чтобы цветы владели целой планетой... Я готов принять почти любую теорию, но только не эту.

– Ты считаешь, что развитие жизни на Марсе должно было происходить по земной модели. Но почему? На Земле фауна в процессе эволюции вырвалась вперед и подавила флору. А теперь представь, что на Марсе нет и никогда не было животных, и растения беспрепятственно развивались: от низших форм – к высшим, от высших – к разумным.

– Но марсианские лилии живут всего лишь один сезон... десять месяцев... – упорствовал Хьюг. – Потом они погибают и на следующий год снова вырастают из семян. Можно ли наследовать разум? Ведь каждому поколению лилий приходится все начинать заново.

– Совсем не обязательно, – возразил Скотт. – Смотри. Животные рождаются с унаследованными инстинктами. А что такое инстинкт, как не разум определенного уровня, переданный

по наследству? У людей бывают странные проявления расовой памяти. Так почему же растения не могут передавать разум и опыт своим семенам? Каждое новое поколение оказывается на ступеньку выше предыдущего. И семя вместе с биологическими качествами несет в себе разум и накопленные знания. В таком случае новое поколение, пользуясь опытом предшественников, расширяет и совершенствует его, чтобы передать потомкам.

Хьюг рассеянно ковырял красный марсианский песок.

– Такой путь развития имеет свои преимущества, – согласился он. – Быть может, он даже логичен для выживания на такой планете, как Марс. Кто знает, возможно, на заре марсианской цивилизации их лучшие умы сознательно направили эволюцию в сторону растительных форм. Они понимали, что в условиях Марса это единственный шанс выжить.

– Конечно, общество разумных растений весьма необычно, – подхватил Скотт. – Некая разновидность тоталитарного общества. Животные не способны построить такое. Животное по природе своей индивидуально, а растение – нет. В растительном мире индивидуальное сознание – пустой звук; оно не имеет никакой ценности, а коллективное – основа выживания. Движущей силой такого общества служит стремление к сохранению вида и его распространению.

Хьюг резко вскинул голову.

– Черт побери, ты совершенно прав! Сохранение и распространение вида – только это и имеет смысл. Страшное общество. Однажды возникнув, оно никогда не отступит от своих целей.

Загорелое лицо Хьюга побледнело.

– Ты понимаешь, что наделали земляне? Миллионы лет эти чертовы лилии боролись за выживание в суровых марсианских условиях. Все усилия были направлены на сохранение вида. Мы не знаем, как давно существуют это здание и металлические жуки. Может, тоже миллионы лет. Каждую осень жуки тщательно собирали все семена, уносили их внутрь здания, чтобы весной вновь посеять. Не будь такого порядка, от лилий давным-давно ничего не осталось бы, кроме отдельных жалких цветков.

– Зато на Земле... – произнес Скотт.

Теперь уже оба брата побледнели и переглянулись. Они поняли друг друга без слов. На Земле марсианским лилиям не было нужды вести изнуряющую борьбу за выживание. Воды – сколько угодно, тепла – тоже, вместо красного песка – богатые плодородные почвы. Лилии, выращенные на Земле, были крупнее, выше и сильнее своих марсианских предшественниц. В таких условиях их могущество становилось почти безграничным.

Лилии исправно размножались круглый год. Они росли в каждом саду, возле дорог, забивали фермерские поля, заплотняли собой берега ручьев и речек. Их встречали даже в лесных чащах. Тем временем на Землю рой за роем исправно прибывали металлические жуки – верные слуги и помощники лилий. В глухих уголках планеты появлялись «металлические города».

Чем это может кончиться? Сколько еще марсианские лилии будут выжидать? И какие формы примет их наступление, когда оно начнется? Заполнят ли они собой все пространство, подавив земные растения? Или поступят по-другому, начав подчинять своему господству разум животных, а потом и людей? А может, у них есть еще и другие, более мощные виды оружия?

– Хьюг, – нарушил молчание Скотт, – мы должны предупредить, предостеречь землян.

– Да. Только как?

Братья стояли, взглядываясь в громаду стального здания. Около него копошились какие-то странные фигурки.

Прищурившись, чтобы солнце не било в глаза, Скотт попытался их рассмотреть.

– А это еще кто? – спросил он.

Вопрос брата вывел Хьюга из задумчивости.

– Машины, о которых я тебе говорил. Готовятся отправить очередной корабль на Землю. Последний в этом сезоне. Земля снова отдаляется от Марса.

– Опять семена, – сказал Скотт.

Хьюг кивнул:

– Да, семена. И новые полчища металлических жуков. И хуже всего то, что на Земле даже не догадываются о грозящей опасности. Попробуй заговорить с кем-нибудь о цивилизации разумных растений – тебя либо высмеют, либо объявят сумасшедшим. Человеческий разум не желает допускать подобные мысли. Раз земные растения не обладают разумом, значит это невозможно.

– Мы должны срочно отправить на Землю послание, – решительно заявил Скотт. – Над нашими словами там смеяться не будут. Нужно по всей планете вырывать марсианские лилии с корнем и уничтожить их семена. А что касается...

Скотт умолк на полуслове, глядя туда, где двигались марсианские машины.

– Корабль, – прошептал он. – Надо успеть!

– Что ты задумал? – настороженно спросил Хьюг.

– Можно попытаться отправить наше послание с этим кораблем! Ты знаешь, как на Земле ждут посланий с Марса. Александер, да и другие тоже до сих пор надеются: вдруг вместе с семенами придет что-то еще. Хьюг, это наша единственная возможность передать предостережение на Землю.

– Даже не думай! – замахал руками Хьюг. – Машины и близко не подпустят нас к стартовой площадке. Я однажды попытался. Так они накинулись на меня. Покалечить не покалечили, но оттеснили и весьма красноречиво дали понять: сунешься снова – будет плохо.

– Но у нас есть оружие, – сказал Скотт.

– Не забывай, это машины, а не живые существа, – напомнил ему Хьюг. – Пули от них отскакивают. Даже разрывные пули бессильны.

– Тогда попробуем тяжелые молотки, – предложил Скотт. – Вот и проверим, насколько у них прочный корпус. На корабле наверняка найдется пара таких молотков.

Хьюг понимающе посмотрел на брата:

– Отлично, малыш. Не будем терять время. Пошли!

5

Машины не обратили на них никакого внимания. Диковинные механизмы высотой в половину человеческого роста напоминали пауков. Помимо двигавшихся на шарнирах рук и ног у пауков имелись стальные щупальца, похожие на серебристых змей.

Сверху над машинами висел плотный рой стальных жуков. Вне всякого сомнения, именно они управляли подготовкой корабля к запуску.

– Когда все будет готово, в нашем распоряжении останется не больше трех минут, – сказал брату Хьюг. – За это время нужно успеть поместить наше послание в контейнер. И еще: до самого старта придется как-то сдерживать эту ораву, не подпуская ее к кораблю. Эти твари быстро заподозрят неладное и попытаются оттеснить нас от площадки. Но если мы сумеем продержаться...

– Должно быть, марсиане уже сообщили на Землю об отправке, – перебил его Скотт. – Помнишь, мы всегда узнавали об этом за несколько дней? Может, теперь они не называют место приземления, но док в любом случае будет ждать корабль.

Сжимая в руках тяжелые молотки, братья застыли в напряженном молчании.

Все пространство вокруг стартовой площадки было заполнено стальными пауками, но в их действиях отсутствовал даже намек на хаос. Каждый знал свою работу и выполнял ее с поразительным умением и быстротой. Заканчивались последние приготовления, проверялись все настройки. Рой стальных жуков, неусыпно наблюдающих за происходящим вокруг корабля, вырос до размеров облака.

– Пора начинать, – негромко произнес Хьюг.

Скотт молча кивнул.

– Учти, малыш, тебе придется сдерживать натиск этих тварей, – еще раз напомнил ему брат. – Правильно рассчитай силы. У контейнера две крышки: наружная и внутренняя. Мне нужно будет отвинтить их, вложить послание и завинтить снова. Просто оставить послание на корабле нельзя. Оно сгорит, как только корабль войдет в плотные слои земной атмосферы.

– Действуй, Хьюг. У тебя получится, – стараясь, чтобы голос его звучал бодро, откликнулся Скотт. – Я не подпущу эту мерзость к тебе.

Стальные пауки как по команде откатились от площадки, и вокруг нее образовалось несколько ярдов пустого пространства.

– Вперед! – крикнул Хьюг.

Оба метнулись к пусковой площадке.

Их нападение было полной неожиданностью для марсианских машин. Один из пауков загородил было братьям дорогу, но Скотт ударом своего молотка сплющил ему корпус. Паук, лихорадочно перебирая щупальцами, повалился на песок.

В считанные секунды Хьюг успел вскарабкаться по лестнице и оказался возле корабля.

На Скотта, зловеще размахивая щупальцами, двинулся другой паук. Скотт пригнулся. Щупальце просвистело у него над головой. Тогда землянин выпрямился и, как и в первый раз, ударил молотком по корпусу. Ошеломленный паук (если этим механическим тварям было знакомо подобное чувство) зашатался, попятился назад и упал.

В несколько прыжков Скотт оказался у основания лестницы, по которой взобрался его брат, поднялся на пару ступенек и занял круговую оборону. Паук, рискнувший приблизиться, с глухим лязгом покатился вниз. Его место тут же заняли другие. Их щупальца извивались, стараясь зацепить Скотта и сбросить вниз. Какому-то пауку это почти удалось: Скотт только чудом удержался, когда металлическая змея ударила его по ноге.

Боль прибавила землянину ярости. Тяжелый молоток, совсем не предназначенный для войны с марсианами, крушил стальных пауков. Пространство вокруг площадки заполнялось их помятыми и продавленными телами.

Краешком глаза Скотт видел, что Хьюг уже успел вложить конверт с посланием в контейнер и завернуть внутреннюю крышку. Оставалось лишь поставить на место внешнюю, но та была массивнее и требовала больших усилий.

А времени до старта оставалось совсем мало. Возможно, считанные секунды. А ведь братьям нужно было еще убраться подальше от площадки, иначе пламя двигателей их испепелит.

У Скотта взмокло все тело. Едкий пот заливал глаза, мешая смотреть, щекотал ноздри и стекал вниз. Судя по звукам, доносившимся сверху, брат заворачивал последнюю гайку на внешней крышке контейнера.

Увидев, что к нему подбирается еще один механический паук, Скотт словно забыл, что перед ним всего-навсего машина, размахнулся и в неизъяснимом бешенстве ударил. Молоток пробил металлический корпус и застрял внутри.

Увлечшись расправой, землянин не заметил, как вокруг его ноги обвилось щупальце другого паука. Скотт потерял равновесие и рухнул в гущу копошащихся металлических тел.

Сражение продолжалось. Чувствовалось, что и у пауков прибавилось решимости покончить с землянином. Они напирала на Скотта отовсюду. Он наносил удары, упрямо пробиваясь сквозь стену металлических рук и щупалец.

Передняя, смотровая, часть его шлема была сделана из сверхпрочного материала. При ударе этот материал не крошился, но начинал быстро покрываться густой сетью мелких внутренних трещин, полностью теряя прозрачность.

Теперь Скотту приходилось двигаться ощупью и наносить удары наугад. Но не это было самым страшным: на корабле имелись запасные шлемы. Гораздо хуже, что ему порвали ткань скафандра: чья-то металлическая рука вырвала целый лоскут. Нос и легкие сразу же обожгло едким марсианским воздухом.

Скотт неистово размахивал молотком, испуская дикие крики, похожие на боевой клич индейцев. Он слышал, как падали металлические тела. Над головой по-прежнему надсадно звенели стальные жуки.

Потом все звуки потонули в чудовищном реве, сравнимом разве что с грохотом Ниагарского водопада. Двигатели марсианского корабля! Он улетает на Землю!

– Хьюг! – обезумев от радости, завопил Скотт. – Хьюг, мы сделали это! Мы отправили послание!

Атака металлических пауков разом прекратилась. Скотт едва держался на ногах, обливаясь потом. Все тело болело, но он ликовал.

Они с Хьюгом победили! Они отправили послание! Земля получит предостережение, и марсиане лишатся возможности завоевать соседнюю планету. Все планы, все мечты марсианских лилий (если эти цветы умеют мечтать) теперь обречены на провал.

Скотт отвинтил и швырнул на песок теперь уже бесполезный шлем... Он стоял, окруженный кольцом механических пауков, которые наблюдали за ним в ожидании его дальнейших действий.

– Ну, что же вы испугались?! – крикнул им Скотт. – Вас много, а я один! Неужели струсили?

Кольцо пауков разомкнулось. На песке лежало что-то похожее на обгорелый скомканный мешок. Скотт выронил молоток и чуть не захлебнулся враз подступившими слезами.

– Хьюг!

Песок вокруг брата был опален пламенем двигателей. Спотыкаясь, Скотт подошел ближе.

– Хьюг! – снова позвал он. – Хьюг, очнись!

Бесформенный мешок не шевельнулся. Хьюг Никсон был мертв.

Мутными от слез глазами Скотт оглянулся на марсианские машины. Те, что он повредил, валялись неподвижно. Остальные двигались к зданию, чтобы исчезнуть в его стальных недрах.

– Будьте вы прокляты! – крикнул Скотт, обращаясь не к машинам, а к марсианским лилиям. – Гнусные, бездушные цветы!

Скотт понимал всю нелепость своих обвинений. Растительная цивилизация Марса была начисто лишена каких-либо чувств. Обитатели красной планеты не знали ни любви, ни радости победы, ни горечи поражения. И жажды мести они тоже не знали. Цивилизация марсианских лилий была холодной, механистичной, подчиненной своей, растительной, логике. Марсиане предпринимали только те действия, которые достигали цели. Пока был шанс не допустить людей к кораблю, пока еще можно было отложить полет и извлечь опасное послание, они сопротивлялись. Но корабль все-таки взлетел, и его невозможно вернуть назад. Ситуация осталась в прошлом, и о ней следовало забыть.

Скотт бросил взгляд на тело брата... Гарри Декер, Джимми Болдуин, а теперь и Хьюг Никсон. Трое землян, достигших Марса и нашедших здесь свой конец. Вряд ли он, Скотт Никсон, надолго переживет своих соплеменников. Человек не может дышать марсианским воздухом.

Скотту вспомнились слова Хьюга, сказанные в день их встречи: «Несколько часов ты им сможешь дышать. Но это будут твои последние часы».

Скотт оглянулся по сторонам. Нескончаемые пески марсианской пустыни с ярко-красными пятнами лилий, все так же подрагивающих на ветру. Все те же стальные жуки, поблескивающие под неярким солнцем. И стальное здание без окон и дверей.

Дышать становилось все труднее. Чувствуя, как у него царапает в горле и жжет в легких, Скотт наклонился, поднял обгоревшее тело брата и понес туда, где белели кресты.

– Надо успеть сделать ему крест, – прошептал он.

Высоко над головой, в космической дали, светилась голубая планета.

Вы проиграли, марсиане! Земля не станет рабыней вашей бездушной, вымирающей цивилизации!

НОВЫЙ ВИД СВЯЗИ

1

Эйнштейн не пришел. Это было необычно. Эйнштейн очень редко опаздывал или отсутствовал. Обычно он ждал, когда можно будет приступить к обучению, которое продолжалось уже в течение месяца. Джей Мартин предпринял новую попытку.

– Эйнштейн. Эйнштейн. Ты здесь?

Но Эйнштейна не было.

Консоль перед Мартином гудела, мерцали сенсоры. В отсеке царил тишина – технологическая пустота, изолированная от внешнего мира. Мартин протянул руку и поправил шлем.

– Эйнштейн. Эйнштейн. Где вы?

Первые ростки паники проклюнулись в сознании Мартина. Быть может, Эйнштейн решил отказаться от работы, посчитав ее бесполезной? И он (или она, оно, они?) просто ускользнул прочь, бросил его, окончательно потеряв надежду чему-то научить такого тупого и невежественного ученика, как он?

Что-то переместилось, в далекой пустоте раздался тихий свист. Странно, подумал Мартин, оно всегда появляется именно так – неприятное ощущение далекой пустоты. Ведь на самом деле не было ни расстояния, ни пустоты. Несущие волны защищены от любых ограничений электромагнитного спектра. Мгновенное действие, никакого отставания по времени, словно пространства, материи и времени попросту не существует.

– Эйнштейн? – спросил он, убежденный, что это не Эйнштейн.

Он не ощущал присутствия Эйнштейна, хотя и не сумел бы объяснить, как он его распознавал.

Вновь раздался тихий свист.

– Да, – сказал Мартин, – я здесь. Кто ты?

И голос (мысль? пульс? разум?) заговорил:

– Критическая точка, – сказал голос.

– Не понял. Критическая точка чего?

– Вселенной. Вселенная достигла критической точки. Наступила всеобщая смерть. Вселенная добралась до самой далекой точки. Теперь она заканчивается. Энтропия достигнута.

– Вы говорите странные вещи, – сказал Мартин.

– Вселенная всегда стремится к энтропии.

– Только не здесь, – возразил Мартин. – Здесь нет энтропии. Звезды все еще горят.

– У края. На внешней границе. Край вселенной достиг точки энтропии. Смерти тепла. Энергии нет. Начинается обратное падение. Она отступает.

Даль посвистывала. Пустота причитала.

– Вы на краю?

– Рядом с границей. Вот откуда мы знаем. Наши измерения...

Даль взвыла, заглушив последние слова.

– Как долго? – спросил Мартин. – Сколько осталось до конца?

– Столько, сколько прошло от начала времен. Наши подсчеты...

– Пятнадцать миллиардов лет, – сказал Мартин.

– Нам непонятны ваши единицы измерения.

– Не важно, – сказал Мартин. – Не имеет значения. Мне не следовало произносить эти слова.

– Какая досада! Какая ирония!

– Досада? И при чем здесь ирония?

– Мы так долго пытались. Все так долго пытались. Понять вселенную, а теперь у нас нет времени.

– У нас полно времени. Еще пятнадцать миллиардов лет.

– Возможно, у вас они есть. А у нас – нет. Мы слишком близко к краю. Мы попали в зону смерти.

Мольба о помощи, подумал Мартин. Жалость к себе. Он был потрясен: раньше они никогда не просили о помощи.

Собеседник Мартина перехватил его мысль.

– Нет, мы не просим помощи. О ней не может быть и речи. Это предупреждение.

Затем мысль исчезла. Даль и пустота несколько мгновений посвистывали, а потом наступила тишина.

Мартин, сгорбившись, сидел в отсеке, на его плечи навалились гигантские расстояния и пустота.

2

День для Пола Томаса начался неудачно.

Пронзительно заверещал сигнал связи.

– Слушаю, – сказал он.

Голос его секретарши произнес:

– Мистер Рассел хочет с вами поговорить.

Томас состроил гримасу.

– Пусть войдет.

Рассел – чопорный и педантичный – вошел в кабинет и уселся на стул, стоявший напротив письменного стола Томаса.

– Что я могу сегодня сделать для отдела исследований и разработки? – спросил Томас, опуская вежливые банальности.

Рассела они никогда не интересовали.

– Гораздо больше, чем вы делаете сейчас, – ответил Рассел. – Проклятье, Пол, мне известно, что вы по уши зарылись в информацию. Она копится и копится. Но мы ничего от вас не получаем вот уже шесть месяцев. Конечно, мне известны правила, но не слишком ли строго вы их придерживаетесь?

– Что вас интересует?

– Во-первых, проблемы перемещений со скоростями, превышающими скорость света. Мне известно, что Мартин...

– Мартин продолжает над этим работать.

– Но у него уже должно что-то быть. Ведь он не только превосходный телепат, но и первоклассный астрофизик.

– Это правда, – не стал возражать Томас. – Нам редко удается заполучить таких людей, как он. Чаще всего попадают парни с фермы или девушки, работающие в универсальных магазинах. Мы курируем несколько специальных программно...

– Только не надо уводить разговор в сторону, Пол. Мои люди с нетерпением ждут возможности начать работу над БСС⁶. Мы знаем, что у вас кое-что есть.

– Самое смешное, что тут вы ошибаетесь.

– Мартин уже несколько месяцев этим занимается.

– Да, занимается. И ничего не понимает. И мы оба начинаем думать, что он неподходящий человек для решения подобных задач.

– Неподходящий человек? Астрофизик?

– Бен, возможно, дело вовсе не в физике.

– Но он вывел уравнения.

– Уравнения – да. Но они не имеют смысла. Вопреки распространенному мнению сами по себе уравнения не обладают магией. В них должен присутствовать смысл, а в этих нет ни малейшего. Джей думает, что они не имеют отношения к физике.

– Не имеют отношения к физике? А к чему же тогда?

– Вот в этом-то и состоит наша главная проблема, Бен. Мы с вами уже множество раз говорили об этом. Однако вы не хотите понимать. Или отказываетесь. Или слишком упрямы, чтобы позволить себе понять. Мы имеем дело не с людьми. Я это сознаю, и наши сотрудники – тоже. А вы не желаете меня услышать. Вы принимаете народ, живущий среди звезд, за необычных людей. Я не знаю, никто не знает, кто они такие на самом деле. Известно лишь, что их нельзя назвать людьми, даже *необычными*.

⁶ Больше скорости света.

Мы прикладываем огромные усилия, пытаюсь разобраться в проблеме. И вовсе не из-за неумного любопытства, а потому, что тогда нам будет легче с ними работать. Но пока у нас нет ни малейшего представления. Вы меня слышите? Ни малейшего представления! Хал Роллинс говорит с кем-то – он полагает, что с роботом, необычным, конечно, но и тут полной уверенности у него нет. Никто ни в чем не может быть уверен.

К тому же в этом нет особой необходимости.

Они принимают нас, мы принимаем их. Мы проявляем терпение, и они относятся к нам терпимо. Возможно, даже в большей степени, чем мы, поскольку знают, что мы впервые используем новый вид связи. Наш образ мыслей не имеет ничего общего с их мышлением, но мы пытаемся понять друг друга. Никто из них не думает так, как мы, никому из нас не удастся думать так, как они. Мы столкнулись с незнакомым нам видом разумной жизни, а у них аналогичные представления о нас – и это единственное, что можно утверждать с уверенностью. Но мы – все мы – принадлежим к братству разумных существ и изо всех сил стремимся к взаимопониманию: беседуем, сплетничаем, учим, учимся, обмениваемся информацией и идеями.

– Вечно вы потчуете меня каким-то вздором, – сердито проворчал Рассел. – Мне плевать на ваши философствования. Я хочу получить информацию и начать работать. Мы с вами заключили соглашение: в случае появления какой-либо обнадеживающей информации вы немедленно передаете ее нам.

– Однако окончательное решение принимаю я, – прервал его Томас. – Иначе и быть не может. В полученных нами сведениях есть некоторые сложности...

– Сложности, черт вас побери?!

– А что вы делаете с тем, что мы вам уже передали? Мы рассказали вам об искусственных молекулах. И чего вам удалось добиться?

– Мы над этим работаем.

– Значит, работайте упорнее. Прекратите жаловаться и добейтесь результатов. Мы оба знаем, как это важно. При помощи новых идей мы сможем переделывать любые материалы, создавать любые структуры. Мы построим такой мир, какой только пожелаем, и обеспечим его всем необходимым: пищей, металлами, тканями...

– Разработка таких глобальных открытий требует времени, – начал оправдываться Рассел. – Не нужно кипятиться.

– Мы дали вам информацию о замене клеток. Инструмент, необходимый для победы над болезнями и старостью. Если довести эти идеи до конца, мир станет бессмертным – если, конечно, мы захотим жить в таком мире и почувствуем в себе силы его контролировать. И что вы сделали в этом направлении?

– Мы продолжаем работать. Но требуется время.

– Мэри-Кей нашла то, что может стать идеальной религией. Она даже думает, что сумела обнаружить Бога. Иногда ей кажется, что она говорит с Богом. Что вы скажете по этому поводу?

– Оставьте Бога себе. Мы хотим БСС.

– Вы не получите БСС до тех пор, пока мы не будем знать больше. Как вы правильно сказали, у нас накопился колоссальный объем информации...

– Отдайте ее мне. Пусть мои ребята над ней поработают.

– Нет. Мы должны получить более четкое представление о БСС. По правде говоря, Бен, то, что мы уже знаем, несколько пугает...

– В каком смысле?

– Во всем этом есть нечто неправильное. Что-то здесь не так. Вы должны нам верить.

– Послушайте, Пол. Мы долетели до Центавра. Доползли до него. Ушли годы, чтобы туда добраться. И годы на возвращение. Но нам ничего не удалось там найти. Проклятье, ничего! С тем же успехом мы могли бы сидеть дома. Неудача поставила крест на межзвездных путешествиях. Народ не позволит повторить эксперимент. Срочно необходимо достичь успеха с

БСС – в противном случае нам не видать звезд, как своих ушей. А теперь мы знаем, что БСС существует. Но вы не хотите поделиться с нами.

– Как только мы получим хоть что-нибудь определенное, сразу же передадим вам все данные.

– А почему бы не позволить нам взглянуть на то, что у вас есть? Если данные и в самом деле не поддаются пониманию, мы вам их вернем.

Томас покачал головой:

– Ни в коем случае.

3

Слов не было, хотя и возникало ощущение произнесенных слов. Не было и музыки, но возникало ощущение музыки. Не было пейзажа, но накатывало ощущение стройных деревьев, грациозно раскачивающихся на ветру, аккуратных лужаек, окружающих величественные здания, журчащего ручейка, блистающего в лучах невидимого солнца, озера, покрытого белыми барашками бегущих волн. Никакой реальности, но глубокая вера, что расколота реальность таится где-то рядом, за углом, готовая вырваться наружу.

Мэри-Кей погрузилась в эту реальность, позволив ей окутать тело. «На этот раз, – подумала она, – вот сейчас, пожалуйста, Господи, пусть там будет то, что я сумею понять». Но, очутившись внутри, Мэри уже не жаждала найти там что-либо стоящее. Достаточно было и этого. Нет смысла чего-то желать, к чему-то стремиться. Душа наполнилась до самого края, а разум исчез.

На миг появилась одинокая человеческая мысль: «Настанет день – и я это получу, настанет день – и появится информация. Настанет день – и я узнаю крупицу правды».

А потом мысль исчезла. Нет никакой нужды знать. Важно лишь существовать – и ничего более.

Она перестала быть человеком. Она вообще перестала быть кем-либо или чем-либо – и просто существовала, лишившись всего, кроме внутреннего ядра сознания. У нее больше не было тела и разума. Интеллект улавливал только удивление и ошеломляющее счастье, невинную чувственность, бессмысленную радость существования и опьянение от самого факта пребывания здесь. Где бы это место ни находилось. Ее даже не волновало, где оно. Ей было все равно.

Долг и воля слабо сопротивлялись беспечности.

– Но почему? – воскликнула она. – Почему вы мне лишь показываете? Почему ничего не объясняете? Я разумна. Я хочу знать. Я имею право знать.

– Ш-ш-ш.

Шорох, колыбельная. Сопереживание. Нежность.

А потом святость.

И она полностью погрузилась в святость.

4

«Они смотрят на меня», – подумал Томас. В этом и заключалось его проклятие: они смотрят на него и ждут руководства и утешения, а ему нечего им сказать. Они находились там, на линии огня, а он оставался здесь, в безопасности, и ему было необходимо хоть что-то им предложить. Но сколько Томас ни пытался, он понимал, что у него ничего нет. И каждый из них остро чувствовал окружающую реальность – ведь в противном случае они не были бы телепатами.

Требуется мужество, подумал он, необычайное мужество, чтобы погрузить свое сознание в безбрежный космос – туда, где время и пространство сжаты или вовсе перестали существовать. Даже зная об этом, понимая, что пространство-время отброшено в сторону, необходимо всегда ощущать его присутствие, и рядом всегда будет таиться страх, что твое существо может быть в любое мгновение похищено и навеки затеряется в самых темных потоках.

А еще нужно обладать особой смелостью, чтобы встретиться с другим разумом, который может находиться всего в нескольких световых годах или в миллионах световых лет от тебя, и с враждебностью, невероятно преумноженной этими световыми годами. Но труднее всего понять, что ты здесь лишь посторонний, новичок, жалкий провинциал, нижний конец тотемного столба. И противостоять желанию скрыться и принести извинения даже в тех случаях, когда на то нет никаких причин. Ты точно ребенок, попавший из детского сада в школу, где старшие ученики возвышаются над тобой подобно богам.

Томас встал из-за письменного стола и подошел к окну. Снаружи расстилалась пустыня, отчужденная и равнодушная, вздыбленные ветром кучи песка, враждебные голые скалы. «Неужели нельзя было выбрать более подходящее место для нашего института? – подумал он. – Среди зеленых лужаек и деревьев, где журчат ручьи, и можно гулять по лесным тропинкам». Но для административного разума пустыня казалась оптимальным выбором. Огромные расстояния и открытые пространства служили защитой от любопытных, которые в противном случае толпами бродили бы вокруг и мешали работе. Нет, их проект не был секретным, но о нем мало рассказывали общественности, надеясь, что со временем интерес публики упадет и в конце концов наступит момент, когда все о нем забудут.

Жуткое дело – слишком жуткое, чтобы сообщать подробности. Попытки читать далекие разумы вселенной всегда вызывали дрожь и трепет. Люди не смогут спокойно спать, зная о том, что здесь происходит.

«Что же случилось с людьми? – спросил себя Томас. – Неужели они не понимают, что этот проект – главная надежда человечества? В течение тысяч лет оно одиноко продвигалось вперед, нянчилось с предрассудками, совершало и умножало ошибки, вместо того чтобы их исправить, творило несправедливости... Необходимы новая кровь, новое мышление – и позавидовать их можно только у других культур, живущих среди звезд. В процессе взаимного обогащения блуждающее во тьме человечество обрело бы наконец новые цели».

Коробочка на его столе зачирикала. Томас отошел от окна и нажал на кнопку.

– В чем дело, Эвелин?

– Вам звонит сенатор Браун.

– Благодарю.

Сейчас ему совсем не хотелось беседовать с сенатором.

Он уселся к креслу и включил панель визора. На экране появилось продолговатое лицо сенатора – аскетичное, морщинистое и напряженное.

– Сенатор, – приветствовал его Томас, – как мило, что вы позвонили.

– Мне захотелось поболтать с вами, – сказал сенатор. – Мы так давно не имели такой возможности.

– Да, вы правы.

– Как вам, вероятно, известно, – продолжал сенатор, – бюджет вашего проекта будет обсуждаться через несколько недель. Однако я не в силах получить хоть что-нибудь от этих болванов, которые руководят вами из Вашингтона. Они говорят о знаниях как о самом ценном товаре. Они утверждают, что их рыночную стоимость оценить невозможно. И я хотел бы узнать, согласны ли вы с ними.

– Пожалуй, да, – ответил Томас. – Но подобные заявления, на мой взгляд, носят слишком общий характер. Существуют многочисленные побочные источники дохода. Полагаю, они рассказали вам о них.

– Конечно, – кивнул сенатор. – Они с особым удовольствием распространялись на эту тему.

– Тогда чего же вы хотите от меня?

– Реализма. Всего лишь старомодного реального подхода. Трезвой оценки.

– Я слишком тесно связан с процессом. Мне трудно относиться к нему объективно.

– Тем не менее постарайтесь. Это не для протокола – только между нами. Если потребуется, мы вас вызовем для дачи показаний. А сейчас скажите, насколько велики шансы путешествовать в будущем со скоростями БСС?

– Мы над этим работаем, сенатор. Однако у меня создается впечатление, что предстоит проделать еще очень долгий путь. Полагаем, что дело тут не в физических процессах.

– А в чем?

– Пока мы толком ничего не знаем, могу лишь сказать, что речь идет о вещах совершенно для нас новых. Сам процесс, техника, а возможно, и состояние ума выходят за рамки человеческого опыта.

– Ну, это, знаете ли, чересчур запутанное объяснение. По-моему, вы мне голову морочите.

– Вовсе нет, сенатор. Просто я вынужден признать ограниченность возможностей человеческой расы. Разумно предположить, что одна раса на одной планете не способна постичь всю вселенную.

– У вас есть какие-то факты, подтверждающие эти гипотезы?

– Да, сенатор, у нас есть такие факты. В течение последних нескольких месяцев один из наших операторов пытается объяснить существу, с которым он контактирует, принципы нашей экономической системы. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Даже самые элементарные понятия – такие, как купля и продажа, предложение и спрос, – очень трудно объяснить. Эти ребята – кем бы они ни были – не имеют ни малейшего представления о существовании экономики нашего типа, а если быть совсем точным, они вообще не понимают, что такое экономика. Более того, некоторые наши идеи кажутся им абсолютно невероятными и повергают их в ужас.

– Тогда зачем их излагать?

– Затем, что они спрашивают. Возможно, то, о чем мы рассказываем, не только пугает их, но и завораживает. Пока они проявляют интерес, мы будем с ними работать.

– Насколько я знаю, запуская проект, мы никому не собирались помогать.

– Но это улица с двусторонним движением, – возразил Томас. – Они помогают нам – мы помогаем им. Они учат нас – мы учим их. Идет свободный обмен информацией. Мы вовсе не альтруисты. Наш расчет состоит в том, чтобы в процессе объяснения этим существам принципов нашей экономики узнать кое-что и от них.

– Например?

– Например, пути модификации нашей экономической системы в лучшую сторону.

– Томас, на создание нашей экономической системы мы потратили пять или шесть тысяч лет.

– Из чего вовсе не следует, сенатор, что она совершенна. В процессе ее формирования допущено немало ошибок.

Сенатор фыркнул:

– Иными словами, речь опять идет о долговременном проекте?

– Наша работа по большей части рассчитана на значительное время. Почти все, что удастся получить, трудно использовать сразу же.

– Мне это не нравится, – проворчал сенатор. – То, что я сейчас услышал, меня абсолютно не устраивает. Я просил вас рассказать о конкретных вещах.

– А я и говорю о конкретных вещах. И могу весь день рассказывать вам о них.

– Вы занимаетесь этим бизнесом уже двадцать пять лет?

– Для такой работы двадцать пять лет совсем небольшой срок.

– Вы утверждаете, что вам не удастся получить БСС, но при этом тратите время на обучение экономике всяких болванов, которые даже не понимают, о чем вы говорите.

– Мы делаем все, что в наших силах, – сказал Томас.

– Но этого недостаточно, – возразил сенатор. – Налогоплательщикам надоело финансировать ваш проект. Они с самого начала не выражали особого восторга по поводу его открытия: боялись возможных последствий. Вы можете сделать ошибку и выдать инопланетянам наше местонахождение.

– Никто не спрашивал нас о том, где мы находимся.

– Но у них могут быть свои способы выяснить это.

– Сенатор, вы извлекли на свет древнее пугало, о котором уже давно следовало бы забыть.

Никто не собирается на нас нападать. Никто не намерен захватить Землю. В целом речь идет о разумных и, полагаю, благородных существах. Но даже если я ошибаюсь, то, что есть у нас, не стоит их усилий и времени. Речь идет только об информации. Мы хотим получить сведения от них, а они стремятся узнать что-то новое от нас. Информация дороже любого другого товара.

– Мы вернулись к исходной точке.

– Черт побери, сенатор, но суть именно в этом.

– Надеюсь, вы не станете жертвой жуликов.

– Ну, придется рискнуть, однако я очень сомневаюсь в вероятности такого варианта. Как у руководителя этой части проекта, у меня есть возможность...

Сенатор не дал ему договорить:

– Продолжим наш разговор в другой раз.

– В любое время, – ответил Томас, стараясь сохранить вежливый тон. – Буду ждать с нетерпением.

5

Они, по обыкновению, собрались в гостиной, чтобы выпить перед обедом.

Джей Мартин рассказывал о том, что произошло за день.

– Это меня потрясло, – говорил он. – Послышался голос, и доносился он издали...

– А как ты определил, что голос доносился издали? – перебил его Томас. – Ну, пока они тебе сами не рассказали?

– Я знал, – ответил Мартин. – Я всегда чувствую. Расстояние имеет определенный запах.

Он быстро наклонился вперед и, едва успев вытащить носовой платок, оглушительно чихнул. Потом снова выпрямился и вытер слезящиеся глаза.

– У тебя опять аллергия, – заметила Мэри-Кей.

– Прошу прощения. Проклятье, откуда в пустыне пыльца? Здесь только полынь и кактусы.

– Возможно, это не пыльца, – предположила Мэри-Кей, – а плесень или перхоть. У кого-нибудь есть перхоть?

– Аллергии на человеческую перхоть не бывает. Только на кошачью, – заявила Дженни Шерман.

– У нас нет кошек, – напомнила Мэри-Кей. – Значит, и кошачьей перхоти быть не может. А ты уверена насчет человеческой перхоти, Дженни?

– Уверена, – кивнула Дженни. – Я где-то читала.

– Ты когда-нибудь обращался к врачу? – спросил Томас.

Мартин покачал головой и вновь приложил платок к глазам.

– А следовало бы, – сказал Томас. – Ты должен сделать тесты на аллергию. Серию тестов, которые позволят выявить ее причину.

– Лучше расскажи нам о том парне, который предупредил нас о наступлении конца света, – попросил Ричард Гарнер.

– Нет, речь шла не о конце света, – уточнил Мартин. – А о гибели вселенной. Такое впечатление, что они сами только что об этом узнали и он спешил нас предупредить. Как цыпленок из сказки, который кричал, что небо падает. Мы поговорили с минуту, а потом он исчез. Наверное, отправился предупредить других. Старался добраться до всех. И он был взволнован. Словно времени осталось совсем мало.

– Возможно, он пошутил, – предположила Дженни.

– Не думаю. Это совсем не походило на шутку. Мне кажется, они никогда не шутят. Во всяком случае, мне ни разу не доводилось слышать, чтобы они шутили. Возможно, лишь мы наделены чувством юмора. А кто-нибудь из вас может вспомнить, чтобы кто-то из них пошутил?

Все покачали головами.

– И вам весело! – воскликнула Мэри-Кей. – А мне вот совсем не смешно. Разумные существа находятся где-то на границе, в течение долгого времени пытаюсь понять вселенную, и тут появляется кто-то и сообщает, что вселенная вот-вот умрет, а те, кто находятся у края, исчезнут первыми. Может быть, они были близки к разгадке. Может быть, им оставалось всего несколько лет, а теперь у них совсем нет времени.

– Но разве такое возможно? – спросил Хал Ролинс. – Джей, ты же физик. Ты должен знать.

– У меня нет уверенности, Хал. Мы слишком мало знаем о строении вселенной. Могут существовать некие условия, о которых нам ничего не известно. Энтропия обладает свойством распространения, так что общая энергия термодинамической системы распределяется настолько равномерно, что не остается свободной энергии для производства работы. Конечно,

здесь такие условия не имеют места. А на краю вселенной – кто знает? Энергия и материя там должны быть очень древними. Или нет? Господи, я не знаю. Я говорю о том, о чем никто не имеет понятия.

– Но ведь тебе в конце концов удалось связаться с Эйнштейном, – напомнил Томас.

– Да, но не сразу – он появился позже.

– Что-нибудь еще?

– Нет, больше ничего не меняется. Проходит некоторое время, и мы оба устаем. И начинаем говорить о чем-нибудь другом.

– И как часто это случается?

– Довольно часто. Сегодня мы говорили о домах. Во всяком случае, мне так показалось. Насколько я понял, они живут в неких подобиях пузырей. Мне отчего-то вдруг представилась огромная паутина... Как вы думаете, Эйнштейн может оказаться пауком?

– Все возможно, – ответил Томас.

– Одного я никак не могу понять, – заявил Мартин. – Почему Эйнштейн продолжает входить в контакт именно со мной? Он изо всех сил пытается объяснить принципы БСС, а я из кожи вон лезу, стараясь их постичь, но у меня ничего не получается. Клянусь, за все это время мне не удалось продвинуться ни на шаг. Но он не сдается. И я теряюсь в догадках: зачем ему это?

– У меня иногда возникает странное чувство, – сказал Гарнер, – что с нами говорят вовсе не разные люди. Да, каждый из них – индивид, но все принадлежат к одной культуре, к одному обществу.

– Не могу с тобой согласиться, – возразила Дженни Шерман. – Мой собеседник – личность. Настоящая индивидуальность. И он очень заметно отличается от всех тех, с кем общаетесь вы. Мой собеседник поглощен мыслями о смерти...

– Какая скорбная тема, – перебил ее Роллинс. – Однако ты уже рассказывала нам о нем. Все время говорить о смерти...

– Да, сначала на меня это производило гнетущее впечатление, – призналась Дженни, – но теперь все изменилось. Он построил на смерти целую философию. И иногда смерть даже кажется прекрасной.

– Упадническая раса, – заметил Гарнер.

– Во все нет. Поначалу я тоже так думала, – сказала Дженни. – А потом изменила свою точку зрения. Он говорит о смерти с искренней радостью, он полон счастья.

– Смерть, Дженни, не может приносить радость или счастье, – обернулся к ней Томас. – Мы с тобой говорили на эту тему. Быть может, тебе следует положить конец вашим беседам. И выбрать кого-нибудь другого.

– Я так и сделаю, если ты будешь настаивать, Пол. Но у меня такое чувство, что из этого может что-нибудь выйти. Новое понимание, философия, какие-то новые подходы. Ты ведь не просматривал полученную информацию?

Томас покачал головой.

– Я не могу ничего объяснить, – вздохнула она. – Но в глубине души абсолютно уверена.

– На данном этапе мне этого достаточно, – не стал спорить Томас.

– Меня смущает то же, что и Джея, – вмешался Роллинс. – Что они получают от общения с нами? Почему не прерывают контакты? Мы ведь ничего им не даем.

– Сейчас в тебе говорит чувство вины, – ответил Томас. – Возможно, мы все испытываем нечто похожее. Но нам следует избавиться от этого чувства. Стереть его из сознания. Нас преследует мысль, что мы новички в огромном чужом мире и пока находимся в самом начале пути, что мы только берем, ничего не давая взамен. Однако это не совсем так. Дик уже несколько недель пытается объяснить им, как устроена наша экономика.

Гарнер состроил гримасу.

– Я лишь пытаюсь – и не более того. Стараюсь найти основу для общего подхода. Опираюсь простейшими понятиями. Каждое формулирую медленно, не торопясь. Печатаю заглавными буквами. Но они ничего не понимают. Словно сама идея экономики представляется им чуждой. Создается впечатление, что я рассказываю им о чем-то тошнотворном. Но как может развиваться цивилизация, лишённая экономической системы? Я не в состоянии себе такое представить. У нас экономика, что называется, в крови. Без экономической системы мы ничто. Ее разрушение немедленно породит хаос.

– Может быть, у них и царит хаос, – сказал Роллинс. – Возможно, хаос для них форма жизни. Никаких правил, никаких законов. Впрочем, вряд ли. Нет, такое положение выше нашего понимания, оно представляется нам таким же невозможным, как им наша экономика.

– У всех нас есть области, в которых мы слабо разбираемся, – заметил Томас. – И сейчас мы начинаем это понимать.

– Нам стало бы намного легче, сумей мы помочь хоть кому-то из них, – заявил Мартин. – Мы бы почувствовали, что исполнили свой долг, стали равноправными членами сообщества.

– Но мы совсем недавно в него вошли, – напомнил Томас. – Такое время обязательно придет. А как у тебя дела с роботом, Хал?

– Будь я проклят, если знаю, – ответил Роллинс. – Я ничего не могу от него добиться. Ничего не понимаю. Он робот – или какая-то компьютерная система – в этом я совершенно уверен. Так или иначе, но он непрерывно говорит. Он выдает потоки информации, большая часть которой тривиальна, и она течет безостановочно. Он никогда ни на чем не задерживается подолгу. Начинает о чем-то рассказывать, а потом вдруг перескакивает на другую тему, никак не связанную с предыдущей. Такое впечатление, что его базы данных переполнены и он пытается избавиться от всего лишнего. Как только мне удастся выявить нечто интересное, я пробую вмешаться, задать уточняющие вопросы.

По большей части ничего у меня не получается, но удача все же изредка улыбается. Однако в таких случаях он проявляет нетерпение. Быстро прекращает дискуссию и возвращается к монологу. Бывают моменты, когда возникает ощущение, что он говорит не только со мной, но и с множеством других людей. У меня даже появилась мысль, что для бесед со мной он использует какую-то одну из линий, а по другим продолжает говорить с остальными.

Томас поставил пустой стакан на стол и поднялся на ноги.

– Пора перейти в обеденный зал, – сказал он.

6

Роберт Аллен, психиатр проекта, грел в ладонях бокал с бренди.

– Вы передали, что хотите со мной поговорить, Пол. Появились какие-то новости?

– Нет, пожалуй, – ответил Томас. – Во всяком случае, я не могу сказать ничего конкретного. Возможно, виной всему неудачный день, вот и все. Бен Рассел давит на меня, заявляет, что мы скрываем от него важные сведения.

– Он постоянно твердит об этом.

– Да, знаю. Наверное, на него тоже давят. А он, в свою очередь, предъявляет претензии мне. Механизм обратной связи. Защитная реакция. Он недоволен тем, что мы не передаем ему данные по БСС.

– А у нас есть что передать?

– Кое-что есть. Несколько уравнений, лишенных смысла. Я не представляю, как Джей все это выдерживает. У него опять началась аллергия.

– Напряжение, – ответил Аллен. – Разочарование. Вот возможные причины аллергии.

– А позже позвонил Браун, – продолжал Томас.

– Сенатор?

– Сенатор. Опять из-за БСС. Он атаковал меня со всех сторон. Опять встает вопрос о бюджете.

– Путешествия со скоростями, превышающими скорость света... Да, администраторы понимают толк в такого рода вещах, – сказал Аллен. – Техническое обеспечение...

– Боб, я не уверен, что речь идет о технике. Вполне возможно, что это нечто другое. Не забывайте: Джей – астрофизик. И будь проблема чисто физической или физико-технической, он бы их понял.

– Может быть, физика физике рознь?

– Я так не думаю. Основные законы физики не могут различаться. Они остаются постоянными для всей вселенной.

– Вы в этом уверены?

– Полной уверенности у меня нет. Но логика отрицает...

– Пол, вы слишком болезненно все воспринимаете. На вашем месте я не стал бы обращать внимание на шум вокруг БСС. Подобные вещи периодически возникают, а потом о них забывают.

– Я не могу закрыть на это глаза, – покачал головой Томас. – Во всяком случае, сейчас. Браун полон решимости до нас добраться. Он теряет рычаги управления, и ему необходима новая точка опоры. Ее нужно найти. Давайте посмотрим на происходящее с иной стороны. Мы здесь находимся уже двадцать пять лет, тратим деньги налогоплательщиков, которые можно использовать на другие нужды. Общественность выступает против такого подхода. Люди настроены против нас, у них давно формируется уверенность, что им навязывают нечто такое, в чем они вовсе не нуждаются. Они никогда нас не поддерживали. Мы не только дорого стоим, но и являемся источником опасности. Что будет, если наше местонахождение будет установлено и какие-нибудь варварские кровожадные чудовища нападут на обитателей планеты? А вдруг мы найдем нечто такое, что перевернет все с ног на голову и кардинально изменит привычные концепции?

– Вы хотите сказать, что он готов покончить с проектом только ради победы на выборах?

– Боб, вы не знаете политиков. Я уверен, что Браун готов на это пойти. Даже если бы верил в нас. А у меня возникло ощущение, что он не верит в успех дела, которым мы занимаемся. Если он уничтожит проект, то станет настоящим героем. Нам необходимо что-то сделать,

продемонстрировать какие-то серьезные результаты... В противном случае он с нами покончит.

– Но у нас есть и сторонники, – возразил Аллен. – За нами стоят крупные политические фигуры, которые твердо высказались за продолжение исследований. Хорошие и разумные люди.

– Хорошие и разумные люди обычно не имеют шансов в борьбе с демагогами. Есть только один способ победить Брауна: сделать так, чтобы ему стало выгодно нас поддерживать.

– Чем я могу помочь, Пол?

– Честно говоря, сам не знаю. Психиатр в качестве политического советника? Нет, пожалуй, нет. Наверное, мне просто хотелось поделиться с вами возникшими проблемами.

– Пол, вы не стали бы меня вызывать ради разговора о БСС. Это административный вопрос. Вы в состоянии справиться с ним и без меня. Да и помощь в борьбе с политиками вам не нужна. Вы прекрасно знаете, что в этой сфере я как ребенок. Тут что-то другое.

Томас нахмурился.

– Это трудно сформулировать... Меня что-то тревожит. Но что конкретно – сказать не могу. Нечто расплывчатое... Сегодня Дженни... Вы знаете Дженни?

– Да, маленькая угонщица автомобилей, которую мы нашли несколько лет назад. Симпатичная девушка. И умная.

– Сегодня Дженни, рассказывая о своих контактерах, вновь упомянула о том, что они постоянно говорят о смерти. Пару раз она уже беседовала со мной на эту тему. У нее было ужасное настроение. Она боялась. В конце концов, смерть – скверная штука. Она просила разрешения сменить контактеров, попытаться найти кого-нибудь другого. Но я посоветовал ей поработать с ними еще некоторое время. Ведь никогда не знаешь, что может произойти.

А сегодня, когда я предложил ей прекратить наконец все контакты с ними, она воспротивилась такому решению и заявила, что нужно побыть с ними еще немного. Дженни считает, что из этого общения может получиться новая интересная философия. Мне кажется, она чего-то недоговаривает.

– Вполне вероятно, что они беседуют не только о смерти, – предположил Аллен. – Возможно, речь идет о том, что происходит после, – если, конечно, после смерти нас вообще что-то ждет.

Томас с удивлением посмотрел на психиатра.

– У меня возникла такая же мысль, но с одной оговоркой. Если после смерти ничего не происходит, то ее депрессия должна была усилиться. Полагаю, изменение настроения Дженни в лучшую сторону объясняется только одним: ее контактеры верят, что после смерти что-то есть. Возможно, у них даже имеются доказательства. Нет, речь не о вере и религиозных убеждениях: Дженни реалистка и не поддается иллюзиям. Ее не соблазнить тривиальными рассуждениями. За этим стоит нечто большее.

– Вы можете запросить информацию и изучить ее.

– Нет, не могу. Пока нет. Она узнает. Тем самым я суну нос в ее личный проект. Мои операторы очень ревностно относятся к собственным банкам информации. Необходимо дать ей время. Она сама скажет, когда появятся результаты и будет что показать.

– Мы должны постоянно иметь в виду, – сказал Аллен, – что от чужаков к нам приходят не просто слова и идеи. Они передают и нечто другое – то, что операторы ощущают, формулируют и сохраняют в виде информации: страхи, надежды, ощущения, остаточные воспоминания, философские положения, моральные оценки, потребности, горести...

– Да, вы правы, – согласился Томас, – эти чувства не попадают в наши банки данных. Имей мы их в своем распоряжении, в каком-то смысле нам было бы легче, но в то же время это усложнило бы работу.

– Пол, я знаю, что человек, оказавшийся в вашем положении, зачастую теряет душевный покой и даже ставит под сомнение целесообразность проекта. Но вам следует помнить, что проект продолжается лишь немногим больше двадцати лет. И за такой короткий промежуток времени мы добились многого.

– На самом деле проект, – возразил Томас, – начался сто лет назад. Когда один старый джентльмен вообразил, что он беседует со звездами. Как его звали? Вы помните?

– Джордж Уайт. Последние годы его жизни, вероятно, превратились в сплошной кошмар. Правительство без устали подвергало его всякого рода проверкам и тестам. Они до самого конца не оставляли его в покое. Подозреваю, он был бы намного счастливее, если бы ему никто не поверил. Естественно, они его избаловали. В какой-то степени это облегчило ему жизнь. Мы продолжаем баловать наших телепатов. Устраиваем им роскошные условия жизни, словно в лучших клубах, и...

– А другого и быть не может, – перебил его Томас. – Они все, что у нас есть, – наша единственная и главная надежда. Конечно, мы сделали заметные успехи. Можно даже назвать это прогрессом. Мир превратился в свободную конфедерацию, войны давно остались в прошлом. У нас есть колонии, промышленность перенесена в космос. Началось терраформирование Венеры и Марса. Мы даже совершили одно неудачное путешествие к звездам.

Но у нас есть и проблемы. Несмотря на экспансию в космос, наша экономика до сих пор подвержена кризисам. Мы постоянно находимся на грани экономической катастрофы. Неимущих становится все больше, а мы ждем наступления дня, когда сможем решить их проблемы, – но этот день так и не приходит. Развитие синтетических молекул даст нам мощный толчок вперед – я не понимаю, почему политики так рвутся к БСС. Я рассчитываю, что Гарнер добьется успеха в обучении чужаков законам нашей экономики, но пока каких-либо заметных достижений нет – и, вполне возможно, не будет. Следует учитывать все варианты. Мы постоянно возвращаемся к проблеме экономики.

Я надеялся, что у других телепатов появятся новые идеи, но... и здесь пустышка. Наше несчастье в том, что проектов множество, а отдача минимальна. Кажется, что большинство телепатов движутся в ложном направлении. Однако мы не можем их без конца перебрасывать, пытаясь найти что-то другое. Возьмем, к примеру, Мэри-Кей. Возможно, она нашла нечто очень важное, Мэри так заинтересована происходящим, что перестала искать ответы на наши вопросы. И даже в тех редких случаях, когда она пытается, ей не удается узнать ничего нового. Никакого результата – лишь ощущение эйфории. Совершенно бесполезное направление, но мы не можем его бросить и вынуждены продолжать. Возможно, нам посчастливится – и мы узнаем нечто важное.

– Мне кажется, величайшая проблема состоит в том, какие люди оказываются телепатами, способными работать у нас, – заметил Аллен. – Джей наш единственный ученый. Остальные не способны оперировать необходимыми в работе терминами и понятиями. Нам следовало обучить некоторых из них.

– Мы пытались, – ответил Томас, – но ничего не вышло. Они особенные люди, очень чувствительные и требуют величайшей осторожности в обращении – в противном случае их можно погубить. Все они пребывают в состоянии постоянного стресса. Многие обычные люди сошли бы с ума, узнав, что находятся в контакте с чуждым разумом. У нас подобные случаи тоже бывают, но крайне редко. Наши телепаты держатся, но нуждаются в помощи. Моя работа в том и состоит, чтобы им помогать. Они приходят ко мне со своими страхами, сомнениями, удачами и радостями. Они плачут у меня на плече, а иногда и кричат на меня...

– Меня поражает другое, – вмешался Аллен. – Как им удастся общаться с теми, кто не наделен телепатическими способностями. Ведь в их глазах мы все должны выглядеть неуклюжими животными. Однако они сохраняют в себе человечность. А еще я заметил, что телепаты никогда не завязывают дружеские отношения с чужаками. Книги... Пожалуй, я использовал

бы именно такое сопоставление: они относятся к чужакам как к книгам, которые берут с полки, чтобы узнать что-нибудь новое.

– Все, за исключением Джея. Он состоит в довольно близких отношениях со своим последним контактером. Называет его Эйнштейном. Никто из других телепатов не дает чужакам имена.

– Джей хороший человек. Разве не он разработал идеи, связанные с синтезом молекул?

– Верно. Он стал одним из первых удачливых операторов. Точнее, первым, кто хорошо перенес мозговой имплантат. У других также имеется имплантат, но у них возникают проблемы. Иногда очень серьезные. Конечно, благодаря Джею нам удалось продвинуться вперед.

– Пол, неужели имплантат так необходим?

– Парни с самого верха считают, что да. Если говорить о технической стороне вопроса, я знаю об имплантатах слишком мало. Во-первых, нужно найти подходящего телепата – не просто классного, но обладающего специальными качествами. Затем делается имплантат – не для того, чтобы увеличить дальность, как полагают некоторые, а для усиления естественных способностей того, кому он предназначен. Кроме того, одной из его функций является хранение информации. По сути дела, дальность не так уж важна. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку волны, или импульсы, или что там еще телепаты используют для общения, действуют мгновенно. Факторы времени и расстояния теряют всяческий смысл, а на импульсы невозможно воздействовать в электромагнитном спектре. Это совсем другой феномен.

– Ключ ко всему проекту, – заметил Аллен, – естественно, лежит в формировании и обострении способности записывать и хранить информацию, которая передается во время сеанса телепатической связи. Развитие науки по изучению волн, испускаемых мозгом.

– Совершенно верно, – согласился Томас. – Невозможно рассчитывать на память телепатов. Многие из них – большинство – имеют лишь общее представление о том, что им говорят; они работают с информацией, недоступной их пониманию. Вероятно, они улавливают общий смысл, но большая часть не фиксируется их разумом. Естественно, Джей – исключение из правила. Поэтому у него процесс проходит легче. Но что касается остальных – нам приходится записывать их разговоры в банк данных.

– Нужны новые операторы, – сказал Аллен. – Пока мы можем использовать лишь малую часть источников. И у нас нет возможности вести широкий поиск, поскольку возникает риск пропустить нечто важное. Мы постоянно ищем новых операторов. Удастся обнаружить немало начинающих телепатов, но из них лишь единицы подходят для наших целей.

– Ну, способные телепаты всегда были в дефиците, – заметил Томас.

– Однако мы отвлеклись от темы разговора, – напомнил Аллен. – Ведь речь шла о Мэри-Кей и Дженни – не так ли?

– Да, конечно. Они меня беспокоят. Джей либо сумеет разобраться с БСС, либо потерпит неудачу. Дик будет продолжать учить своего контактера нашей экономике и узнает в процессе нечто новое, или его усилия окажутся напрасными. Тут нам ничего не остается, кроме как рискнуть. Хал продолжит беседовать с компьютером чужаков – и со временем мы получим полезные результаты. Однажды мы проанализируем собранный Халом банк данных и посмотрим, что ему удалось узнать. Полагаю, в наше распоряжение попадет ряд новых туманных идей, которыми стоит заняться. Но Мэри-Кей и Дженни – господа, они заняты чем-то находящимся за пределами нашего понимания. У Мэри-Кей речь идет об имитации – или о реальности – существования рая, а Дженни подошла к тайне загробной жизни. Эти вопросы волнуют человечество с начала времен. Именно поэтому миллиарды людей обращаются к религии. В обоих случаях перед нами встают очень серьезные проблемы.

– А если мы получим какие-то результаты, – осторожно поинтересовался Аллен, – что будем с ними делать?

– Еще один трудный вопрос. Однако мы не можем просто отойти в сторону. Нельзя отказаться от решения проблемы только из-за того, что ты страшишься ответа.

– А вы его боитесь, Пол?

– Наверное. Но не лично. Лично я, как и все остальные, хотел бы знать. Но вы можете себе представить, что будет, если мы откроем такое знание миру?

– Мне кажется, да. Люди испытают неслыханную эйфорию. Возникнут новые культы, а их у нас и так полно, и они доставляют нам массу проблем. Воздействие на общество может оказаться сокрушительным.

– Так что же нам делать?

– Будем действовать в зависимости от обстоятельств, – ответил Аллен. – Примем решение, когда придет время. Как руководитель проекта, вы можете контролировать процесс. Конечно, Бен Рассел может быть вами недоволен, но вы получили соответствующие полномочия именно для ситуации, в которой оказались Мэри-Кей и Дженни.

– То есть пока нам следует скрывать информацию? – спросил Томас.

– Да. Именно так. И держать руку на пульсе. И не слишком нервничать. Во всяком случае, в данный момент. Возможно, ничего страшного не произойдет.

– Я и сам не знаю, почему к вам обратился, – признался Томас. – Ведь я именно так и собирался поступить.

– Вы обратились ко мне потому, что хотели прикончить бутылку в хорошей компании, – улыбнулся Аллен.

Томас потянулся к бутылке:

– Что ж, тогда за дело.

7

– Если тебе нужно изобрести вселенную, – спросила Мэри-Кей, – если тебе необходимо это сделать, если у тебя такая работа, то какую вселенную ты бы изобрел?

– Такую вселенную, которая существовала бы вечно, – ответил Мартин. – Вселенную без начала и без конца. Вселенную Хойла. Где будет достаточно пространства и времени, чтобы все, что может случиться, обязательно случилось.

– Вижу, энтропия до тебя добралась. Голос из пустоты утверждает, что всему придет конец.

Мартин наморщил лоб:

– Сейчас гораздо больше, чем в первый момент. У меня было время все обдумать. Господи, ты только представь себе. Мы сидим здесь – мы и все люди, что жили до нас и считали, что конец не наступит никогда. Они утверждали, что у нас еще полно времени, и не задумывались о собственной смерти. Они оперировали понятиями народа, а не одной особи. Представь себе людей, которые придут после нас. «Вселенная огромна», – рассуждали мы. Возможно, теперь все изменилось. Может быть, именно с этой минуты вселенная начала сжиматься. И вся мертвая материя, вся истраченная энергия мчатся обратно.

– Но это не имеет к нам прямого отношения, – заметила Мэри-Кей. – Мы не ощутим никакого физического воздействия – во всяком случае, сейчас. Наши мучения носят интеллектуальный характер. Рушатся наши представления о вселенной. И нам больно. Такая огромная, такая прекрасная вселенная – никакой другой мы не знаем – перестанет существовать.

– Они могут ошибаться, – пожал плечами Мартин. – А что, если в их расчеты вкралась какая-то ошибка? Или наблюдения оказались неверными. А что, если на самом деле вселенная не погибнет? Наконец, может существовать другая вселенная. После того как все вернется на прежние места, произойдет космический взрыв и возникнет новая вселенная.

– Но она уже не будет прежней. То будет иная вселенная. В ней появятся другие виды жизни, другие типы разума. Или новая жизнь вовсе не будет разумной. Лишь энергия и материя. Звезды будут гореть только для себя. Никто не будет смотреть на них и удивляться. Именно по этой причине, Джей, наша вселенная столь прекрасна. В ней обитают маленькие капельки жизни, обладающие способностью удивляться.

– Не только удивляться, – возразил Джей, – они еще имеют дерзость задавать вопросы. Главная беда состоит не в том, что вселенная приближается к своему концу, а в том, что никому не удалось постичь ее смысл.

– Джей, я размышляла...

– Ты постоянно размышляешь. О чем на сей раз?

– Это глупо. Все мои размышления глупые. Как ты считаешь, мы способны переживать что-то во времени, добираться до чего-то во времени, как в пространстве?

– Не знаю. Никогда об этом не задумывался.

– Ты знаешь, то место, которое я нашла... Такое спокойное... чудесное. Такое счастливое и святое. Ты представляешь, чем оно может быть?

– Давай не будем говорить об этом сейчас, – предложил Джей. – Ты только еще сильнее расстроишься. Все остальные уже ушли. Быть может, пора и нам.

Он оглядел опустевшую гостиную и собрался встать. Но Мэри-Кей взяла его за руку и удержала на месте.

– Я думаю об этом, – сказала она. – Размышляю о найденном мной месте – быть может, оно будет существовать и после того, как все исчезнет. Вселенной больше не будет, но останутся кое-какие хорошие, достойные вещи. То, что мы – или другие разумные существа – недостаточно ценили. Мир, любовь, святость... – они, как мне кажется, не могут исчезнуть.

– Я не знаю, Мэри. Господи, ну откуда я могу знать!

– Я надеюсь, что так и будет. Очень надеюсь. У меня возникло чувство, что я не ошиблась. А я привыкла доверять своим чувствам. В том месте, которое мне посчастливилось найти, нужно полагаться только на свои чувства. Там больше ничего нет – только чувства. А ты полагаешься на чувства, Джей?

– Нет, – ответил он, вставая, и протянул Мэри руку. – А тебе известно, что ты красива и безумна?..

Он едва успел выхватить платок и поднести его к лицу, прежде чем чихнуть.

– Бедный Джей, – вздохнула Мэри. – У тебя опять аллергия.

8

Мартин устроился перед панелью управления и поправил шлем. Несмотря на то что этот шлем ужасно его раздражал, Джей был обязан его надевать, поскольку именно через шлем информация перекачивалась в банк данных.

– Эйнштейн, ты здесь? – спросил он.

– Я здесь, – ответил Эйнштейн, – и готов начать. У тебя снова началась аллергия. Ты опять принимал химикаты?

– Да. Но они мало помогают.

– Мы тебе сочувствуем.

– Большое спасибо, – ответил Мартин.

– Когда мы закончили в прошлый раз, шло обсуждение...

– Один момент, Эйнштейн. У меня вопрос.

– Спрашивай.

– Он не имеет отношения к теме нашего обсуждения. Я давно хотел его задать, но никак не мог набраться мужества.

– Спрашивай.

– Мы уже довольно долго обсуждаем путешествия со скоростями, превосходящими скорость света, а я ничего не могу понять. Ты проявил удивительное терпение. Не обращал внимания на мою глупость. И готов продолжать, хотя иногда тебе наверняка кажется, что из этого ничего не выйдет. Я хочу спросить: почему? Почему ты хочешь продолжать?

– Это просто, – сказал Эйнштейн. – Вы помогаете нам. Мы помогаем вам.

– Но я ничем тебе не помог.

– Неправда. Ты помнишь, как мы в первый раз обратили внимание на твою аллергию?

– Уже довольно давно.

– Мы спросили у тебя, как от нее избавиться. И ты использовал термин, который был нам неизвестен.

– Лекарство?

– Да. Мы спросили у тебя, что такое лекарство. И ты объяснил. «Химикаты», – сказал ты. Химикаты мы знаем.

– Да, кажется, так все и было.

– Лекарства-химикаты являются для нас совершенно новым понятием. Никогда о них не слышали. Никогда о них не думали.

– Ты хочешь сказать, что идея лекарства оказалась для вас новой?

– Верно. Подтверждаю. Не имели представления.

– Но ты никогда не спрашивал меня о лекарствах. Я бы с радостью рассказал тебе о них.

– Мы спрашивали. И не один раз. Очень коротко, очень осторожно. Чтобы ты не знал.

– Но почему? Почему коротко? Почему осторожно?

– Это такая замечательная вещь. Кто же захочет поделиться с другими столь важной информацией? Теперь я вижу, что мы вас недооценили. И очень сожалею.

– И правильно делаешь, – сердито сказал Мартин. – Я считал тебя своим другом.

– Другом, конечно, но даже среди друзей...

– Но ты собирался рассказать о БСС.

– Но это так, ерунда. Об этом известно многим. Очень просто, как только поймешь.

– Рад слышать. А как вы продвигаетесь с лекарствами?

– Медленно, но кое-что нам удалось. Нам нужно еще многое узнать.

– Ну так спрашивай...

9

Томас вопросительно посмотрел на Мартина.

– Ты хочешь сказать, Джей, что народ Эйнштейна понятия не имеет о лекарствах? Они знакомы с химией, но не изобрели лекарства?

– Ну, все не так просто, – возразил Мартин. – У них есть одно качество. Их тела священны. Тело – храм души. Эйнштейн не произнес этих слов – такова моя интерпретация, – но тела для них табу, и они стараются к ним не прикасаться.

– В таком случае, если они попытаются продавать лекарства, непременно возникнут проблемы.

– Наверное. Но с Эйнштейном и его друзьями все обстоит иначе. Насколько я понял, элитарная группировка занимает в обществе главенствующее положение и презрительно относится ко всем остальным, не разделяя суеверий большинства. Они охотно нарушают традиционные предрассудки и готовы испытывать все новое. Однако сила прежних верований велика – вот почему никому не пришло в голову изобрести лекарства.

– И они хотят, чтобы ты рассказал о лекарствах?

– Ждут с нетерпением. И испытывают странное волнение. Словно знают, что поступают неправильно, но все равно идут вперед. Тем не менее я могу рассказать им лишь об общих принципах действия различных препаратов. Детали они должны проработать сами, в соответствии со своей спецификой. Сегодня я им поведал все, что мог. Теперь мне необходимо изучить теорию медицины, чтобы дать им нечто большее. Полагаю, что найду необходимый материал в библиотеке.

– Несомненно, – кивнул Томас.

– Но в какой-то момент я едва не потерял Эйнштейна: когда сказал ему, что для развития медицины им потребуется изучить свои тела.

– А поскольку тела священны...

Мартин кивнул:

– Да, ты правильно понял. В ответ на вопрос Эйнштейна, как можно изучить свои тела, я объяснил ему, что такое анатомирование. И вот тогда-то мне и показалось, что я зашел слишком далеко. Он получил много больше знаний, чем ему требовалось на самом деле, и ему это совсем не понравилось. Но он повел себя как мужчина; ему удалось себя перебороть и смириться с совершенно новым подходом. Мне показалось, что по сути своей Эйнштейн – натура увлекающаяся. Уж если он чем-то заинтересовался, то идет до самого конца.

– Как ты думаешь, сородичи Эйнштейна его поддержат?

– Я не уверен, Пол. Но мне кажется, что да. Он начал философствовать, когда я задал ему прямой вопрос. Наверное, пытался уговорить самого себя. И пока он рассуждал, я размышлял о том, сколько еще подобных табу мы можем иметь сами. Наши табу тоже не позволяют взглянуть на ряд идей свежим взглядом. Мы столкнулись с продвинутой культурой, смело глядящей в будущее, однако у них остались древние предрассудки, уходящие корнями в первобытные времена, – и эти предрассудки помешали им развивать медицину.

– История развития нашей медицины не слишком отличается, – заметил Томас. – Человечеству пришлось отбросить немало суеверий, прежде чем оно стало терпимо относиться к искусству целителей.

– Наверное, – согласился Мартин. – Но, черт возьми, мне все это ужасно нравится. Если Эйнштейн пойдет дальше – а мне кажется, что так и будет, – мы принесем им немалую пользу. Как я уже говорил вчера, мы перестали быть мальчишками-бойскаутами и начали платить по счетам. Видишь ли, до сих пор я даже не догадывался, что они постепенно, шаг за шагом, пытались украсть у меня секреты медицины.

– Подозреваю, что мы делаем нечто похожее, – проворчал Томас. – Вероятно, в ряде случаев мы, боясь их напугать, действуем слишком осторожно: соблюдаем корректность, стараемся не задавать прямых вопросов. Вероятно, это связано с комплексом неполноценности, вызванным благоговением перед удивительными достижениями других цивилизаций. Если нам удастся провернуть еще пару сделок, подобных медицине, мы избавимся от комплексов. И будем наравне со всеми.

– Я никак не отважился спросить у Эйнштейна, почему он продолжает входить со мной в контакт, – признался Мартин. – Именно потому, что боялся его отпугнуть. Но меня эта мысль преследовала уже очень давно. И я подумал: а почему бы мне не быть с ним откровенным? И как только я все ему выложил, он ответил мне тем же. Никогда не знаешь, как все может обернуться.

– Подозреваю, что сегодня вам было не до разговоров о БСС. И это нормально. Возможно, перерыв в несколько дней пойдет на пользу. И тебя не будет мучить чувство вины, когда Эйнштейну придется вновь тратить свое время на объяснения. Да и ты сможешь задавать ему больше вопросов.

– Да, сегодня мы совсем не вспоминали про БСС, – кивнул Мартин. – Но ты, наверное, прав. Перерыв в несколько дней мне не помешает. Я продолжаю размышлять. Вчера вечером мы беседовали с Мэри-Кей, и она спросила у меня, стараюсь ли я придерживаться голых фактов или обращаю внимание на свои чувства – и что я вообще думаю по этому поводу. Мне кажется, она имела в виду интуицию, но так и не произнесла это слово вслух. И я сказал ей, что мои чувства не играют в переговорах с Эйнштейном никакой роли. Я всегда старался их сдерживать, оставаясь в рамках чистой науки, – если, конечно, наши познания можно назвать наукой. А сегодня я пришел к выводу, что мог жестоко ошибаться...

– И?

– Знаешь, Пол, кажется, я близок к прорыву с БСС. Пока не могу утверждать это наверняка, но у меня появилась надежда. Новый подход. В течение последних недель я говорил себе, что время является ключевым фактором и что мне следует обратить на него более пристальное внимание. Скажи, кто-нибудь из нашего проекта пытался обсуждать с чужаками проблемы времени?

– Думаю, да. Десять или пятнадцать лет назад. У нас остались записи. Ничего определенного, но данных накоплено немало.

– Время может играть лишь поверхностную роль в любом уравнении, – продолжал Мартин, – хотя в некоторых случаях оно служит критическим фактором. Если бы мы больше знали о времени, сказал я себе, но не как о физическом, а психическом факторе в БСС, мы могли бы сделать шаг вперед. Если связать психическую концепцию времени с уравнениями...

– Думаешь, это может сработать?

– Не сейчас. Теперь я считаю иначе. У меня возникло интуитивное предположение, что время может быть переменным, что в разных частях вселенной или для разных разумных рас оно течет по-разному. Но что-то должно оставаться неизменным. Вечность – вот всеобщая константа. Она не может меняться и остается постоянной повсюду.

– Боже мой, Джей, неужели ты говоришь о...

– Нет, до понимания еще далеко, но мне кажется, что мы сумеем выработать способ, позволяющий использовать вечность в качестве константы. Я попытаюсь. И тогда могут проявиться и другие факторы.

– Но вечность, Джей! А как же разговоры о конце вселенной?

– Мэри-Кей вчера вечером сказала мне кое-что еще – о том, что, вероятно, останется после исчезновения вселенной. Точнее, она поделилась со мной своими интуитивными предположениями.

– Да, я тоже знаю о них. Она только что была у меня. И все мне рассказала.

– И что ты ответил?

– Господи, Джей, что я мог ответить? Потрепал ее по плечу и попросил не выходить из игры.

– Но если она права, то, после того как вселенная исчезнет, что-то все же останется. Например, вечность. Быть может, даже бесконечность. Две константы. И место, чтобы произошло что-то еще.

– Я перестаяю тебя понимать, Джей.

– Я и сам мало что понимаю. Но это новый подход. Не исключено, что у нас что-то получится. Скажи Расселу и Брауну, когда они в следующий раз станут прижимать тебя к стенке, что появились свежие идеи.

После ухода Мартина Томас еще долго сидел за своим письменным столом.

Вчера Аллен не смог ему помочь, размышлял Томас. Все те же банальности: не беспокойся, нужно это пережить, перетерпеть, решение необходимо принимать только в случае крайней необходимости... А сегодня он точно так же ничем не сумел помочь Мэри-Кей и Джею... Они обратились к нему за помощью и поддержкой, а он только и смог, что посоветовать Мэри-Кей оставаться в игре.

Они необычные люди, сказал он Аллену. Конечно, так оно и есть. Они особенные – но в чем? Насколько они отличаются от других людей? Клерки из банков, уличные воры, обычные мальчишки с фермы... Что же происходит, после того как они отваживаются выйти к звездам и завязать контакты с разумами, обитающими на далеких планетах? Кажется, это сказал Аллен (или он сам?): все то, что мы получали по звездной линии связи, не удалось записать в банки данных – боль, скорбь, сомнения, надежды, страх, предубеждения, пристрастия... И что еще? Нечто, полностью выходящее за рамки человеческого опыта. Нечто, впитанное и поглощенное земными телепатами, которые слушали, болтали и сплетничали со своими соседями, разбросанными по разным галактикам. Фактор или факторы, в определенной мере изменившие их человеческую суть или, быть может, превратившие телепатов совсем в других существ...

Мэри-Кей с ее разговорами о месте, которое останется даже после того, как вселенная исчезнет, естественно, сошла с ума. Джей с его предложением использовать вечность в качестве константы, также безумен. Однако они лишились разума лишь по человеческим стандартам. Все эти люди – его телепаты, – возможно, даже, пожалуй, наверняка далеко ушли от стандартов человечества.

Особые люди, новый вид: их человечность опалена тонким воздействием чуждого контакта. Неужели именно они и есть надежда человечества? Послы вселенной? Промышленные шпионы? Ищейки, сумевшие пробраться туда, куда человечеству вход воспрещен? Исследователи бесконечности?

Проклятье, подумал он, я начинаю гордиться человеком. Даже если телепаты станут иной расой, они родились от нас, людей.

Кто знает, размышлял он, быть может, придет время, когда все люди станут такими же?

И вдруг к нему – без мучительных сомнений и размышлений – пришла вера. Теперь он обрел убеждение в обоснованности этой веры.

Пришло время приложить все усилия.

Томас нажал кнопку связи с Эвелин.

– Соедините меня с сенатором Брауном, – попросил он. – Нет, я не знаю, где он сейчас. Найдите его – где бы он ни был. Я хочу сказать старому ублюдку, что мы наконец приблизились к БСС.

Герой не должен умереть

Даже входя в пике, пилот Фред Дуглас не испытывал дурных предчувствий. Он был уверен, что справится. Но на всякий случай, направляя нос «спитфайра» вниз, крепче сжал рукоять штурвала.

Менее чем в двух тысячах футах внизу его брат Боб Дуглас мчался к меловым скалам Дувра с «мессершмиттом» на хвосте.

А тем временем на высоту, в направлении пикирующей пары, поливая сталью брюхо второго «мессершмитта», забирался лейтенант Ричард Грант.

Фред Дуглас поглядывал на стрелку спидометра, которая все сильнее клонилась вправо, но по-прежнему не сомневался, что его вмешательство не понадобится. Гранту всего-то и нужно выбить из второго джерри⁷ пух и перья.

Братья уже давно сработались с Грантом. Порой кто-то из них троих попадал в заварушку, как Боб сейчас, но другие двое неизменно бросались к нему и выручали огнем своих пулеметов.

Боб дважды спасал жизнь Гранту – под Дюнкерком, когда джерри зашел лейтенанту в хвост, и над Кале, когда Гранта зажали сразу три «мессера». А сегодня Грант вернет должок Бобу. Завтра же, может быть, лейтенант снова попадет в затруднительное положение и кто-то из братьев поспешит на выручку.

Лишь однажды вышло так, что товарищи подвели одного из их троицы. Гранта сбили над Францией. Но и тогда все обошлось: неделю спустя патрульный эсминец встретил лейтенанта в Ла-Манше – Грант стащил у какого-то рыбака лодку и попытался самостоятельно доплыть до Англии.

Мотор истошно завывал, срываясь на свист, и Фред видел, что его машина постепенно нагоняет «мессершмитт». Впрочем, было ясно, что не успеть. Он просто хотел удостовериться – хотел быть рядом, на всякий случай, если что-то пойдет не так.

Всего секунда-другая, и Грант избавится от своего противника, а пикирующий нацист окажется на пути его пуль.

Машина Боба промелькнула мимо Фреда, и теперь лейтенанту ничто не мешало.

– Он твой, Грант! – выкрикнул Фред в шлемофон.

Но командир звена почему-то не менял курс. Браунинги под крыльями его машины выплюнули новые порции свинца, но очереди предназначались не преследователю Боба, а второму «мессеру», который закладывал петли, уклоняясь от огня.

Фреду стало страшно: он вдруг сообразил, что Грант не будет прикрывать Боба, что лейтенант слишком увлекся погоней за вторым «мессершмиттом».

В это мгновение пикирующий нацист проскочил мимо Гранта, и Фред Дуглас понял, что судьба брата в его руках, пусть он почти наверняка не успеет ничего сделать.

Ладонь сама потянулась к ручке дополнительной тяги. Реагируя на форсаж, мотор надсадно взвыл, и небеса вокруг словно растворились в дымке, когда британский истребитель рванулся, буквально как пришпоренный конь, в направлении «мессера».

Палец лег на гашетку. Дуглас прильнул к прицелу, дожидаясь, когда нацист очутится в перекрестье... Но расстояние все еще было слишком велико, хотя «спитфайр» мчался что было сил.

От «мессера» потянулись синие дымки кордита, и от самолета Боба начали отваливаться куски металла. Новая вспышка, и теперь мучительно медленно стало отламываться крыло.

⁷ Сленговое уничижительное обозначение немцев (от *англ.* German – немецкий).

Горло Фреда стиснула железной хваткой паника, перед мысленным взором замелькали картинки из прошлого. Вот они с Бобом рыбачат на старом ручье... Наконец-то надевают не шорты, а брюки, как взрослые... Веселятся на вечеринке... Покупают вскладчину подержанный автомобиль и чинят, чтобы поехал... Встречают дома Рождество...

Машина Боба клюнула носом, и Фред завопил – сдерживаться было невмозможно:
– Прыгай, Боб! Убирайся оттуда!

Однако его, похоже, не слышали. Кордитовые дымки висели в воздухе. Мотор пел песню ненависти, а браунинги Фреда все молчали.

Потом Дуглас все-таки надавил на гашетку, и в тот же миг небеса озарились пламенем. Он увидел, как машина его брата валится вниз, в воды Ла-Манша, польхая погребальным костром.

На мгновение сознание помутилось – от боли и гнева, которые тут же затопила волна жгучей ненависти. Он сильнее надавил на гашетку, как будто от этого пулеметы могли стрелять быстрее, выпускать больше пуль в секунду.

Опять полетели в стороны ключья металла – теперь металла немецкого. Пули восьми браунингов прошивали «мессершмитт» насквозь, разрывая его металлическую шкуру, раскалывая фюзеляж и кокпит, подбираясь к двигателю.

А Дуглас все жал и жал на гашетку, давась проклятиями в алом тумане ярости.

Джерри лишился крыла, оно сложилось пополам, истерзанное пулями браунингов. В кокпите виднелась человеческая фигура – пилот-нацист; его швыряло из стороны в сторону под смертоносным шквалом.

«Мессершмитт» завертелся вокруг своей оси, из-под капота повалил черный дым. Фред сообразил, что истратил весь боезапас. Далеко внизу рассеивался второй дымный след.

Дуглас взялся за штурвал и стал выводить машину из пике. Теперь, когда азарт боя миновал, тело почти не слушалось, а разум заполонило отчаяние. Боб погиб! Брат погиб! Рухнул в горящей машине в воды Ла-Манша. Это случилось потому, что лейтенант Ричард Грант нарушил неписанный закон. Ему всего-то и надо было, что прибавить газку и перехватить нациста. Поступи он так, Боб остался бы жив.

Грант совершенно точно видел и Боба, и пикирующего немца. Если бы догнал... Да какой прок от этих «если»!.. Как ни крути, а Грант подвел братьев, предал их доверие и погубил того, кто дважды спасал ему жизнь.

«Спитфайр» устремился вверх. Там есть другие джерри. Которых надо прикончить. Уничтожить, чтобы уравнивать счет и очистить небо...

Правда, набирая высоту, Фред вспомнил, что патронов не осталось.

Он выровнял машину и развернул в сторону дома. В это мгновение на него обрушился стальной дождь и откуда-то вынырнул затаившийся «мессер». За долю секунды все приборы на панели управления умерли, словно их походя сокрушил какой-то великан. Масло забрызгало кокпит, залило очки и полностью ослепило Фреда. Мотор захлебнулся кашлем, самолет опасно дернулся.

Выше торжествующе взревел двигателем «мессершмитт» – и пропал. Наступила тишина: мотор заглох, похоже, окончательно.

Дуглас инстинктивно попытался перевернуть машину днищем вверх. Так проще всего покинуть истребитель. По сути, это единственный сколько-нибудь действенный способ... Но самолет не откликнулся на движения штурвала.

Из-под капота повалил дым. Снаружи пронзительно, противно свистел воздух – машина набирала скорость, входя в отвесное пике.

Дуглас в отчаянии хватался за все ручки подряд, но это было бесполезно. На миг он поддался панике, ведь свист снаружи означал, что его ожидает скорая гибель.

Густой дым заволакивал кабину, сочился сквозь разбитую приборную панель, забирался в нос и заставлял слезиться глаза. Нога что-то раздавила, послышался хруст стекла, – должно быть, это заляпанные маслом летные очки, которые Фред бросил на пол...

Из пробитого мотора вырвалось пламя, лизнуло живую плоть. «Спитфайр» закрутился вокруг своей оси. Дуглас принялся яростно трясти задвижку фонаря. Ускорение свободного падения прижимало летчика к креслу.

Огонь жег немилосердно, дым превращал солнечный день в ночь. Страдая от боли, ослепший, утративший всякое ощущение времени и направления, Дуглас шарил руками по кабине, выискивая ничтожную возможность спастись. Машина вдруг вздрогнула – и он очутился на воле. Свободен! И падает... Обожженные пальцы нащупали кольцо парашюта, дернули. Мимолетно подумалось, что стропы могли сгореть, но мгновение спустя последовал рывок. Над ним раскрылся купол, и он, болтаясь в воздухе, поплыл вниз.

Только сейчас, впервые после выстрелов «мессера», он понял, что ничего не видит. Глаза не открывались, веки словно спеклись. Лицо и руки пекло от ожогов. Он попытался крикнуть, но не сумел и этого – губы не слушались, горло высохло.

Через три месяца его выписали из госпиталя, признав здоровым; возможно, врачи несколько не преувеличивали. Руки Фреда больше не походили на комки оголенной плоти, а лицо сделалось прежним, если не считать нескольких шрамов, которые обещали со временем исчезнуть.

Но дело не только в лице и руках, мрачно думал Фред, пристроившись в уголке столовой за стаканом двойного бренди. О многом врачи попросту не догадывались – и не могли догадаться. Они понятия не имели о том, что происходит с разумом человека, который видел гибель в пламени собственного брата, когда сам находился в охваченной огнем крылатой машине.

Нет, он вовсе не струсил. Он продолжал сбивать джерри. В конце концов – и это Фред знал наверняка, – он по-прежнему отличный пилот. Но его настойчиво грызло сомнение: а насколько он хорош как истребитель? Былые дерзость и самоуверенность пропали бесследно. Он больше не рисковал так, как раньше. Теперь он сражался расчетливо и осторожно, не лихачил и не допускал безрассудства. Причем сам сознавал, что рано или поздно такая осторожность выйдет ему боком. Рано или поздно ситуация потребует риска, а он не отважится, не посмеет...

Другие пилоты, как ему думалось, обсуждали его за глаза, когда Фред не мог их слышать.

Дверь в столовую распахнулась, и вошел лейтенант Грант.

– Эй, Грант! – позвал один из пилотов. – Иди к нам, пропусти стаканчик.

– Кто та крошка, с которой я видел тебя вчера вечером? – подал голос другой.

– Вы что-то напутали, парни, – ответил Грант. – Вчера вечером я был в казарме.

– То есть в Лондон не ездил?

– Именно это я и сказал.

Дуглас скривился. Грант пользовался популярностью. Еще бы, пятьдесят три джерри на счету. Может, и больше, пятьдесят три – только официально подтвержденные. Молодые летчики глядели на него с восторгом. Он считался бывалым пилотом, настоящим асом, одним из тех повелителей небес, что жили полной жизнью.

Фред снова уставился в стакан, прогнав мысли о Гранте. Память снова и снова возвращала его в тот день над Ла-Маншем, когда машина Боба падала на меловые скалы Дувра. Он опять ощутил, как пол уходит из-под ног, как накатывает страх, как рука сама тянется к рукоятке форсажа...

По полу простучали каблуки, и Фред поднял голову. У его стола, со стаканом в руке, стоял Грант.

– Давай поговорим, Дуглас, – сказал он.

– Здесь нам с тобой не о чем говорить, – негромко отозвался Фред. – Как-нибудь в небе потолкуем.

Грант побагровел, но сдержался:

– Мы ведь были друзьями.

– Когда-то, – ровным голосом ответил Фред.

– Хватит себя изводить, – не унимался Грант. – Не то однажды сорвешься.

– Это командир звена говорит? – уточнил Фред. – Опасаешься, что я подведу товарищей в бою? Намекаешь, что я стал летать хуже?

– Нет, конечно же! – возмутился Грант. – Я как друг тебе советую. Мне больно видеть, как ты себя убиваешь.

– В таком случае, – решительно заявил Дуглас, – имею честь сообщить, что ты суешь нос не в свое дело.

Грант развернулся, но Дуглас его окликнул:

– Я правильно расслышал, что вчера вечером ты был в казарме?

– Ну да. – Грант помедлил. – А что?

Дуглас промолчал.

– Почему ты спрашиваешь?

– Да так... Может, и не стоило, но... Видишь ли, я знаю, что тебя там не было.

– Скажи, за что ты меня ненавидишь? – не выдержал Грант. – Нет, я догадываюсь о причине, хоть и считаю, что ты не прав. Но все-таки...

– Ты слишком озабочен своей карьерой, – сказал Дуглас. – Слишком много думаешь о том, как бы пополнить свой счет. Слишком занят был тем джерри... двадцать восьмым, верно?... чтобы помочь другу.

– Я уже все объяснил, – возразил Грант.

– Не забывай, я там был.

– Послушай, Дуглас, ты мне нравишься... Ты отличный пилот, что бы тебе ни втемяшилось в голову. Это я попросил, чтобы тебя снова допустили к полетам.

– В следующий раз можешь попросить, чтобы меня отстранили, – проворчал Дуглас. – Плевать я хотел.

Под крыльями переливались зеленью и золотом голландские поля, разделенные ленточками каналов. Рейд заканчивался, эскадрилья Королевских ВВС возвращалась домой, оставляя позади дымящиеся руины.

Дуглас поудобнее устроился в кресле, чтобы вести «харрикейн» через Ла-Манш на базу. Вылет не вызвал у него никакого восторга. Джерри крепко завязли в России, и по-настоящему жаркие стычки теперь случались редко.

Грант летел впереди, а справа от Дугласа держался Коротышка Кейв. Над Фредом и позади шли другие машины, участвовавшие в рейде.

Внезапно в наушниках шлемофона грянуло:

– Эгей!

Возглас Гранта заставил Дугласа встрепенуться.

На них со стороны солнца заходили Me-110, грозные черные тени. Сколько их там, не разобрать, да и некогда тратить время на подсчеты. Джерри явно поджидали в засаде, прятались повыше, где их не углядеть. И вот они ринулись в атаку, стремительно приближаясь.

Дуглас потянул штурвал на себя, задирая нос машины. Черный силуэт возник в поле зрения, и Фред сразу нажал на гашетку, но нацист двигался чересчур быстро, так что пристрелочная очередь ушла в «молоко». Придется стрелять наугад...

Заговорили авиапушки, немецкие самолеты нарушили строй британской эскадрильи. Вот небо заволочло дымом, и одна машина круто пошла вниз...

На Дугласа накинулся «мессер», и Фред заложил крутой вираж. Пуля угодила в оконечность крыла, а в следующий миг нацист пролетел мимо. Секунду спустя, завершив маневр, Фред оказался у него на хвосте.

«Мессершмитт» пытался выйти из пике, а мозг Дугласа размеренно и хладнокровно отсчитывал мгновения. Так шахматист за шахматной доской просчитывает партию на много ходов вперед.

Это чувство порой откровенно пугало Фреда, когда он сидел на базе за стаканом бренди. Разумеется, кто-то скажет, что так и надо воевать, однако в избытке хладнокровия нет ничего хорошего. Никакого тебе безрассудства, никакого задора, никакого восторга, просто суровые будни, обыкновенная игра со смертельным исходом.

Фред снова потянул штурвал, повторяя маневр «мессершмитта». Джерри угодил в перекрыстье прицела, заметался из стороны в сторону, выходя из пике. Пули застучали по крыльям «харрикейна» – это старался вражеский хвостовой пулеметчик.

В поле зрения появилось брюхо «мессера», и Дуглас нажал на гашетку. Короткая очередь, длиной секунды четыре, не больше. Этого вполне достаточно, чтобы залить смертоносной сталью пилотскую кабину.

«Мессершмитт» рыскнул, нырнул вниз, закрутился в воздухе, свалился на крыло – и начал падать. Как обычно, подумалось Дугласу. Не лезь на рожон, не стреляй до верного, всади очередь туда, куда важнее всего попасть...

Но однажды... Быть может, однажды...

Он поежился, разворачивая машину и направляя «харрикейн» вверх. Других «мессершмиттов» вокруг не было. «Харрикейны» и «бленхеймы» снова выстраивались в общий строй.

Очередная вылазка нацистов из засады, сказал себе Дуглас, очередной наскок джерри, которые вечно норовят застать противника врасплох и улепетьывают, прежде чем британские истребители успевают им наподдать.

Он накренил машину, чтобы осмотреться, и вдруг почувствовал, как сердце на мгновение замерло в груди. Далеко внизу скользил к земле «харрикейн»: судя по всему, у него отказал двигатель – Фред не различал за самолетом топливного следа.

Парашюта не видно. Значит, пилот надеется посадить искалеченную машину. Ну да, так будет быстрее – если, конечно, он еще жив. Успеет спрятаться, пока не объявился немецкий патруль.

Донесся новый звук – звук самолета, вошедшего в пике. Дуглас вскинул голову и заметил «мессер», который падал с неба напрямиком на планирующий «харрикейн». Точно стервятник, наметивший себе израненную, беспомощную жертву.

Дуглас выругался вслух, снова положил машину на крыло, в разворот, и устремился в точку перехвата «мессершмитта».

Отчасти он ожидал, что немец отвернет и попытается скрыться, но эта слабая надежда не оправдалась.

Мозг вновь занялся подсчетами, словно закрутились хорошо смазанные шестеренки какого-то механизма. Рассчитать угол атаки, прикинуть, как поведет себя пилот «мессера», направить «харрикейн» в тот сектор, где, скорее всего, получится надежно перехватить джерри...

Стремительными метеоритами два самолета падали к земле, нагоняя планирующий «харрикейн».

«Когда джерри поймет, что я ему помешаю, – продолжал прикидывать мозг Дугласа, – он возьмет в сторону и пойдет на меня сверху. Значит, надо его опередить».

Дуглас шумно втянул воздух и сощурился, оценивая расстояние. Рука стискивала ручку форсажа.

«Мессершмитт» внезапно метнулся вверх, и в тот же миг Дуглас резко дернул рычаг. По воле пилота «харрикейн» рывком влетел под днище «мессера» и резко пошел вверх. Мотор яростно зарычал, бросая машину в тугую петлю. На краткое, тошнотворное мгновение истребитель будто завис вверх тормашками, и тут-то хитроумный джерри угодил в прицел. Дуглас не медля нажал на гашетку. «Мессершмитт» взбрыкнул, вздыбился, потом клюнул носом и полетел к земле. За ним тянулся дымный след.

Выведя машину из петли, Дуглас направил свой самолет к планирующему «харрикейну».

В его шлемофоне раздался голос, который он хорошо знал:

– Дуглас, идиот, возвращайся немедленно! Спасибо, конечно, и все такое, но больше ты ничем мне не поможешь.

– Грант, там, внизу, есть поле! – крикнул в ответ Дуглас. – Садись туда. Я сразу за тобой. Мы улетим вместе!

– Ты спятил! – возразил Грант. – Ничего не выйдет! Говорю тебе, возвращайся. Уж лучше я один погибну, чем вдвоем подышать. Вали отсюда, это приказ!

– К чертям твои приказы! Я тебя заберу, и мы вернемся домой вместе. Вздумаешь сопротивляться, к крылу привяжу. – Фред хохотнул. – Только представь, как ты будешь выглядеть. Нет, приятель, такими, как ты, не разбрасываются.

Грант разозлился всерьез:

– Ты у меня под трибунал пойдешь за неподчинение!

Дуглас захохотал:

– Это за что же? За то, что не позволил тебе устроить спектакль, как в прошлый раз, когда ты лодку стырил?

Он выдернул штекер, отключая связь.

Машина Гранта едва разминувшись с макушками деревьев на краю поля и тяжело опустилась на посадки. Ударилась о землю, подпрыгнула раз-другой, чуть не перевернулась, но удержалась на колесах и в конце концов остановилась.

Дуглас плавно посадил «харрикейн» по проложенному следу и подкатил к товарищу.

Быстро откинул защелку кабины, ловко выскочил на крыло и спустился наземь.

– Стой где стоишь!

Фред обернулся и увидел Гранта: тот стоял на крыле своей машины и целился из револьвера «уэбли».

– Один шаг, – прибавил лейтенант, – и схлопочешь пулю.

Дуглас замер, не в силах воспринять происходящее.

– Ты сдурел, что ли? – выдавил он наконец. – Опустит оружие, приятель. Мы летим домой.

Грант рассмеялся, и было в этом смехе что-то неприятное.

– Вот тут ты ошибаешься, Дуглас. Никуда я не лечу. И ты тоже.

– Брось, Грант, не валяй дурака.

– Я серьезен как никогда раньше, мой британский друг.

Пала тишина – неловкая, неожиданная.

– Понятно, – произнес Дуглас. – Значит, так, да?

Грант кивнул, кривя губы в ухмылке:

– Умно, не правда ли? Вы и не догадывались, свиньи английские.

– Умно, – с горечью согласился Дуглас. – Чертовски умно, не поспоришь. Сколько своих дружков-нацистов ты завалил? Больше пятидесяти, верно?

– Не я, так кто-нибудь еще, – отмахнулся Грант. – И потом, кому какое дело до этих смертей? Те, кого я сбил, с радостью пошли бы на гибель, будь у них выбор. – Он хмыкнул. – Еще кое-что... Тебе будет над чем подумать за колючей проволокой в лагере для военнопленных. А я выполняю задание и вернусь обратно. Не впервые, прошу заметить. И меня назовут героем Англии...

– Вернешься и снова станешь шпионить? – ровным голосом перебил Дуглас.

– Разумеется, – подтвердил Грант. – А вы, англичане, так ничего и не заподозрите. Разве не я сбиваю проклятых нацистов налево и направо?

– Знаешь, предательства гнуснее я что-то не припоминаю, – заявил Дуглас.

– В чем тут предательство? – удивился Грант. – Я просто служу фюреру. – Он повел стволом револьвера. – Ладно, хватит болтовни.

В ответ Дуглас пригнулся и опрометью кинулся под крыло «харрикейна». Грант что-то выкрикнул, прогремел выстрел, и пуля со зловещим лязгом отскочила от металлического фюзеляжа.

Перекатившись в сторону, Дуглас встал на колени и лихорадочно заводил руками, вынимая собственный «уэбли» из кармана летного комбинезона. Громыкнул второй выстрел; на сей раз пуля с глухим стуком вонзилась в землю футах в трех от его ног.

Потом наступила тишина, продолжительная и пугающая. Дуглас не видел Гранта, не слышал его шагов вокруг самолета. Но тот наверняка был где-то поблизости. По спине поползли мурашки, сердце заполнил атавистический страх.

Вот бы увидеть хоть что-нибудь... Вот бы встать и выстрелить. Что угодно будет лучше, чем ощущение пойманного в ловушку, чем понимание того, что где-то рядом затаился человек, только и ждущий, чтобы ты подставился под пулю.

Дуглас осторожно придвинулся к фюзеляжу, прислушался, стараясь глядеть во все глаза. Он различил негромкий гул – так урчит работающий мотор...

«Получается, – сказал он себе, – что я торчу под самолетом и дожидаясь, когда шпион выберет местечко поудобнее и вышибет мне мозги... С другой стороны, а что еще прикажете делать? Поле ровное, что твоя столешница. Стоит высунуть голову, как Грант заметит и начнет стрелять».

На миг Фред вообразил, как прыгает обратно в кокпит, защелкивает фонарь и улетает, но сразу отверг эту мысль. Уж лучше прятаться и дальше, дожидаясь... неизвестно чего.

Его пальцы плотнее обхватили рукоятку револьвера. Где же этот чертов Грант?!

Глупо, до чего же глупо так влипнуть! И ведь виной всему, надо признать, не только и не столько желание спасти Гранта.

Да, таково было его первое побуждение – спасти товарища-летчика от плена. Забавно, что Фред действовал не раздумывая, хотя сам знал – и знал, что Грант тоже знает, – как сильно ненавидит лейтенанта. Не без причины, чего уж там.

И когда прозвучал приказ Гранта возвращаться на базу, он мог бы развернуть самолет и улететь в Англию, не возникни у него дурацкое желание доставить лейтенанта домой привязанным к крылу «харрикейна». Честно сказать, этой фантазии трудно было противиться, слишком уж она смахивала на прочие героические деяния вроде пересечения пролива в краденной рыбацкой лодке.

Он понимал, что осуществить нечто подобное вполне возможно, пускай тому, кого привяжут к крылу, придется нелегко. Это означало бы для Гранта лишнее подтверждение его славы, а для Фреда – возможность посмеяться над карьерным асом.

Отдаленный рокот, услышанный Дугласом, между тем звучал все громче. Вдруг Фред сообразил, что это звук самолетного двигателя, басовитый гул «мессершмитта». Нацист летит к полю!

Оставалось лишь ждать и гадать. Вот самолет, судя по звуку, миновал деревья на краю поля... Летит низко, всего в сотне футов над землей...

Застрекотали пулеметы, и за первой очередью последовал истошный вопль.

Вынырнув из-под крыла, Дуглас застыл в полном изумлении. Грант бежал к другому краю поля, к деревьям, кричал и махал руками, а вокруг него клубилась в солнечном свете

пыль, поднятая пулями. Самолет, оглушительно завывая мотором, промчался над головой, не выше пятидесяти футов от «харрикейна», не прекращая огня.

Перед глазами замершего Дугласа разворачивалось удивительное зрелище. На мгновение ему почудилось, будто время застыло. Картина отпечаталась в сознании: бегущий человек, клубы пыли, высокие деревья вдали и короткая желтоватая трава, что нежится на солнце...

Но вот время возобновило ход, и Грант споткнулся. Он упал посреди пылевой завесы, которую подняли пули. Упал ничком, но сразу пополз дальше на четвереньках. Снова упал – и перестал шевелиться.

«Мессершмитт» взревел мотором, словно торжествуя, взмыл над деревьями и набрал высоту. Сделал разворот и вновь направился к полю. Дуглас поспешил укрыться. Вражеский пилот, положив машину на крыло, осматривал стоящие на земле «харрикейны».

Наверное, решил Фред, ищет его – второго британского пилота. Ведь джерри явно принял Гранта за британца, за простого летчика, совершившего вынужденную посадку, за врага, то есть за законную добычу. Пилот «мессершмитта» не может знать, кто такой Грант на самом деле. Выходит, предатель получил по заслугам. Грант убил несколько десятков своих соотечественников в небе над Англией и над побережьем, а потом угодил под пули такого же немца.

Дуглас дождался, когда гул мотора стихнет в отдалении, и побежал по полю.

Грант был мертв. Он лежал лицом вниз, вцепившись руками в желтую траву. Дуглас поспешно обыскал карманы мертвеца, нашел записную книжку и несколько листков бумаги.

Присев на корточки, Фред торопливо изучил находки. В записной книжке имелось немало записей, сделанных убористым почерком. А листки оказались картой.

Дуглас негромко присвистнул. Карта Британских островов изображала местоположения сотен аэродромов и других объектов Королевских ВВС. Прямо-таки наглядное пособие по уничтожению противовоздушной обороны.

По спине пробежал холодок. Страшно представить, что могло бы произойти, попади эта карта в руки немецких командиров. Люфтваффе нанесли бы сокрушительный удар по Англии. Разбросанные по всему острову объекты – это децентрализованная оборона, наилучшая защита от немецкой воздушной армады. Без карты стервятникам Геринга понадобится полсотни лет, чтобы отыскать и уничтожить все эти базы, одну за другой...

Зато с картой...

Дуглас резко вскинул голову. Похоже, «мессершмитт» не успокоился!

Глухой рокот перерос в гул, а гул сменился ревом. Дуглас сунул карту в карман комбинезона и бросился к своему «харрикейну». Если «мессер» застигнет его посреди поля, враги получат два трупа вместо одного.

Сердце рвалось из груди, в горле клокотало, но он все-таки добежал до самолета, залез в кабину и завел мотор. Пропеллер завертелся, внушая уверенность. Машина устремилась вперед, и Дуглас, выждав момент, изо всех сил навалился на штурвал.

Двигатель «мессера» злобно зарычал у него за спиной в тот самый миг, когда «харрикейн» поднялся над деревьями. Дуглас съёжился в кресле, ожидая, что тело вот-вот прошьет пулеметная очередь, практически чувствуя, как пулеметы джерри упрутся ему в спину.

Пулеметы рывкнули, но было слишком поздно. Пули забарабанили по корпусу, однако «харрикейн» упорно лез в небеса, выходя из-под вражеского огня. Дуглас стиснул зубы, направляя самолет вверх едва ли не под прямым углом и искоса поглядывая на альтиметр. За ним впритирку, как он догадывался, летел «мессершмитт». Он отважился бросить взгляд через плечо и заметил нациста справа от себя. Потом дал форсаж, заложил петлю – и ринулся вниз. Улюлюкая во весь голос, он направил истребитель напрямиком на «мессер».

Палец лег на гашетку, браунинги выплюнули смертоносную сталь. Одно крыло «мессера» будто подломилось. Деревья неумолимо приближались, и Дуглас повел штурвал на себя. Машина застонала, но все же вырвалась из пике над самыми макушками.

По фюзеляжу простучали пули. Дуглас захохотал как безумный, заложил новую петлю и вновь ринулся на джерри.

Промahnуться было невозможно. Он попал ровно туда, куда метил. На его глазах стекло кабины разлетелось вдребезги под очередями браунингов.

Лишь поднявшись высоко над полем и направив машину на запад, Фред сообразил, что забыл о своей привычке все просчитывать. Никаких расчетов, никаких оглядок на осторожность, никакой угрюмости. Как в те добрые старые деньки, когда они с Бобом и Грантом бились в небе над Дюнкерком. Он положился на наитие – и чуть не зацепил брюхом верхушки деревьев у края поля.

Дуглас залез в карман и услышал шорох бумаги.

Контрразведка обрадуется этой карте и охотно выслушает его историю. Пожалуй, она что-нибудь предпримет – Грант наверняка не единственный шпион, должны быть и другие. Быть может, именно с ними, с этими другими, Грант ездил встречаться в Лондон. Может, та девица, насчет которой его дразнили в столовой, тоже из их числа.

Но контрразведка умеет хранить тайны, так что в эскадрилье ничего не узнают. Это и к лучшему, Грант же – герой, а сейчас Англии нужны все герои, какие у нее есть, живые и мертвые.

Что доложить? Ну, это просто. Перед мысленным взором Фреда всплыли написанные на бумаге слова:

Лейтенант Ричард Грант пал смертью храбрых, героически пытаясь посадить поврежденный самолет.

Космические твари

1

Пламя в космосе

Это было совершенно невозможно. И все же... Все же загадочное создание парило в открытом космосе на сверкающих крыльях. На крыльях, которые оставались неподвижны, но в то же время в них непостижимым образом ощущались мощь и быстрота, как при взгляде на широкую реку, величаво несущую свои воды. Испещренные красными прожилками, они отливали зеленью в лучах далекого Солнца.

Тело существа было словно бы соткано из потоков света. На мгновение перед глазами капитана Джонни Лоджа промелькнула голова совершенно немислимых очертаний. Никогда прежде ему не доводилось видеть ничего подобного. От этой головы исходило ощущение чистого, беспримесного зла и первозданной жестокости.

Карен Франклин, стоящая рядом с ним, задохнулась от изумления.

– Космическая тварь, – сказал Джордж Фостер, второй пилот. – Что еще это может быть?

И верно, других предположений ни у кого не возникало. Вот только самим своим существованием тварь разрушала все человеческие представления об устройстве мироздания. Ее не могло быть, наука давным-давно исключила возможность появления чего-либо подобного. И все же вот она, космическая тварь, – парит в вакууме рядом с «Карен», одним из лучших реактивных космических кораблей Солнечной системы, с легкостью поддерживая его скорость.

– Чертово порождение пустоты... – пробормотал Джордж. – Мне кажется, оно обогнало нас, проскочило мимо, а потом поднырнуло. Я все не могу взять в толк, зачем ему нужны эти крылья? Оно же передвигается на реактивном принципе. Смотрите, снова выхлоп.

От крылатого существа отделилось облачко белесого газа, поплыло прочь и быстро растаяло в безвоздушном пространстве. При этом чудовище стремительно рванулось вперед, его зеленые крылья вспыхнули в рассеянном солнечном свете.

Карен Франклин придвинулась ближе к капитану. Их взгляды встретились, и ему показалось, что в глубине ее синих глаз мелькнуло нечто похожее на страх.

– Значит, все эти истории о поясе – правда, – проговорила девушка. – Те, что ходят среди рудокопов астероидных копей.

Джонни серьезно кивнул.

– Да, выходит, не все их рассказы – досужие выдумки, – сказал он. – По крайней мере, некоторые легенды точно не врут.

Он снова повернулся к иллюминатору и стал рассматривать необычное существо. Космическая тварь!.. Он слышал истории об этих созданиях, но считал их не более чем мифами, которые часто рождаются в отдаленных уголках Солнечной системы.

Одним из таких медвежьих углов был пояс астероидов. Этакая «ничейная земля» – опасная для навигации, малопригодная для жизни, совершенно непредсказуемая. Об астероидном кольце мало что известно, потому что космические корабли обходят его стороной, и тому есть причины. Единственные, кто более или менее знает пояс, это рудокопы малых планет, но это племя космических бродяг держится особняком.

Космическая тварь оказалась реальностью. Отрицать это было уже поздно. Джонни протер глаза и снова посмотрел в иллюминатор. Не помогло – загадочное существо и не думало исчезать.

Протоплазма не может существовать в межпланетном пространстве. Там слишком холодно и нет атмосферы. Протоплазма... В ней-то и загвоздка. Все известные формы жизни состоят из протоплазмы, но можно ли из этого сделать вывод, что протоплазма – основа любой жизни? Протоплазма сама по себе не есть жизнь. Жизнь – это что-то иное, некая толком не изученная совокупность явлений – изменений, развития, движения... Жизнь – таинственная штука, она умеет хранить свои секреты. И сколько ученые ни бьются над ее загадкой, решение каждый раз ускользает. Им удалось выявить и описать ту зыбкую грань, по одну сторону которой есть жизнь, а по другую, согласно нынешним данным, ее нет. Эта расплывчатая грань – та исчезающе малая гипотетическая область, где жизнь обретает форму, облик и способность к движению. Во всем изученном пространстве Солнечной системы проявления жизни имеют в своей основе протоплазму. Однако означает ли это, что иные проявления жизни невозможны?

По левому борту корабля плыл в пространстве астероид, капитан видел его металлический блеск в иллюминаторе. Расстояние до малой планеты составляло всего несколько миль, курс «Карен» пролегал мимо нее. Астероид не угрожал кораблю, и все же Джонни с тревогой посматривал на него. Такие вот небольшие скалы неправильной формы отражают очень мало света и потому остаются почти невидимыми. Их орбиты постоянно меняются, а скорости зачастую огромны. Порой малые астероиды удается засечь только тогда, когда они заслоняют звезды.

– Возможно, нам стоит лечь на обратный курс, Карен, – сказал капитан. – Ломиться напролом – глупо. Твой отец нас поймет. Не нравится мне все это. – Он махнул рукой в сторону парящей в вакууме космической твари.

Девушка упрямо покачала головой:

– Папа давным-давно полетел бы в эту экспедицию сам, если бы не несчастный случай. Доктора запретили ему космические полеты, иначе он был бы сейчас с нами. – Она серьезно посмотрела в лицо Джонни. – Мы не можем его разочаровать.

– Но это же всего лишь слухи! – воскликнул Джонни. – Мы носимся по всей системе в погоне за слухами. Мы летали и к Ио, и к Титану. Мы даже искали мифическую планету на окоლოსолнечных орбитах!

– Джонни, ты что же, испугался? – спросила Карен.

Он ответил не сразу.

– Я волнуюсь за тебя и за ребят из команды, – сказал капитан по размышлению.

Девушка молча повернулась к иллюминатору и стала смотреть в бархатную черноту космоса, на космическую тварь и мерцание ближайших астероидов – осколков пояса.

Сдержав рвущийся из горла звериный рык, Джонни тоже уставился на тварь. Самые разные мысли вихрем пронеслись в его голове.

Все началось с элемента-7. Пять лет назад Джим Франклин, один из самых бесстрашных исследователей космоса и отчаянных искателей приключений, нашел небольшую залежь этого металла на Ганимеде. Добытого ископаемого хватило лишь на полдюжины космических кораблей. Больше найти не удалось. Пять лет лихорадочных поисков по всей системе не дали никаких результатов. Кроме первой находки, не было обнаружено ни единого фунта элемента-7.

Ценность этого редчайшего материала заключалась в его сопротивляемости к излучениям, пронизывающим космическое пространство. Тончайший слой элемента-7, нанесенный на обшивку корабля, служил эффективным противорадиационным экраном.

Однако лишь три космических транспорта имели подобный экран. Одним из них была «Карен». А как же иначе – ведь это был корабль самого Франклина, названный в честь его дочери. Какой-то богатей с Марса выложил аж миллион долларов, чтобы нанести покрытие из элемента-7 на свою прогулочную яхту. Крупная корпорация, занимающаяся пассажирскими перевозками, разорилась на защитные экраны для двух лайнеров, но один из них затерялся на

просторах космоса. То, что осталось от находки, купило правительство Земли, но вместо того, чтобы использовать элемент-7 по назначению, заперло его в хорошо охраняемом хранилище.

Продажа редчайшего ископаемого сделала Джима Франклина весьма состоятельным человеком, и львиную долю обретенного богатства он вложил в поиски таинственного месторождения элемента-7.

Спустя два года, во время короткой передышки между космическими экспедициями, Франклин посетил ракетный завод на Земле, чтобы посмотреть на испытания нового двигателя. В ходе испытаний взорвалась пусковая установка. Три человека погибли, а Джим Франклин остался в живых лишь благодаря хирургам, которые сотворили настоящее чудо. Однако он остался калекой и теперь до конца своих дней был прикован к Земле. Врачи предупредили бывалого путешественника, что он умрет, если попытается снова отправиться в космос.

И тогда семейное дело и поиски элемента-7 взяла на себя его дочь, Карен Франклин. В погоне за редчайшим элементом ее маленький, но надежный корабль сначала отправился к самому Солнцу, затем совершил высадку на малоисследованный Титан, а потом, преодолевая чудовищную гравитацию Юпитера, опустился на поверхность маленькой Ио, чего прежде не удавалось сделать ни одному реактивному кораблю. И вот теперь «Карен» и ее экипаж забрались в самое сердце пояса астероидов. Отправиться в эту область космоса дочь Франклина решила, наслушавшись рассказов коротышки с бегающими глазами, который наговорил ей с три короба в марсианском космопорте Сандебар.

Джонни все больше утверждался в мысли, что находка Франклина была всего лишь счастливой случайностью... Та небольшая залежь на Ганимеди вполне может оказаться единственной во всей Солнечной системе. Вполне вероятно, что ее возникновение связано с особыми условиями, неким уникальным стечением обстоятельств.

А вдруг – нет? Вдруг где-нибудь в системе, на каком-то равнодушном булыжнике, болтающемся в космосе, отыщется еще одна жила элемента-7? Тогда удастся защитить все корабли, которые бороздят космос! Элемент-7... Чудодейственный металл, способный противостоять сильнейшим потокам излучения, несущимся в космическом пространстве, – беспорядочным, непредсказуемым. Он защитит даже от роя радиоактивных метеоритов, которые порой налетают на космические корабли, оставляя после себя лишь беспомощно плывущие в вакууме «летучие голландцы», полные мертвых и умирающих людей.

Размышления капитана прервал голос Карен:

– Джонни, кажется, я видела свет. Как думаешь, мне не померещилось? Что здесь может светиться?

Джонни, не говоря ни слова, принялся вглядываться в темноту снаружи.

– Вон он! – закричал Джордж. – Я видел его!

– Я тоже, – сказала Карен. – Снова. Что-то вроде голубоватого луча далеко впереди по курсу.

Позади них раздался дрожащий голос:

– Что вы там увидели, а, Джонни? Свет?

Джонни развернулся в крутящемся кресле. В дверях рубки стоял Бен Рамси, он же Старый Бен. Его мешковатый рабочий комбинезон, шишковатые кисти рук и перекошенное лицо были измазаны машинным маслом.

– Да, Бен, – сказал Джонни. – Впереди что-то есть.

Бен покивал:

– Я странные вещи слышал о поясе. Жуть всякую – про пламя, которое пылает в космосе, про космических тварей... И еще про пляшущих призраков, которые визжат и смеются, когда на корабль несется огромная каменюка и проделывает здоровенную дырищу в корпусе, вот...

Бормоча все это, Рамси медленно ковылял через рубку, сутулясь, раскачиваясь из стороны в сторону и так подволакивая обе искалеченные ноги, что смотреть на него было больно.

Жалость тупой иглой кольнула сердце Джонни. Старый Бен был единственным выжившим с корабля, угодившего в рой радиоактивных метеоритов. Элемент-7 спас бы его... Правда, в то время о чудесном металле и слыхом не слыхивали. Элемент-7, из которого бы вышел прекрасный щит, способный защитить людей от рышущей меж планет смерти...

– Снова свет! – крикнул Джордж. – Синий огонек мигнул несколько раз и погас!

– Это космическое пламя, – сказал Старый Бен, его яркие глаза загорелись от возбуждения. – Я слышал всякие рассказы о пламени и космических тварях, да только не верил...

– Так начинай верить, – мрачно сказал Джонни. – Потому что космическая тварь тоже тут как тут. Тащится параллельным курсом.

Бен сморщился и принялся мять свою засаленную кепку искалеченными грязными руками.

– Ты ничего не сказал, а, Джонни?

– Ничего, Бен.

Старик помолчал, переминаясь с ноги на ногу, потом проговорил:

– Я забыл, Джонни. Я пришел, чтоб доложить. Я загрузил топливные ячейки и все проверил, как ты просил. Все в полном порядке.

– Сейчас мы углубимся в пояс, – сказал Джонни. – В сектор, куда рудокопы отказываются соваться. Поэтому никто из них не согласился поработать нашим проводником. Так что убедись, что все системы готовы к срочному запуску.

Бен что-то буркнул и поковылял прочь. Но в двери он остановился и обернулся.

– Помнишь ту мудреную штуку, которую я купил на распродаже в Сандебаре? – сказал он. – Я еще взял ее не глядя...

Джонни кивнул. Приобретение Рамси стало одной из любимых тем для шуток среди экипажа. Когда они были на Марсе, Бена занесло на знаменитый тамошний рынок – и на глаза ему попала шкатулка, покрытая причудливыми узорами. Узоры так понравились старику, что он не удержался и купил ящичек, даже не взглянув на его содержимое. Бен любил все необычное и чудесное, и диковинные орнаменты, похоже, затронули некую потайную струнку в его душе. Но механизм, который оказался в шкатулке, заинтриговал всю команду – какие-то яркие трубки и множество дисков... Никто так и не смог угадать его назначение. Старый Бен предположил, что это музыкальный инструмент неизвестного происхождения, и, несмотря на дружеские шутки и насмешки команды, упорно настаивал на своей теории.

– Я просто тут подумал... – промямлил Бен, – а может, этой чертовой штуковине нужна радиация, чтобы играть, а?

Джимми усмехнулся:

– Может, и так.

Старик отвернулся и побрел прочь.

2

Боевая тревога

Джордж дал короткий импульс маневровыми двигателями левого борта, корабль накренился, дернулся и поднырнул под астероид, имевший наглость перебежать им дорогу. Джонни успел заметить длинный и острый выступ, который, случись пилоту ошибиться, запросто мог бы распороть обшивку корабля.

Синие вспышки продолжались, теперь у команды «Карен» появилась возможность как следует их разглядеть: перед носовым иллюминатором время от времени возникала дуга голубоватого света, расчерчивающая видимое пространство от края до края и окрашивающая все вокруг в синеватые тона.

– Свет исходит с астероида, – заявил Джордж. – И наш маленький друг ведет нас прямо туда.

И верно, космическая тварь держалась теперь прямо по курсу корабля и явно направлялась к источнику загадочного света.

«Карен» шла на реактивной тяге. Метеоритные экраны то и дело вспыхивали, временами по ним пробегала рябь, когда мелкие, как автоматные пули, осколки астероидов ударялись о щит и тут же превращались в безопасный для корабля газ.

– Что дальше, Джонни? – спросил Джордж.

– Вперед, – ответил капитан. – Держи курс на голубой свет. Посмотрим, что это такое. Но будь готов повернуть назад и броситься наутек при малейшем признаке опасности.

Он вопросительно взглянул на Карен, чтобы получить ее подтверждение. Она кивнула. На губах девушки играла легкая улыбка, глаза горели тем самым огнем, который загорался в глазах Джима Франклина, когда его пальцы ложились на рычаги пульта управления и корабль, грохоча и вздрагивая, опускался на очередную неизведанную планету или устремлялся за пределы исследованных районов космоса.

Несколько часов спустя они были в считанных милях от астероида. Космическая тварь чуть опередила их, опустилась на поверхность и уселась на одном из каменных пиков, окружавших небольшую долину, где и вспыхивал ослепительный голубой свет.

Капитан разглядывал пейзаж малой планеты, от изумления утратив дар речи. Загадочное пламя оказалось вовсе не пламенем. В том смысле, что на астероиде ничего не горело. Свечение исходило от массивной каменной пирамиды.

Но Джонни поразило не это. Ни загадочный свет, ни космическая тварь, рассеявшаяся на скале, ни даже понимание того, что старые сказки оказались правдой, сами по себе не могли бы настолько выбить его из колеи.

Все дело было в пирамиде. Не бывает пирамид естественного происхождения. Природа никогда не проводит прямые линии, а пирамида вся состоит из прямых линий.

– Этого не может быть, – прошептал капитан.

– Джонни, – прозвучал хриплый шепот Джорджа. – Посмотри на самый высокий пик. И то, что прямо над ним.

Джонни перевел взгляд на заостренную скалу. Что-то едва заметно поблескивало в черноте космоса над ее вершиной. словно сияние пирамиды отражалось от полированной металлической поверхности...

Капитан прищурился, напрягая глаза, – и на мгновение, на ускользающе краткое мгновение ему удалось разглядеть, что это блесит.

– Корабль! – воскликнул он.

Джордж хмуро кивнул.

– Целых два, а то три, – заявил он. – Я заметил их минуту назад. Смотри, вот еще один.

Он показал пальцем, и Джонни увидел другой корабль – тот вроде бы повернулся вокруг своей оси, и голубой свет, исходящий от пирамиды, на мгновение отразился от его брони.

Джонни поджал губы. Ему показалось, что кожа его лица натянулась, облекая череп, будто пересохший пергамент.

– «Летучие голландцы», – сказал он, и Джордж кивнул.

Карен отвернулась от иллюминатора и посмотрела на них. В ее чертах вновь отразился страх – щеки побелели, губы стали бескровными. Слова девушки звучали лишь немногим громче, чем шепот:

– Мертвые корабли! Выходит...

Джимми кивнул и закончил за нее:

– Что-то убило их экипажи.

Безымянный ужас добрался до них и ударил по нервам. Чуждый, нечеловеческий страх, который долго ждал своего часа в неизведанных областях пояса астероидов.

– Джонни, – сказал Джордж тихо. – Нам лучше убраться отсюда.

Джонни рванулся к пульту, но в это мгновение раздался крик Карен. Капитан взглянул в бортовой иллюминатор и похолодел: над астероидом, пересекая видимое пространство, мчалась еще одна космическая тварь... Нет – две, три твари. Через несколько мгновений вакуум вокруг корабля буквально кишел ими.

Руки Джонни сами легли на рычаги управления, а в голове его одна за другой пронеслись пугающие мысли. Что-то случилось с теми кораблями! Что-то, из-за чего они остались дрейфовать в космосе и теперь болтаются на орбите астероида с этой пирамидой, увенчанной загадочным пламенем. «Летучие голландцы», космические твари, пылающие камни. Неудивительно, что рудокопы обходят это зловещее место десятой дорогой!

Джонни подал рычаг хода до предела вперед, и в корме корабля оглушительно взревели реактивные двигатели. Корабль задрожал, словно сотрясаемый ударами могучих крыльев, словно некое невидимое существо вцепилось в него зубами и не желало отпустить.

Кровь отлила от лица капитана, сердце пропустило удар. С кораблем творилось что-то неладное.

И тут раздался скрежет рвущегося металла, пронзительный свист вырывающегося из бреши воздуха, хруст прочнейших балок и ферм.

Напряженно прислушиваясь, Джонни уловил глухой стук аварийных переборок, автоматически опустившихся по всему кораблю.

Ракетные двигатели больше не отзывались на его команды. Оторвав взгляд от бесполезного теперь пульта, капитан посмотрел в носовой иллюминатор.

Корабль падал на астероид! Падал в долину с пирамидой, и корона синеватых лучей была теперь прямо под ними!

Огромное крыло, сотканное из языков пламени, на миг затмило собой добрую четверть иллюминатора. Кабину наполнило сине-зеленое сияние, в панелях приборов отразились изумрудное свечение крыла и голубой огонь пирамиды. Причудливые тени замесались по переборкам и бледным лицам людей.

Космическая тварь заложила вираж и спланировала к синему пламени. У Джонни перехватило дыхание. Исполинская тварь была безобразна! Страх ледяной рукой сдавил его сердце: в клюве чудовище держало покореженный кусок металла – согнутую и изломанную балку, вырванную из остова «Карен». А в когтях твари – если только это были когти – был зажат маршевый двигатель корабля.

Беспомощная «Карен» камнем падала на астероид, нос ее был направлен прямо на пирамиду.

За краткий миг, оставшийся до катастрофы, перед глазами Джонни, словно быстро сменяющиеся кадры, промелькнули вся прошлая жизнь и последние трагические события. Тварь

атаковала корабль, разорвала его корму на куски, вырвала ракетные двигатели, выдернула скрепы и балки, словно они были сделаны из соломы. Теперь «Карен» неминуемо рухнет на малую планету и разобьется о камни этой чертовой долины. Бесплезная груда металлолома, в которую она превратится, станет надгробным памятником команде – большая часть людей на борту уже мертва, а троим уцелевшим, Джонни, Карен и Джорджу, осталось жить всего несколько секунд...

Корабль ударился о пирамиду и заскользил по ее гладкой поверхности. Кабину наполнил душераздирающий скрежет металла о камни. «Карен» перекувырнулась через нос, потом еще раз, ударилась растерзанной кормой о подножие пирамиды и замерла, накренившись.

В момент столкновения капитана отшвырнуло в угол. Кое-как ему удалось встать на ноги. Голова кружилась, кровь из рассеченной кожи на лбу заливала глаза, и Джонни почти ничего не видел. Тогда он ощупью стал карабкаться вверх по накренившемуся полу.

И только тут до него дошло самое удивительное – он был жив! От этой мысли у Джонни едва не подкосились ноги. Выжить после такого крушения невозможно, но он был жив... жив, раз способен куда-то ползти.

Он прислушался, но так и не услышал характерного свиста, какой бывает при утечке воздуха. Кабина оставалась герметична.

Чьи-то руки подхватили его под мышки и помогли подняться на ноги. Джонни схватился за спинку надежно закрепленного кресла пилота и встал. Сквозь кровавую муть перед глазами проступило лицо Джорджа. Губы второго пилота шевелились, выдавливая слова:

– Как ты, Джонни?

– Нормально, – пробормотал он. – Не беспокойся за меня. Что с Карен?

– Она цела, – ответил Джордж.

Джонни вытер лоб и огляделся. Карен стояла у накренившейся переборки, опираясь спиной о дверцы шкафчика.

Она заговорила негромко, словно сама с собой:

– Нам отсюда не выбраться. Это невозможно. Мы умрем здесь. А на Земле, на Марсе и на Венере все будут гадать, что же случилось с Карен Франклин и капитаном Джонни Лоджем.

Капитан выпустил спинку кресла, неуклюже скатился по полу туда, где стояла девушка, и грубо встряхнул ее за плечи.

– Прекрати ныть! – прикрикнул он. – Мы обязаны попытаться.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Ты думаешь, у нас есть шанс?

Он слабо улыбнулся:

– А ты как думаешь?

Она покачала головой:

– Мы застряли. Нам никогда не вернуться домой.

– Может быть, – согласился он. – Но нельзя же просто сидеть и ждать смерти. Давай наденем скафандры и выйдем наружу. Снаружи радиация, но нам можно ее не бояться – скафандры покрыты элементом-7. Пока что он нас неплохо защищает.

Карен вздернула подбородок и посмотрела вверх, туда, где прежде находилась корма корабля:

– Люди, которые были там...

Джонни покачал головой:

– Без шансов.

Джордж открыл другой шкаф и вытащил скафандры. Потом остановился и посмотрел на капитана.

– Ты сказал, там радиация, – сказал он. – Ты имел в виду, что синее пламя – это излучение неизвестного типа?

– А что же еще? Чем еще можно объяснить подобное явление?

– Так вот что случилось с другими кораблями, – воскликнул Джордж. – Всех, кто был у них на борту, погубила радиация, ведь они были беззащитны перед ней. Мы уцелели, потому что «Карен» покрыта элементом-7. Но тут откуда-то явилась тварь и разбила наш корабль.

Джонни осенило.

– Те корабли снаружи, – медленно проговорил он, с трудом сдерживая волнение. – Возможно, некоторые из них целы и на ходу...

Джордж уставился на него во все глаза.

– Не слишком на это надейся, Джонни, – предостерег он. – Их наверняка изрешетили метеориты.

– Мы можем их подлатать, – сказал капитан. – Так, задрай люк и оставайся рядом с ним. Нам ничего не грозит, пока скафандры в порядке.

3

Твари пирамиды

Кошмарная долина пирамиды была исполнена некой чужеродной красоты. Единственным источником света служили голубоватые лучи, которые, словно языки пламени, танцевали на вершине массивного каменного сооружения, и в этом свете все вокруг казалось зловещим и жутким, так что даже у самого хладнокровного человека волосы бы встали дыбом.

Адская застава, так мысленно назвал Джонни это место. Одинокий и грозный аванпост тьмы: горизонт, очерченный зубчатными пиками и скальными шпильями, которые подобно копьям вонзались во тьму космоса; корона синего пламени, сдерживающая натиск пустоты и черноты окружающего вакуума. Скалы ловили сияние пирамиды, и казалось, будто они светятся собственным светом. В трещинах и оврагах между окружающими долину пиками лежал лед – газ, замерзший в космическом холоде. Блеск синего пламени разбивался о льдины на миллионы танцующих искр.

На пиках, как на насестах, расположились чудовища. Космические черты. Они не имели ничего общего с живыми существами, известными человеку. Среди них не было и двух одинаковых. Словно злобные демоны, они замерли, нахохлившись, на скалах и молча наблюдали. Танцующие тени делали их и без того кошмарные очертания еще ужаснее. Казалось, это дьяволы собрались в кружок над котлом с грешниками и мрачно размышляют, какую пытку лучше применить.

– Жутковатые зверушки, верно? – проговорила Карен Франклин дрогнувшим голосом.

Одно из созданий раскинуло крылья и взмыло с пика. Из его «ракетных дюз» вырвалось облачко белесого газа и быстро растаяло в вакууме. Тварь набрала высоту и спланировала к пирамиде. На миг чудовище зависло над ее вершиной, а потом спикировало вниз, едва не погрузившись в голубое сияние.

Карен вскрикнула. Джонни смотрел на космическую тварь и не верил своим глазам. Существо менялось! В колеблющемся свете мощной радиации оно на глазах принимало новую форму. Прежние черты его облика сглаживались одна за другой, на их месте появлялись новые. Морда чудовища, ясно видимая в голубом свете, постепенно исчезла, словно с твари сползала маска. Какое-то мгновение существо оставалось совершенно безлико, а потом на месте старой морды стала проступать другая, еще ужаснее, чем прежняя. Новые черты были исполнены ледяной злобы. Так могло бы выглядеть воплощение первозданного зла. Крылья твари тоже менялись, цветные сполохи пробегали по ним; тело исподволь обретало иную форму.

– Сверхбыстрые мутации, – сказал Джонни срывающимся от волнения голосом. – Пламя меняет этих существ. Это что-то вроде перерождения. Они слетаются сюда со всего космоса, чтоб обрести новые тела, а возможно, и новый заряд жизненной энергии. Пламя для них – то ли охотничьи уголья, то ли пища, то ли средство омоложения.

Еще одна тварь спикировала к долине, грациозно уселась на остроконечную скалу и нахохлилась.

В голове Джонни одна за другой рождались догадки.

Мутация! Это означает, что пламя – источник жизни. Что оно содержит в себе нечто, способное вдыхать новую жизнь, а может быть, сколь бы невероятным это ни казалось, – даже породить жизнь! Ученые Земли экспериментируют с различными видами излучений, пытаясь вызвать те или иные мутации у известных науке жизненных форм. Здесь происходит то же самое, только в гораздо большем масштабе.

– Космический источник вечной юности, – раздался в наушниках голос Джорджа, почти точно выразивший мысль Джонни.

Тогда выходит, что пирамида была построена с определенной целью. Но кто ее построил? Чьи руки принесли, вытесали и сложили эти камни? Что за разум задумал возжечь на этом астероиде пламя, которое будет гореть в течение многих тысячелетий, и воплотил эту идею в жизнь?

Уж конечно, пирамиду построили не эти существа, сидящие на скалах, будто на насекомых. Возможно, то была некая странная раса, канувшая в небытие миллионы лет назад. Народ, который был куда могущественнее, чем человечество Земли.

И действительно ли пирамиду возвели с той целью, с которой теперь используют? Может быть, это маяк, который оставлен здесь, чтоб указывать странникам дорогу домой? Или величественный памятник, поставленный в честь какого-нибудь подвига или в память о ком-то?

– Берегись! – заорал Джордж.

Рука Джонни сама метнулась к поясу и выхватила бластер, отрегулированный на стрельбу. Вскинув оружие, он увидел космическую тварь, которая пикировала прямо на них. Казалось, еще немного – и она свалится им на головы. Он выстрелил не целясь, с силой вдавив кнопку огня, и черноту космоса прочертил алый пунктир. Джордж тоже открыл огонь, а Карен все никак не могла вытащить оружие из кобуры скафандра и только всхлипывала от беспомощности и досады.

Разряды бластеров ударили в оживший кошмар, и в небе малой планеты вспыхнул адский огонь. Он поглотил космическую тварь, но сквозь его ослепительное сияние проступали темные контуры ее тела. Выстрелы остановили чудовище, но не уничтожили его, и оно зависло над людьми, пойманное в перекрестный огонь.

Внезапно существо взмыло вверх, за пределы досягаемости человеческого оружия. Потрясенные внезапной атакой, Джордж и Карен смотрели, как пылающая тварь корчится в смертельной агонии и расчерчивает огненным зигзагом черный бархат космоса, окутывающий астероид.

Еще одна тварь сорвалась с пика и бросилась на них. И еще одна. Снова лучи бластеров ударили вверх и поймали чудовище, замедлили его полет, остановили и заставили отступить. Теперь уже три крылатых чудовища танцевали смертельное фанданго⁸ над увенчанной голубым огнем пирамидой.

– Все напрасно, – сказал Джонни тихо. – Они не дадут нам высунуть нос из нашей скорлупы. Если мы сядем в аварийный бот и попытаемся добраться до мертвых кораблей, твари нападут на нас.

Он оглядел горизонт и чудовищ, рассеявшихся на зубчатых скалах. Да, люди были здесь незваными гостями. Похоже, они ступали по священной земле. И естественно, твари пытались прогнать святотатцев. Джонни почудилось, что голубое пламя, тысячелетиями горящее на вершине пирамиды, даже тихонько позванивает, будто хрустальные крылья...

Крылья! С самого начала ему казалось, что в облике тварей есть что-то нелепое, неуместное. Конечно же, это были их крылья. В космосе от них нет никакого прока. Но твари пользуются ими так же, как птицы в земной атмосфере. Джонни чувствовал, что близок к разгадке... Может быть, эти крылья все же имеют какое-то назначение? Или они – пережиток прошлого, тех времен, когда далекие предки этих созданий обитали вовсе не здесь? Возможно, твари происходят с какой-нибудь планеты, где есть, или была, атмосфера? И им по какой-то причине пришлось приспособиться к жизни в космосе? Или эти крылья нужны для редких случаев, когда существа посещают миры людей или иных разумных созданий, прикованных к планетам?

Джонни вспомнил старые мифы о крылатых драконах, некогда бытовавшие на Земле. Может быть, когда-то твари побывали на нашей планете, и древние легенды – это след, который они оставили по себе?

⁸ Испанский танец, сопровождаемый пением и исполняемый под аккомпанемент гитары и кастаньет.

Усилием воли капитан заставил себя сосредоточиться на насущных задачах. Надо взять аварийный бот и найти среди «летучих голландцев» подходящий корабль. Среди всех этих мертвых оболочек, болтающихся на орбите астероида, должна найтись хоть одна, пригодная для перелетов... Хоть одна, которая унесет его, Карен и Джорджа прочь от этого адского пламени. Но пока твари стоят на страже, надеяться не на что.

Если бы все трое выживших могли втиснуться в бот, можно было бы рвануть к «летучим голландцам» на полном ходу, уповая на удачу. Но в боте места хватает только для одного.

Что же делать... Если бы Старый Бен был жив! Бен обязательно что-нибудь бы придумал. Хромой старик с вечно дергающимся лицом. Джонни закрыл глаза, и образ Старого Бена появился перед его внутренним взором. Сведенные судорогой губы шевельнулись: «Я здесь, Джонни».

Джонни подскочил от неожиданности – он на самом деле услышал эти слова в своей голове! Услышал отчетливее, чем если бы они были сказаны вслух.

4

Обновленный Бен

– Кто это сказал? – резко спросила Карен.

– Старый Бен, мэм, – отозвался беззвучный голос. – С вами говорит Старый Бен...

– Но, Бен, – запротестовал Джонни, – ты же был в двигательном отсеке. Ты...

– Ясное дело, Джонни, – сказал голос. – Ты думаешь, что я умер. Наверное, так оно и есть. Я должен был умереть.

Джонни затрясло. Так не бывает. Не бывает, и все. Мертвые не разговаривают.

– Это все радиация, – объяснил Старый Бен. – Она со мной что-то сделала. И теперь вы не видите меня. А я вас вижу, но будто издалека.

– Бен!.. – воскликнула Карен, но беззвучные слова заставили ее замолчать.

– Тяжело говорить. Спешить надо. Рта, чтоб говорить, у меня нету. Ничего нету. Зато я живой. Даже живей, чем раньше. Я *думаю* с вами. И это нелегко, скажу я вам.

Джонни чувствовал, каких усилий стоит Бену поддерживать с ними телепатическую связь. Под забралом шлема на лбу капитана выступил пот и струйками потек по шее – Джонни невольно попытался помочь Бену... или тому, во что старик превратился.

– Музыкальная шкатулка, – по слогам, с долгими паузами, сообщил Рамси. – Музыкальная шкатулка, которую я купил в Сандебаре. Достань ее и открой.

Они ждали, но продолжения не последовало.

– Бен! – завопил капитан.

– Да, Джонни.

– Ты в порядке, Бен? Мы можем что-нибудь для тебя сделать?

– Нет, парень, ничего не надо. Я счастлив. Я наконец-то избавился от своего искалеченного тела, в котором тосковал, как в темнице. Больше мне не придется шаркать и волочить ноги, не придется щеголять с перемазанным машинным маслом лицом. Я его нарочно мазал, чтоб уродство не так видно было. Я свободен теперь и могу летать, где вздумается. Захочу – и буду повсюду разом. Другие тоже здесь, так что одиноко мне не будет...

– Бен! Подожди минутку! – в отчаянии закричал Джонни, но тот ничего не ответил.

Они подождали, но тишина космоса, подобно занавесу, опустилась вокруг них. Долина была царством тишины, голубого света и танцующих теней.

А Джордж тем временем уже бежал к разбитой корме корабля. Джонни кинулся за ним, крикнув Карен:

– Возвращайся обратно в шлюз и жди нас! Там тебе ничего не грозит!

В борту корабля зияла рваная прореха – работа космической твари. Мужчины забрались сквозь нее в кормовой отсек и стали медленно пробираться среди искореженных балок и разбитых переборок. Машинное отделение пребывало в руинах, но ни одного мертвого тела они так и не увидели.

– Радиация, – сказал Джордж. – Она превратила их во что-то вроде... ну, в то же самое, чем стал Старый Бен.

Джонни лихорадочно размышлял. Радиация, которая творит метаморфозы с живыми существами. Дает космическим тварям новый облик и новые тела. Превращает людей в бес-телесные сущности, которые могут переноситься в любое место, куда пожелают, и даже быть одновременно везде!

А значит, даже если все сложится хуже некуда, у троих уцелевших с «Карен» все равно останется путь к спасению. Путь, который потребует смелости, на котором придется пройти через большие испытания, но самое главное, что он существует. Это новый путь, дорога к иным формам жизни, жизни, которая много лучше, чем та, которая есть у них сейчас. Старик Бен

сказал, что он счастлив... вот что в первую очередь имеет значение. Просто содрать скафандры и незащищенными выйти в ослепительный свет пламени...

Джонни в сердцах обругал себя. Так не пойдет. Одно дело – воспользоваться этим выходом, если не останется никакого другого, если исчезнет всякая надежда на спасение, но добровольно решиться на такое... Ну уж нет. Вот если исчезнет всякая надежда спастись, тогда, возможно, стоит попробовать.

Они нашли странную музыкальную шкатулку и совместными усилиями вытащили ее наружу. Это оказалось не так-то просто: ящичек оказался тяжелым даже в условиях низкой гравитации астероида, а ручек, за которые можно было бы ухватиться, на нем не было.

Снаружи, перед самым шлюзом, они вскрыли крышку. И тотчас же мир вокруг наполнился музыкой. Она состояла не из звуков, а из ритмичной пульсации, из биения, которое ощущал каждый. Музыка заставляла сердце сжиматься от острой тоски, музыка так и звала пуститься танцевать, музыка перебирала чувствительные струны души легкими серебристыми пальцами. И струны плакали, струны рождали высокие и чистые ноты, похожие на радостный звон колокольчика, струны пели, как ветер над водой, и гудели, словно большой барабан. Музыка заполняла собой весь мир, бередила все чувства, взывала к пониманию.

Джонни оглянулся на Карен. Лицо девушки за забралом шлема казалось бледным овалом.

Она поймала его взгляд и воскликнула:

– Как красиво!

– Это снова радиация, – сказал Джордж, задыхаясь. – Старый Бен был прав. Эта штука играет, когда попадает под действие радиации.

– Посмотрите на тварей! – крикнул Джонни.

Твари по-птичьи, вприпрыжку со всех сторон ковыляли к кораблю. Они снимались со своих высоких скалистых насестов, планировали к поверхности, тяжело опускались и спешили дальше уже по каменному ложу долины.

Джордж и Джонни вытащили пистолеты из кобуры и стали ждать. Твари подобрались ближе и замерли, образовав ровный полукруг перед разбитым кораблем. В каждом изгибе их жутких тел чувствовалось напряженное внимание и восхищение. Землян чудовища будто бы вовсе не замечали. Неподвижные, словно вырезанные из камня, они слушали хвалебную песнь, которая разносилась из металлической шкатулки.

Джонни немного успокоился, однако продолжал крепко сжимать рукоять бластера. Музыкальная шкатулка, похоже, совершенно заморозила тварей – они сидели, будто загипнотизированные.

Джонни сказал Джорджу и Карен:

– Пока звучит музыка, они не двинутся с места. Залезайте в шлюз и смотрите в оба. Нельзя упускать такой возможности.

– Что ты собираешься делать? – спросила Карен, в ее голосе было беспокойство.

– Один аварийный бот левого борта уцелел, – ответил Джонни. – От остальных мало что осталось. Я возьму его и посмотрю, что там с кораблями. Это наш единственный шанс.

– Я тебе помогу, – предложил Джордж.

Джонни не ответил ему и повернулся к Карен:

– Пожалуйста, будь осторожна.

– И ты тоже, Джонни. Береги себя, хорошо?

Корабль был стар. Ему было не меньше тысячи лет, но на вид он казался вполне пригодным для перелетов. Обшивка в порядке, реактивные двигатели в целостности и сохранности. Метеорит пробил дыру размером с ладонь в рубке управления, но удар не затронул ни одного прибора, а заделать пробоины в обшивке труда не составит. Конечно, таких дыр в космосе

могло оказаться немало, но это не имело значения. Главное, чтобы не пострадало ходовое оборудование. На таких кораблях оно, как правило, самое примитивное: топливные баки, камера сгорания и дюзы. Просто, как апельсин.

Джонни подошел к пульту управления и осмотрел приборы, рычаги и кнопки. Смотреть было особенно не на что. В те дни, когда это корыто отправилось бороздить космические просторы, корабли представляли собой простейшие ракеты, не более.

Но этот корабль сохранился лучше прочих. Три других, которые осмотрел Джонни, были повреждены так, что не починишь. В одном были разбиты топливные реакторы. В другом метеориты изрешетили обшивку и вдребезги разнесли пульт управления. У третьего перекосилась одна из дюз.

Джонни вернулся к открытому шлюзу и взглянул на астероид, медленно поворачивающийся внизу. Долина пирамиды с ее голубым сиянием как раз выплывала из-за горизонта, и казалось, будто в маленький мирок пришел рассвет.

Через люк в переборке капитан прошел в кормовой отсек. Надо было взглянуть на топливные реакторы и другое оборудование, чтоб убедиться, что все в порядке. И следовало потопиться. Карен и Джордж, оставшиеся внизу, в залитой светом голубого пламени долине, наверняка переживают. Капитан без труда мог представить себе, каково им теперь: их мучительные опасения, страхи и надежды.

Люк со скрипом открылся, и Джонни шагнул в жилые помещения ракеты.

Кормовой отсек вовсе не казался заброшенным. Он ничуть не изменился с того дня, как капитан этого корабля, привлеченный светом синего пламени, изменил курс и направился вглубь пояса астероидов. Люди на борту попались в расставленную ловушку точно так же, как и экипажи остальных «летучих голландцев», кружащих над малой планетой. Радиация лишила их человеческого облика, но, возможно, не тронула человеческие мечты, стремления и надежды. Все они были авантюристами. Увидев необычное пламя, они отправились взглянуть на него поближе, но не смогли вернуться.

На полу валялись осколки посуды – должно быть, она упала со стола и полок при попадании метеорита. Постели стояли неубранные – должно быть, в свои последние минуты люди вскочили с них и бросились к иллюминаторам посмотреть на загадочный свет.

Вдруг Джонни посетило неприятное чувство, будто за ним наблюдают. Он замер и настороженно прислушался, положив руку на бластер.

А потом он рассмеялся, хрипло и горько. Нервы расшатались, только и всего! Здесь никого нет и не может быть. Никого, кроме призраков людей, которые обитали в этой посудине десятков веков назад. Последняя мысль заставила Джонни снова насторожиться. А вдруг призраки старой команды все еще на борту? А вдруг существа, в которых превратила людей радиация, так и остались здесь и теперь наблюдают за ним?

Капитан взял себя в руки и пошел дальше, но страх незримо крался за ним по пятам, маленький насмешливый страх, который издевался над ним и гнусно хихикал.

Топливные реакторы были исправны, камеры сгорания выглядели неповрежденными. Осмотр корабля снаружи, из аварийного бота, убедил Джонни, что дюзы сохранились в целости. Можно отправляться в путь.

Он вернулся назад, в жилые помещения, и остановился на пороге. Посмотрел на рабочий стол. Может быть, поискать боржурнал? Время есть. Возможно, удастся узнать что-нибудь полезное, например, как звали капитана и членов экипажа, пункт назначения корабля и порт его приписки на Земле...

Джонни заколебался. Стол притягивал его, словно магнитом. Отбросив сомнения, капитан порывисто шагнул вперед... и наткнулся на невидимую преграду. Препятствие чуть прогнулось перед ним, но тут же упруго воспротивилось.

Джонни шарахнулся назад. Сердце его отчаянно колотилось, руки и ноги похолодели от страха, волна панического ужаса затуманила сознание. Но рефлексы работали как часы. Тело само отреагировало на опасность: правая рука выдернула бластер из кобуры, Джонни попятился, настороженный, как кошка, готовый в любую секунду встретить врага.

Он не запомнил, как пробирался из жилого отсека обратно в рубку, а оттуда осторожно пятился к люку, ведущему в шлюз. Однако у шлюза Джонни все же остановился. Может, ему лишь показалось, ему лишь почудилась невидимая преграда там, в жилом отсеке? Может, там ничего и не было? Космос иногда шутит с людьми странные шутки. Джонни был нужен этот корабль. Ему и Карен с Джорджем, которые ждали внизу, на астероиде. Он не мог позволить себе бежать без оглядки, испугавшись собственных фантазий.

Капитан выглянул через открытую диафрагму люка. Внизу проплывала долина пирамиды. Где-то там должна была быть разбитая «Карен», но, сколько Джонни ни вглядывался, игра трепещущих теней, не прекращающаяся ни на мгновение, не давала ничего рассмотреть.

Тогда он повернулся на каблуках, шагнул в рубку... и налетел прямо на невидимую стену. Преграда пружинила и прогибалась, пытаясь его засосать. Джонни стал вырываться, пинать невидимого врага тяжелыми ботинками, молотить кулаками. Освободившись, он шарахнулся к люку, замер, балансируя на его кромке, поднял бластер и нажал на кнопку огня. Из дула вырвалось алое пламя и захлестнуло рубку. В рубке что-то вспыхнуло, и среди бушующего огня капитану на миг удалось различить своего врага – корчащийся в агонии изменчивый силуэт, тошнотворный и омерзительный.

Разгадка как громом поразила капитана. Должно быть, какое-то невидимое животное сделало из опустевшего корабля логово и залегло там в спячку. Оно жило там и оставалось недоступным для взглядов до тех пор, пока горячее дыхание бластера не опалило его и языки пламени не облизали его отвратительную тушу.

Отдача от бластера толкнула Джонни назад, он не удержал равновесия и выпал в открытый космос. Улетая прочь от корабля, он видел, как его враг – огромная пылающая туша – пытается вслед за ним выбраться наружу через люк. Выругавшись сквозь зубы, Джонни прицелился и до упора вдавил кнопку огня. Отдача ударила в руку, и он закувыркался в невесомости, не в силах остановиться.

Когда его снова развернуло лицом к кораблю, он увидел, что за иллюминаторами жилого отсека бушует пламя. Охваченное огнем чудовище в агонии металось по всему кораблю. Потом Джонни по инерции перевернулся через голову и потерял корабль из виду. И тут невидимые руки подхватили его и плавно оттолкнули прочь от «летучего голландца». Джонни закрутило пуще прежнего, и во время очередного кувырка он увидел, как на месте корабля распускается огромный алый цветок и его огненные лепестки тянутся во все стороны.

Корабля больше не было. В одном из реакторов, должно быть, оказалась небольшая трещина, и, когда горящий монстр добрался до машинного отделения, топливо сдетонировало. В тот же миг взорвались и остальные реакторы. Бесшумный взрыв превратил корабль в тучу мелких обломков, которые мерцали в черноте космоса, словно желтые и голубые языки пламени.

Джонни медленно плыл в космической пустоте. Продуманно используя бластер, ему удалось прекратить вращение, но мысли по-прежнему кружились в безумной пляске.

Он тряхнул головой и попытался трезво оценить ситуацию.

Корабль погиб. Аварийный бот тоже перестал существовать. А сам капитан Джонни Лодж беспомощно дрейфовал в открытом космосе.

5

Один в космосе

Далеко внизу под ногами Джонни медленно вращался астероид. Капитан видел долину, освещенную дрожащим голубым пламенем. Долину, где его ждали товарищи. Люди, которые надеялись на него. А он все испортил!..

Джонни было тошно думать об этом. От досады на себя в горле встал тугой ком, рассудок отказывался рассуждать здраво.

Что ж, единственное, что оставалось, – это вернуться на астероид и умереть вместе со своими друзьями. Уж это-то было капитану по силам.

Джонни поднял бластер и осмотрел его. Если использовать оружие как реактивный двигатель, можно спуститься вниз, в долину.

Тщательно выверив направление, он нажал на кнопку огня. Из дула вырвалось пламя, и Джонни стал двигаться к астероиду. Он прикинул, как подкорректировать курс, и снова выстрелил. Но на сей раз никакой отдачи не последовало. Должно быть, бластер разрядился. Джонни лихорадочно стал искать вторую обойму. Обычно на поясах скафандров висело по три запасных обоймы к бластеру. Но у него не оказалось ни одной. Кто-то не позаботился укомплектовать скафандр.

Джонни дрейфовал к астероиду. Пока еще он двигался очень медленно, но рано или поздно гравитация малой планеты подхватит его. Капитан понимал, что поверхности ему не достичь – силы притяжения на это не хватит. Он станет вращаться вокруг астероида по орбите, превратится в еще один спутник каменной глыбы, источающей голубое сияние. Наравне с мертвыми кораблями.

Он закрыл глаза и попытался отогнать прочь отчетливое видение собственного будущего. Можно, рассуждал он, отшвырнуть в нужном направлении пистолет, это придаст дополнительный импульс. Еще можно расстегнуть пояс с инструментами и отправить его туда же. Однако все это бесполезно. До астероида слишком далеко. Капитану Лоджу не оставалось ничего, кроме как ждать неизбежной смерти.

Жизнь и смерть в космосе! Джонни коротко и горько рассмеялся. В межпланетном пространстве есть жизнь, что бы там ни утверждали скептики. Космические твари и невидимое существо там, на корабле... И бог знает, какие еще формы жизни. Жизни, которая старается держаться поближе к поясу астероидов и время от времени совершает паломничество к голубому пламени на вершине загадочной пирамиды.

Может быть, эта жизнь имеет в основе своей кварц. А может быть, и нет, иначе как объяснить мгновенное воспламенение тканей при попадании из бластера. Вероятно, здесь происходят некие межзвездные химические процессы, о которых даже не подозревают земные ученые.

Мифы космоса... Истории, которые рассказывают чокнутые рудокопы с астероидов, когда возвращаются домой из долгих путешествий. Оказывается, все это правда. Пламя, которое горит на вершине пирамиды. Пламя, которое дает новую жизнь и новые тела. Возможно, пламя – безмолвный хранитель всей жизни внутри Солнечной системы. Возможно, оно и есть та самая великая и вечная «искра жизни», которая горит во всяком существе. И пока пламя горит, в Солнечной системе существует жизнь. А когда погаснет – она исчезнет. Радиация, которую пламя излучает, пронизывает всю Солнечную систему, вдыхая в нее жизнь.

Джонни снова рассмеялся. Может, он уже сходит с ума? Что ж, тем легче будет умирать. Здесь, в пустоте, проще понять, проще поверить своим глазам, проще принять истину.

Скоро родится новый миф. Миф о музыке. Шкатулка внизу будет играть и играть... Возможно, до тех пор, пока не угаснет синее пламя. Лорелея космоса, сирена астероида!

Музыка, которая очаровывает монстров... Может быть, существует – должна существовать! – какая-то связь между шкатулкой и пламенем, шкатулкой и жуткими тварями. Если кому-нибудь удастся разгадать, в чем же она состоит, он узнает ответы на множество вопросов. Но капитану Лоджу их узнать не суждено. Потому что он погибнет в космосе и все вопросы умрут вместе с ним.

Вдруг в долине пирамиды мигнул алый огонек. Погас, потом вспыхнул снова – вытянутая красная искорка, которая поднималась все выше и выше. Джонни уставился на нее, затаив дыхание и не решаясь поверить своим глазам. Тонкий огненный карандаш уверенно набирал высоту, все больше удаляясь от каменной глыбы астероида.

Кто-то использовал бластер, как ракетный двигатель, чтобы прийти на помощь Джонни!
Джордж! Старый добрый Джордж!

– Джордж! Эй, Джордж! – заорал Джонни, обезумев от радости.

Но кричать было бессмысленно. Джордж ничего не услышит. Второй пилот поступил безрассудно и глупо, когда отправился на поиски капитана. Космос темен и безграничен, а человек – так мал. Джордж никогда не найдет его. Никогда.

Однако алый огонек направлялся прямо к Джонни. Джордж знал, куда лететь. А потом капитана осенило: фонарь на шлеме! Ну конечно!

Джонни понял, что спасен. От облегчения силы совсем оставили его. Впрочем, он все равно ничего не мог поделать. Ему оставалось только ждать.

Красный карандаш быстро приближался. Иногда он исчезал, но через несколько мучительно долгих минут вспыхивал снова. Должно быть, это Джордж перезаряжал бластер.

Вскоре в свете огня, вырывающегося из бластера, Джонни уже удалось разглядеть скафандр своего спасителя. Луч чуть изменил направление – тот, кто летел на выручку, скорректировал курс и полетел прямо к капитану. Джонни распахнул объятия и приготовился поймать его. Подождав, когда Джордж приблизится, он схватил его за пояс и притянул к себе. Внутри капитанского скафандра раздался скрежет – металлическая перчатка второго пилота вцепилась в его собственный ремень.

– Джордж, – сказал Джонни. – Черт возьми, ты с ума сошел. Но все равно спасибо.

А потом лицевые щитки шлемов сошлись, и Джонни смог разглядеть своего спасителя. Но им оказался вовсе не Джордж. Это была Карен Франклин.

– Ты?! – воскликнул он.

– Пришлось, – сказала Карен. – Джордж хотел лететь сам, но я велела ему остаться. Если б мне не удалось добраться до тебя... если бы что-то случилось, он бы что-нибудь придумал и выручил нас. А я бы не смогла. Так что спасать тебя отправилась я.

– А зря! Не надо было обо мне беспокоиться! – зло сказал Джонни. – Заслужил свою участь. Я нашел подходящий корабль и сжег его. И аварийный бот вместе с ним. Я уничтожил нашу последнюю надежду.

– Стоп! – резко перебила его Карен. – Джонни Лодж, немедленно прекрати болтать чепуху! Мы еще не проиграли. Я взяла запасные обоймы. Вокруг полным-полно брошенных кораблей, и мы можем добраться до них при помощи бластеров!

Некоторое время они упрямо смотрели друг другу в глаза через забрала шлемов. Потом Джонни немного успокоился.

– Ты все такая же, Карен, – проговорил он.

– И это все? Все, что ты можешь мне сказать?

– Нет, – ответил он. – Не все. Я люблю тебя.

Джонни склонился над пультом управления и тщательно осмотрел его. Корабль полетит. Конечно, по пути его наверняка придется постоянно подлатывать и подваривать, но, если в него не угодит огромный метеор, все будет нормально. Джонни выглянул в иллюминатор и

погрозил космосу кулаком. Ему почудилось, что пространство ехидно захихикало над ним в ответ.

– Джонни! – услышал он голос Карен. – Посмотри, что я нашла!

Джонни вздохнул и стал пробираться через загроможденную рубку в жилой отсек. Наверняка, думал он, очередная находка – это какая-нибудь старинная книга или антикварная мебель. В прошлый раз Карен откопала подшивку древних журналов пятисотлетней давности и киноаппарат с заряженной в него лентой, которая, возможно, неплохо сохранилась.

Но он ошибся. Это оказалась не книга и не антиквариат. Карен стояла у люка в грузовой трюм. Джонни торопливо подошел ближе и заглянул вниз. Трюм был полон мерцающей руды. Руды, которая переливалась и сверкала в свете фонарей, укрепленных на шлемах скафандров. Незнакомой руды, хотя за время скитаний по Солнечной системе капитан Лодж успел повидать немало разных полезных ископаемых.

Он спустился по трапу, подобрал кусок руды и присмотрелся.

– Золото? – спросила Карен. – Серебро?

У Джонни перехватило дыхание.

– Ни то ни другое, – ответил он. – Элемент-семь.

– Элемент-семь! – ахнула Карен. – Тут его хватит на дюжину кораблей! Даже больше!

В бортжурнале должно быть записано, где этот груз был взят на борт. Возможно, на каком-нибудь одиноком астероиде. А может быть, на одной из лун Юпитера. Или даже за пределами Солнечной системы.

Джим Франклин не был первооткрывателем элемента-7. Бесстрашные космопроходцы нашли удивительную руду давным-давно, пять веков назад, но по дороге домой с ними случилось несчастье. И дочь Джима Франклина, обыскав трюмы погибшего корабля, подарит миру давно утерянный секрет месторождения элемента-7.

– Мы построим новый корабль, – пообещала Карен. – Мы организуем новую экспедицию и найдем залежь.

Джонни швырнул кусок руды обратно и встал.

– Иди-ка в шлюз, – сказал он. – И посигналь Джорджу, чтоб поднимался к нам. Он, наверное, уже заждался там.

– Что ты собираешься делать?

Джонни усмехнулся.

– Приготовлю это ржавое корыто к старту. Как только Джордж будет на борту, отправляемся в путь. Мы доставим на Землю самый ценный груз, какой только привозили из космоса.

Подарок

Он нашел эту вещь на ежевичной поляне, когда искал коров. Среди высоких тополевых стволов спустились сумерки, и он не мог разглядеть хорошенько, что это такое, да ему некогда было рассматривать, так как дядя Эб очень сердился, что две телки пропали; и если он не поторопится найти их, то дядя Эб опять возьмет ремень и накажет его. А ему и так придется остаться без ужина, потому что он забыл сходить к роднику за водой; и тетя Эм ворчала на него весь день за то, что он не наловчился полоть огород.

– Я никогда в жизни не видывала такого никчемного мальчишки, – визгливо начинала она и повторяла, что уж если они с дядей Эбом взяли его из приюта, то она вправе ожидать от него благодарности. Но никакой благодарности он не чувствует, а зато причиняет столько неприятностей, сколько может, и он лентяй, и она откровенно заявляет, что не знает, что из него получится.

Он нашел телок в дальнем углу пастбища, у рощи, и погнал их домой. Он брел позади них, снова думая о том, чтобы убежать, но знал, что не убежит, – некуда. «Правда, – говорил он себе, – в любом другом месте ему будет лучше, чем у тети Эм и дяди Эба, которые совсем не были ему родственниками – просто люди, на которых он работал».

Дядя Эб только кончил доить, когда он вошел в сарай, гоня обеих телок; и, конечно, сердился на него за то, что телки не пришли вместе с остальными коровами.

– Ну вот что, – сказал дядя Эб, – ты, наверное, решил, что я должен доить и за себя, и за тебя, и все потому, что ты не считал коров, как я тебе велел, и не видел, все ли на месте. Я тебя проучу: садись и дои этих телок.

И Джонни взял треногую табуретку и ведро и стал доить телок: а телок доить трудно, и одна из них, рыжая, брыкнула и ударила Джонни в живот, а все молоко вылилось из ведра.

Дядя Эб, видя это, снял ремень, висевший за дверью, и хлестнул Джонни несколько раз, чтобы научить его быть поосторожнее и показать ему, что молоко стоит денег; и на этом дойка закончилась.

Они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал насчет мальчишек, от которых больше хлопот, чем пользы. А тетя Эм встретила их на пороге и сказала, чтобы Джонни вымыл ноги, перед тем как ложиться спать: она вовсе не хочет, чтобы он пачкал ее красивые, чистые простыни.

– Тетя Эм, – сказал он, – я ужасно хочу есть.

– Неужто? – возразила она, поджимая губы. – Если бы ты немножко проголодался, то не стал бы забывать всего на свете.

– Только кусочек хлеба, – попросил Джонни. – Без масла, безо всего. Просто кусочек хлеба.

– Молодой человек, – сказал дядя Эб, – ты слышал, что сказала твоя тетя? Вымой ноги, и марш ложиться.

– И смотри, вымой хорошенько, – прибавила тетя Эм.

Он вымыл ноги и лег. Уже в постели он вспомнил о том, что видел на ежевичной поляне, и вспомнил также, что не сказал об этом ни слова, так как дядя Эб и тетя Эм все время бранились и не дали ему случая рассказать.

И он тут же решил, что не скажет им ничего, не то они отнимут это у него, как всегда. А если не отнимут, то испортят так, что ему станет совсем неинтересно и неприятно.

Единственное, что принадлежало ему по-настоящему, был старый перочинный ножик с обломанным лезвием. Ножик нужно было бы заменить новым, но он знал, что не должен просить об этом. Однажды он попросил, и дядя Эб и тетя Эм целыми днями потом твердили ему, что он неблагодарное существо, что они взяли его с улицы, а ему этого мало, и он еще

хочет швырять деньги на перочинные ножи. Джонни очень удивился, услышав, что они взяли его с улицы, так как, насколько он помнил, он никогда не бывал ни на какой улице – никогда.

Лежа в постели, глядя в окно на звезды, он задумался о том, что видел на ежевичной поляне, и не мог вспомнить об этом ясно, так как не успел рассмотреть. Но в этой находке было что-то странное, и чем больше он думал, тем больше ему хотелось побежать на ту поляну.

«Завтра, как только мне удастся, – подумал он, – я разгляжу». Потом он понял, что завтра ему не вырваться, потому что тетя Эм с утра заберет его полоть огород и не будет спускать с него глаз, так что ускользнуть он не сможет.

Он лежал и думал об этом, и ему стало ясно как день, что если он хочет посмотреть, то должен пойти туда сейчас, ночью. По храпу он понял, что дядя Эб и тетя Эм уснули; тогда он выскользнул из постели, поскорее надел рубашку и штаны и осторожно прокрался по лестнице вниз, стараясь не попадать на самые скрипучие ступеньки. В кухне он взобрался на стул, чтобы дотянуться до ящика со спичками на верхушке печи. Он захватил пригоршню спичек, но, подумав, вернул все, кроме полудюжины, так как боялся, что тетя Эм заметит, если он возьмет слишком много.

Он вышел. Трава была холодная, мокрая от росы, и он закатал штаны повыше, чтобы не вымочить их внизу, и тогда пустился через пастбище.

В роще были страшные колдовские места, но он не очень боялся, хотя нельзя идти ночью по лесу и не бояться вовсе.

Наконец он достиг ежевичной поляны и остановился, размышляя, как перебраться через нее в темноте, не изорвав одежды и не исколов себе босых ног. И он задумался над тем, здесь ли еще это что-то, и тотчас же узнал, что оно здесь, ибо почувствовал идущую от него дружественность, словно оно говорило, что оно здесь и что его не нужно бояться.

Он был слегка встревожен, так как не привык к дружескому отношению. Его единственным другом был Бенни Смит, его сверстник, и он встречался с Бенни только в школе, да и то не всегда, потому что Бенни часто болел и целыми неделями оставался дома; а так как Бенни жил на другом конце школьного округа, то на каникулах они совсем не виделись.

Тем временем глаза Джонни привыкли к темноте на ежевичной поляне, и ему показалось, что он различает темные очертания чего-то, лежащего здесь; и он пытался понять, каким образом может ощущать дружественность, так как был уверен, что это только предмет, вроде фургона или силосорезки, а совсем не что-нибудь живое. Если бы он подумал, что оно живое, то испугался бы по-настоящему.

Оно продолжало давать ему ощущение дружественности.

Он протянул руки и начал раздвигать кусты, чтобы пробраться поближе и рассмотреть. Если удастся подойти ближе, подумал он, то он сможет зажечь спичку и посмотреть яснее.

– Стой, – сказала дружественность, и он остановился, хотя совсем не знал, слышал ли это слово. – Не смотри на нас и не подходи слишком близко, – сказала дружественность, и Джонни тихонько зашептал в ответ; он совсем не смотрел.

– Хорошо, – сказал он, – я не буду смотреть. – И подумал, что это, наверно, такая игра, как в прятки у них в школе.

– Когда мы подружимся совсем, тогда сможем смотреть друг на друга, и все будет хорошо, потому что мы будем знать, какие мы внутри, а какие мы снаружи – это не будет важно.

И Джонни подумал, что они должны быть очень страшными, если не хотят, чтобы он видел их; и они ответили:

– Мы покажемся страшными тебе, ты покажешься страшным нам.

– Тогда, может быть, – сказал Джонни, – это и хорошо, что я не вижу в темноте.

– Ты не видишь в темноте? – спросили они, и Джонни сказал, что не видит, и наступило молчание, хотя Джонни слышал, как они удивляются тому, что он не умеет видеть в темноте. Потом они спросили, что он умеет делать, но он так и не смог понять их, и в конце концов они,

должно быть, подумали, что он не умеет делать ничего. – Ты боишься, – сказали они ему. – Нас не надо бояться.

И Джонни объяснил, что не боится их, какими бы они ни были, ведь они отнеслись к нему дружески; но он боится того, что станется, если дядя Эб и тетя Эм узнают, что он украдкой ушел из дома. Тогда они стали расспрашивать его о дяде Эбе и тете Эм, и Джонни попытался объяснить, но они не понимали и, кажется, думали, что он говорит о правительстве, – было ясно, что они не понимают его. Наконец очень вежливо, чтобы они не обиделись, мальчик объявил, что ему пора уйти.

Так как он пробыл здесь гораздо больше, чем собирался, Джонни пришлось бежать всю дорогу домой. Вернувшись, он благополучно юркнул в постель, и все было хорошо. Но утром тетя Эм нашла спички у него в кармане и прочла ему нотацию об опасности сжечь амбар. Дабы подчеркнуть свои слова, она стегала его розгой по ногам, да так сильно, что он подпрыгивал и кричал, как ни старался стерпеть.

Весь день он работал на прополке огорода, а перед самыми сумерками пошел загонять коров.

Ему не пришлось делать крюк, чтобы попасть к ежевичной поляне, – коровы были именно в той стороне, но он, если бы они пошли в другую сторону, все равно завернул бы сюда, ибо целый день вспоминал о дружественности, которую ощутил там.

На этот раз было еще светло, сумерки только начинались, и он увидел, что его находка была вовсе не живая, а походила на глыбу металла, вроде двух сложенных вместе тарелок, с острым пояском вокруг, совершенно как у тарелок, сложенных вместе доньшками наружу. И этот металл казался старым, словно лежал здесь уже давно, и был весь в ямках, как часть машины, долго пролежавшая под открытым небом.

Станный предмет проложил себе довольно длинную дорогу сквозь чащу ежевики и врезался в землю, пропахав метров двадцать, и, проследив его путь, Джонни увидел, что обломана верхушка высокого тополя.

Они заговорили опять, как и тогда, ночью, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни не понял бы этого последнего слова, никогда не встречавшегося ему в учебниках.

Разговор начался так:

– Теперь ты можешь взглянуть на нас, но немного. Не смотри пристально. Взгляни и отвернись. Постепенно ты привыкнешь к нам.

– Где вы? – спросил Джонни.

– Вот здесь, – ответили они.

– Там, внутри? – спросил Джонни.

– Здесь, внутри, – ответили они.

– Тогда я не могу вас увидеть, – сказал Джонни. – Я не могу видеть сквозь металл.

– Он не может видеть сквозь металл, – сказал один из них.

– Не может видеть, когда звезда зашла, – сказал другой.

– Значит, он не может увидеть нас, – сказали оба.

– Вы можете выйти, – предложил Джонни.

– Не можем, – ответили они. – Мы умрем, если выйдем.

– Значит, я не могу даже увидеть вас?

– Ты не можешь даже увидеть нас, Джонни.

И он почувствовал себя страшно одиноким, потому что никогда не увидит этих своих друзей.

– Мы не поняли, кто ты такой, – сказали они. – Расскажи нам о себе.

И потому что они были такие ласковые и дружелюбные, он рассказал им, кто он; и как он был сиротой, и как его взяли дядя Эб и тетя Эм, которые совсем не были ему родными. Он не говорил о том, как дядя Эб и тетя Эм плохо обращаются с ним, как бьют его, бранят и

отсылают спать без ужина. Его друзья поняли это так же, как и то, что он говорил им, и теперь они посылали ему больше чем дружеское, товарищеское чувство. Теперь это было сострадание и нечто, означавшее у них материнскую любовь.

– Это еще ребенок, – сказали они друг другу.

И они словно вышли к нему, обняли и крепко прижали к себе. Джонни упал на колени, сам того не замечая, и протягивал руки к тому, что лежало среди поломанных кустов, и звал их, словно это было чем-то, что он мог схватить и удержать, – утешением, которого он никогда не видел, которого жаждал и которое нашел наконец. Его сердце кричало и молило о том, что он не мог высказать словами. И они ответили ему:

– Нет, Джонни, мы не покинем тебя. Мы не можем тебя покинуть, Джонни.

– Вы обещаете? – спросил Джонни.

– Нам незачем обещать, Джонни. Наши машины сломаны, и мы не можем их исправить.

Один из нас умирает, другой скоро умрет.

Джонни стоял на коленях, и слова медленно доходили до его сознания. Он начинал понимать сказанное, и это было больше, чем он мог вынести: найти двоих друзей, когда они близки к смерти.

– Джонни, – сказали они ему.

– Да, – отозвался Джонни, стараясь не плакать.

– Хочешь поменяться с нами?

– Поменяться?

– Скрепить нашу дружбу. Ты дашь нам что-нибудь, и мы дадим тебе что-нибудь.

– Но, – начал Джонни, – у меня ничего нет...

Но тут он вспомнил: у него есть ножик – неважный ножик со сломанным лезвием, но больше у него ничего не было.

– Прекрасно, – сказали они. – Это как раз то, что нужно. Положи его на землю, поближе к машине.

Он достал ножик из кармана и положил у самой машины. И тогда что-то произошло, так быстро, что он не успел увидеть, – но, как бы то ни было, ножик исчез, а вместо него лежало что-то другое.

– Спасибо, Джонни, – сказали они. – Хорошо, что ты поменялся с нами.

Он протянул руку и взял то, что они дали ему, и даже в темноте оно загорелось скрытым огнем. Он пошевелил его на ладони и увидел, что это что-то вроде многогранного кристалла и что сияние идет изнутри, а грани сверкают множеством разноцветных бликов. Только теперь, увидев, как ярко светится этот кристалл, он понял, как долго пробыл здесь. Поняв это, он вскочил и побежал, не успев даже попрощаться.

Было уже слишком темно, чтобы искать коров, и он надеялся, что они пошли домой сами и что он сможет догнать их и прийти вместе с ними. Он скажет дяде Эбу, что две телки ушли за ограду и ему пришлось искать их и загонять обратно. Он скажет дяде Эбу... он скажет... он скажет...

Дыхание у него прерывалось, и сердце билось так, что он весь вздрагивал, и страх вцепился ему в плечи – страх перед своим ужасным проступком, перед этим последним непростительным проступком после всех прочих, после того как он не пошел к ручью за водой, после двух телок, упущенных вчера вечером, после спичек в кармане.

Он не нагнал коров, идущих домой без него, а нашел их в коровнике, увидев, что они уже выдоены, и понял, что пробыл на поляне слишком долго и что ему будет гораздо хуже, чем он думал.

Он направился к дому, весь дрожа от страха. В кухне был свет, дядя и тетя ждали его. Он вошел в кухню – они сидели у стола, глядя на него, ожидая его, и лица у них в свете лампы были суровыми и жесткими, как могильные плиты.

Дядя Эб встал – огромный, почти до потолка, и видно было, как мускулы вздуваются у него на руках, на которых рукава засучены по локоть.

Он потянулся к Джонни. Тот хотел увернуться, но руки сомкнулись у него на затылке, обхватили шею, подняли и затрясли.

– Я тебя научу, – говорил дядя Эб свирепо сквозь стиснутые зубы. – Я тебя научу... Я тебя научу...

Что-то упало на пол и покатилося в угол, оставляя за собой огненный след.

Дядя Эб перестал трясти его, подержал в воздухе, потом бросил на пол.

– Это выпало у тебя из кармана, – сказал он. – Что это такое?

Джонни отшатнулся, покачивая головой.

Он не скажет им, что это такое. Не скажет никогда. Пусть дядя Эб делает с ним что угодно, но он не скажет. Пусть даже они убьют его.

Дядя Эб шагнул к кристаллу, наклонился и поднял его. Он вернулся к столу, положил на него кристалл и наклонился, разглядывая его разноцветные сверкания.

Тетя Эм подалась вперед на стуле, чтобы тоже взглянуть.

– Что это? – произнесла она.

Они склонились над кристаллом, пристально разглядывая его. Глаза у них блестели и светились, тела напряглись, дыхание стало шумным и хриплым. Случись сейчас светопреставление, они не заметили бы его.

Потом они выпрямились и обернулись к Джонни, не замечая кристалла, словно он больше не интересовал их, словно у него была своя задача, которую он выполнил и больше не был нужен. В них было что-то странное, нет, не странное – необычное.

– Ты, наверное, голоден, – обратилась к Джонни тетя Эм. – Я приготовлю тебе поужинать. Хочешь яичницы?

Джонни проглотил слюну и кивнул.

Дядя Эб снова сел, не обращая на кристалл никакого внимания.

– Знаешь, – сказал он, – я видел как-то в городе перочинный ножик, как раз такой, какой тебе нужен.

Джонни почти не слышал его. Он стоял замерев и прислушивался к потоку любви и нежности, заливавшему весь дом.

Поющий колодец

Открытый всем ветрам, начисто выметенный и вылизанный их дыханием гребень возносился к самому небу – словно и камни, и даже земля потянулись, приподнялись на цыпочки в тщетной попытке прикоснуться к недостижимому голубому своду. Отсюда открывались дальние горизонты, и даже ястребы, неустанно кружившие в поисках добычи над речной долиной, парили где-то внизу.

Но суть заключалась не в одной лишь высоте: над этой землей незримо витал дух древности, напоив воздух ароматом времени и ощущением родства с шагающим здесь человеком, будто этот грандиозный гребень обладал собственной личностью и мог поделиться ею с пришельцем. И ощущение этой личности пришлось человеку как раз впору, оно окутывало душу словно теплый плащ.

Но в то же самое время в глубине памяти идущего продолжало звучать поскрипывание кресла-качалки, в котором горбилась маленькая сморщенная старушка. Несмотря на возраст, энергия не покидала ее, хотя годы иссушили и согнули некогда стройный стан, превратив его обладательницу в крохотное изможденное существо, почти слившееся со своим креслом. Ноги старой дамы покачивались в воздухе, не доставая до пола, как у забравшегося в прадедушкину качалку ребенка, и тем не менее она ухитрялась качаться, не останавливаясь ни на секунду. «Черт побери, – удивлялся Томас Паркер, – как ей это удается?»

Гребень кончился; пошли известняковые скалы. Отвесным обрывом вздымаясь над рекой, они сворачивали к востоку, огибали крепостным валом речную долину и ограждали гребень от ее глубин.

Обернувшись, Томас поглядел вдоль гребня и примерно в миле позади увидел ажурные контуры ветряка, обратившего свои огромные крылья на восток – вслед человеку. Заходящее солнце превратило крутящиеся лопасти в серебряный вихрь.

Ветряк обязательно побрякивает и громыкает, но сюда его тараторка не доносилась из-за сильного западного ветра, заглушающего своим посвистом все остальные звуки. Ветер неустанно подталкивал человека в спину, трепал полы его незастегнутого пиджака и обшлага брюк.

И хотя слух Томаса был заполнен говором ветра, на дне его памяти по-прежнему поскрипывало кресло, раскачивающееся в комнате старого дома, где изящество прошлых времен неустанно ведет войну с бесцеремонным вторжением настоящего, где стоит камин из розового кирпича с выбеленными швами кладки, а на каминной полке – старинные статуэтки, пожелтевшие фотографии в деревянных рамках и приземистые вычурные часы, отбивающие каждую четверть; вдоль стен выстроилась кряжистая дубовая мебель, на полу – истоптанный ковер. Эркеры с широкими подоконниками задрапированы тяжелыми шторами, материал которых за многие годы выгорел до неузнаваемости. По стенам развешаны картины в массивных позолоченных рамах, а в комнате царит глубокий сумрак, и невозможно даже угадать, что же там изображено.

Работница на все руки – компаньонка, служанка, ключница, сиделка и кухарка – внесла поднос с чаем и двумя блюдами; на одном высилась горка бутербродов с маслом, на другом разложены небольшие пирожки. Поставив поднос на столик перед качалкой, служанка удалась обратно в сумрак таинственных глубин древнего дома.

– Томас, – надтреснутым голосом сказала старая дама, – будь любезен, налей. Мне два кусочка, сливок не надо.

Он неуклюже встал с набитого конским волосом стула и впервые в жизни принялся неловко разливать чай. Ему казалось, что следует проделать это грациозно, с изяществом и

этаким шармом галантности, – но чего нет, того нет. Он пришел из иного мира и не имеет ничего общего ни с этим домом, ни со старой дамой.

Его сюда вызвали, и притом весьма категорично, коротенькой запиской на похрустывающем листке, от которого исходил слабый аромат лаванды. Почерк оказался куда более уверенным, чем можно было предполагать, – каждая буква полна изящества и достоинства, привитых старой школой каллиграфии.

«Жду тебя, – значилось в записке, – 17-го после полудня. Необходимо кое-что обсудить».

В ответ на этот долетевший с расстояния в семьсот миль призыв прошлого Томас погнал свой громыхающий, потрепанный и облупившийся фургончик через полыхающие осенним пожаром красок холмы Старой Англии.

Ветер цеплялся за одежду и подталкивал в спину, крылья ветряка крутились вихрем, а внизу, над рекой, виднелся маленький темный силуэт парящего ястреба. «И снова осень, – подумалось Томасу, – как и тогда. И снова уменьшенные перспективой деревья в речной долине. Только это иная река и другие деревья».

На самом гребне не выросло ни единого деревца – если, конечно, не считать небольших садиков вокруг прежних усадеб. Самих усадеб уже нет: дома или сгорели, или рухнули под напором ветра и прошедших лет. Наверно, давным-давно здесь шумел лес, но если он и был, то больше века назад пал под ударами топора, чтобы уступить место пашне. Поля сохранились, однако уже десятки лет не знают плуга.

Стоя у края гребня, Томас глядел назад, на пройденный за день путь. Он прошагал многие мили, чтобы исследовать гребень, хотя и не понимал зачем; все это время его будто гнала какая-то нужда, до нынешнего момента даже не осознаваемая.

Его предки жили на этой земле, измеряли шагами каждый ее фут, находили здесь стол и кров, завещали ее своим потомкам и знали так, как не дано познать за несколько коротких дней. Знали – и все-таки покинули, гонимые некоей неведомой напастью. Вот это как раз и странно. Что-то здесь явно не так. Сведения на сей счет, достигшие ушей Томаса, чрезмерного доверия не внушали. Да нечего тут опасаться, наоборот, этот край располагает к себе. Он привлекает и близостью к небесам, чистотой и свежестью ветра, и ощущением родства с землей, с камнями, с воздухом, с грозой... Да, пожалуй, с самим небом.

Здесь остались следы его предков – последних ходивших по этой земле до него. Многие миллионы лет по гребню бродили неведомые, а то и невообразимые твари. Этот край не менялся чуть ли не с времен Сотворения мира; он стоял как часовой – оплот постоянства среди вечно меняющейся земли. Его не вздыбили перипетии горообразования, не утюжили ледники, не заливали моря – многие миллионы лет стоял он сам по себе, не меняясь ни на йоту, и лишь неизбежное выветривание едва уловимо коснулось его облика мягкой кистью.

Томас сидел в появившейся из прошлого комнате, а напротив покачивалась в скрипучем кресле старая дама. Даже прихлебывая чай и деликатно покусывая миниатюрный бутерброд с маслом, она не останавливала свое покачивание ни на миг.

– Томас, – старческим надтреснутым голосом сказала старушка, – для тебя есть работа. Ты обязан ее сделать, только тебе это по плечу. Результат чрезвычайно важен для меня.

Подумать только, чрезвычайно важен – и не для кого-нибудь, а именно для нее! И притом совершенно все равно, будет ли этот результат важен или не важен хотя бы для еще одного человека. Ей важно, а на остальное плевать.

Решительный настрой старой дамы в качалке оказался настолько забавным, что затмил старомодную неуместность этой комнаты, этого дома и этой женщины.

– Да, тетушка? Какая работа? Если я с ней справлюсь...

– Справишься, – отрубил она. – Нечего разыгрывать умника. Она вполне по силам тебе. Я хочу, чтобы ты написал историю нашей семьи, точнее, нашей ветви генеалогического древа

Паркеров. Паркеров в мире много, но меня интересуют лишь прямые предки. На побочные линии внимания не обращай.

– Н-но, тетушка, – запинаясь от удивления, возразил Томас, – на это могут уйти годы.

– Твои занятия будут оплачены. Раз уж ты пишешь книги на другие темы – почему бы не написать историю семьи? Только-только вышла в свет книга по палеонтологии, над которой ты корпел не меньше трех лет. А до того были труды по археологии – о доисторических египтянах, о караванных путях Древнего мира. Ты писал даже о древнем фольклоре и суевериях, и, если хочешь знать, более глупой книжонки я в жизни не читывала. Ты с оттенком пренебрежения называешь свои труды научно-популярными, но тратишь на них уйму времени и сил, беседуешь с множеством людей, роешься в пыльных архивах. Мог бы постараться и ради меня.

– Но такую книгу никто не издаст, это никому не интересно.

– Мне интересно, – резко проскрипела она. – К тому же речь об издании и не идет. Мне просто хочется знать, Томас, откуда мы вышли, что мы за люди, – словом, кто мы такие. Твою работу я оплачу, я настаиваю на этом условии. Я тебе заплачу... – И она назвала сумму, от которой Томас едва не охнул. Такие деньги ему и не снились. – И плюс накладные расходы. Ты обязан тщательно записывать все свои затраты.

– Но, тетушка, это можно сделать куда дешевле, – вкрадчиво возразил он. Ясное дело, старушка выжила из ума и перечить не стоит. – Например, нанять специалистов по генеалогии. Выяснение семейных историй – их хлеб.

– Я нанимала, – фыркнула дама, – и предоставлю результаты в твоё распоряжение. Это облегчит задачу.

– Но раз ты уже...

– Их изыскания внушают мне подозрения. Там не все чисто, то есть мне так кажется. Они очень стараются угодить, отработывая свой гонорар, и польстить заказчику. Стремятся подсластить пилюлю, Томас. Взять хотя бы поместье в Шропшире, о котором они толкуют, – что-то я сомневаюсь в его существовании, очень уж это слащавое начало. Я хочу знать, имелось ли таковое на самом деле. Далее. В Лондоне жил купец – говорят, торговал скобяными изделиями. Мне этого мало, хочу знать о нем больше. Даже сведения, собранные здесь, в Новой Англии, кажутся не очень ясными. И еще одно, Томас: не упомянут ни один конокрад, ни один висельник. Если таковые имелись, я хочу знать о них.

– Но зачем, тетушка? К чему столько хлопот? Если эта книга и будет написана, ее никогда не издадут. О ней будем знать лишь ты да я. Я отдам тебе рукопись, и этим все закончится.

– Томас, – сказала она, – я старая слабоумная маразматичка, и в запасе у меня лишь несколько лет слабоумия и маразма. Не заставляй меня прибегать к мольбам.

– Меня не надо умолять. Мои руки, моя голова и моя пишущая машинка работают на того, кто платит. Просто мне непонятно, к чему это.

– Тебе незачем понимать. Я своевольничала всю жизнь – уж позволь мне и напоследок чудить по-своему.

И наконец дело доведено до конца. Долгая череда Паркеров привела Томаса на этот высокий, продуваемый всеми ветрами хребет с громыхающим ветряком и рошицами вокруг заброшенных усадеб, с давным-давно не паханymi полями и чистым родничком, рядом с которым так уютно приткнулся фургончик.

Остановившись у скал, Томас поглядел вниз, на каменную осыпь склона, кое-где перемежавшуюся небольшими рошицами белоствольных берез. Некоторые валуны на осыпи были размером с добрый амбар.

Странное дело – если не считать садов на месте жилья, никакие деревья, кроме берез, здесь не растут; да и осыпь – единственная на весь гребень. Если бы ледники заходили сюда, появление валунов можно было бы списать на их счет, но дело в том, что в Ледниковый период прошедшие весь Средний Запад грозные ледовые поля остановили свое продвижение севернее

здешних мест. По каким-то неведомым доселе причинам льды шадили этот край, на много миль окрест сделавшийся оазисом покоя; они огибали его с двух сторон и снова смыкались на юге.

«Должно быть, – решил Томас, – раньше там был выход скальной породы, ныне превращенной выветриванием в каменную осыпь».

И он стал спускаться по склону к поросшей березами осыпи – просто так, без всякой цели.

Вблизи валуны выглядели ничуть не менее внушительно, чем с вершины. Среди нескольких крупных камней было разбросано множество мелких осколков, видно отколовшихся под действием морозов и вешних вод, не без помощи жарких лучей солнца.

«Грандиозная площадка для игр, – улыбнулся Томас, пробираясь среди валунов, перескакивая через трещины и осторожно преодолевая промежутки между ними. – Детская фантазия сразу же нарисует здесь замки, крепости, горы...»

Веками среди камней накапливались принесенная ветром пыль и опавшая листва, образуя почву, в которой пустили корни многочисленные растения, в том числе и стоявшие в цвету астры и золотарник.

Посреди осыпи виднелось подобие пещеры: два больших валуна смыкались своими верхушками в восьми футах от земли, образуя нечто вроде наклонных сводов тоннеля футов двенадцати длиной и шести шириной. Посреди тоннеля высилась груда камешков. Должно быть, какой-то малыш много лет назад собрал и спрятал их здесь как воображаемое сокровище.

Подойдя туда, Томас наклонился и зачерпнул горсть камешков, но, коснувшись их, понял, что камни-то не простые. На ощупь они казались скользкими, будто отполированными, и чуточку маслянистыми.

С год или чуть более назад в каком-то музее на Западе – кажется, в Колорадо, а может, и нет – ему впервые довелось увидеть и подержать в руках такие камешки.

– Гастролиты, – пояснил бородатый хранитель, – зобные камни. Мы полагаем, что они содержались в желудках травоядных динозавров, но не исключено, что и всех динозавров вообще. Точно не известно.

– Вроде тех, что находят в зобу у кур?

– Вот именно. Куры склевывают мелкие камешки, песок и кусочки ракушек, чтобы те помогли им в пищеварении, – ведь куры глотают корм, не разжевывая. Камушки в зобу берут на себя роль зубов. Есть вероятность, надо сказать – весьма высокая, что динозавры поступали подобным же образом, проглатывая камни. Эти камни они носили в себе, тем самым шлифуя их, всю жизнь и после смерти...

– Но откуда жир? Маслянистое ощущение?

– Неизвестно. – Хранитель покачал головой. – Может, это жир динозавров, впитанный камнями за годы пребывания в желудке?

– А никто не пытался его снять, чтобы выяснить, так ли это?

– По-моему, нет, – ответил тогда хранитель.

И вот теперь, здесь, в этом тоннеле или как его там, – груда зобных камешков.

Присев на корточки, Томас отобрал с полдюжины камешков покрупнее, размером с куриное яйцо, чувствуя, как в душу исподволь закрадывается древний атавистический страх, уходящий корнями в столь глубокое прошлое, что давно должен бы и вовсе позабыться.

Много миллионов лет назад – быть может, целых сто миллионов – сюда приполз умирать то ли больной, то ли раненый динозавр. С той поры плоть его исчезла, кости обратились в прах, и лишь груда камешков, таившихся в чреве доисторического чудовища, отметила место его последнего упокоения.

Зажав камни в кулаке, Томас присел на корточки и попытался мысленно воссоздать разыгравшуюся когда-то драму. Здесь, на этом самом месте, дрожащий зверь свернулся клуб-

ком, стремясь забиться от опасности как можно глубже в каменную нору, подвывая от боли, захлебываясь от слабости собственным дыханием. Здесь он и умер. А потом пришли мелкие млекопитающие, чтобы суетливо утолить свой голод плотью погибшего исполина...

«А вроде бы здешние края не назовешь страной динозавров, – подумал Томас. – Здесь не увидишь охотников до раскопок, приехавших в поисках любопытных окаменелостей». Разумеется, динозавры жили и тут, но не было геологических потрясений, которые могли бы похоронить их и сберечь останки для грядущих исследователей. Но если останки все-таки где-то захоронены, то они в полной сохранности – ведь сокрушающие все на своем пути ледники не могли ни разрушить, ни укрыть их толстым слоем земли, как это случилось со многими реликтами.

Зато здесь, среди валунов, уцелело место последнего приюта одного из ушедших навеки существ. Томас попытался представить, как это исчезнувшее существо выглядело при жизни, но не преуспел в этом. Динозавры очень разнообразны; окаменелые останки некоторых из них дошли до нас, но многие нам и не снились.

Он сунул камешки в карман пиджака, выполз из тоннеля и зашагал обратно. Солнце совсем опустилось, и зубчатый силуэт холмов далеко на западе рассекал сияющий диск почти пополам. Ветер перед сумерками совсем стих, и гребень затаился в настороженной тишине. Ветряк приглушил свое громохание и лишь тихонько постукивал при каждом обороте лопастей.

Не дойдя до ветряка, Томас свернул вниз, к устью сбегавшего к реке глубокого оврага, где возле родника под сенью раскидистого осокоря белел в наступающих сумерках его фургончик. Лепет пробивающихся из склона струй был слышен уже издали. В лесу ниже по склону раздавалось попискивание устраивающихся на ночлег птиц.

Томас раздул почти угасший костер, приготовил ужин и сел у огня, думая о том, что настала пора уезжать. Работа сделана: он проследил долгий путь Паркеров до конца, до этого самого места, где вскоре после Гражданской войны Нэд Паркер решил основать ферму.

Поместье в Шропшире действительно существовало – но заодно Томас выяснил, что лондонский купец торговал шерстью, а не скобяными изделиями. Конокрадов, висельников, предателей – вообще каких-либо мерзавцев – в роду не обнаружилось. Паркеры оказались простыми трудягами, не способными ни на возвышенные, ни на низкие поступки, потихоньку влачившими заурядное существование честных йоменов и честных торговцев, возделывавших свои небольшие участки и вступающих в мелкие сделки. В конце концов они все-таки преодолели океан и прибыли в Новую Англию – но не в числе пионеров, а среди поселенцев. Кое-кто из Паркеров принял участие в Войне за независимость, но ничем не отличился. Та же участь постигла и участников Гражданской войны.

Естественно, попадались и заметные, хоть и не выдающиеся, исключения, например Молли Паркер, позволявшая себе чересчур вольные высказывания в адрес кое-кого из соседей и приговоренная за свой длинный язык к позорному стулу. Или Джонатан, осужденный на ссылку в колонии за недомыслие и безнадежные долги. Имелся и некий Тедди Паркер, вроде бы церковнослужитель (тут сведения несколько расплывчаты), затеявший долгую и мучительную тяжбу со своим собственным прихожанином по поводу спорных прав церкви на пастбище.

Но все эти персонажи не стоили и упоминания, оказавшись едва заметными пятнышками на безупречно чистом знамени племени Паркеров.

Пора уезжать. Путь семьи Паркер – по крайней мере, путь прямых предков Томаса и его престарелой тетушки – пройден и выверен вплоть до этого высокого гребня. Найдена прежняя усадьба: дом сгорел много лет назад, и местоположение жилища отмечено лишь погребом, успевшим за десятилетия заполниться различным хламом. Томас осмотрел ветряк и постоял у поющего колодца, хотя колодец так и не спел.

«Пора», – думал он без всякого энтузиазма, чувствуя странное нежелание уходить куда-то прочь от этих мест, словно должно произойти еще что-то, словно можно узнать нечто новое, – хотя, конечно, все это глупости.

Быть может, он просто влюбился в этот высокий, насквозь продуваемый холм, подпал под то же неуловимое очарование, что в свое время и прапрадед? Томасу вдруг показалось, что он наконец отыскал то единственное место на земле, куда всю жизнь звало его сердце, и ощутил привязанность к этой земле, видимо восходившую к его корням и питаемую ими.

Но это же нелепость. Он ничем не связан с этим местом, а голос тела, подхлестываемого какими-то фокусами биохимии, всего лишь заблуждение. Можно задержаться еще на денек-другой, отдав тем самым должное чувству привязанности, а там оно и само пройдет, и здешние чары утратят всякое волшебство.

Он сдвинул угли в кучу и подбросил дров. Дерево дружно занялось, и вскоре костер весело полыхал. Откинувшись на спинку походного кресла, Томас уставился во тьму, за пределы освещенного огнем круга. Там затаились какие-то тени, выжидательно замершие силуэты – конечно, это всего лишь куст, сливовое деревце или заросли орешника. Восточный небосвод озарился, предвещая восход луны. Пришедший на смену вечернему затишью ветерок зашеле-стел листвою осеняющего бивак раскидистого осокоря.

Томас попытался сесть поудобнее. Лежащие в кармане пиджака зубные камни больно впились в бок.

Он сунул руку в карман, вытащил гладкие камешки и разложил на ладони, чтобы получше рассмотреть их в свете костра. Поблескивая в сполохах костра, камни на вид и на ощупь напоминали бархат. Речная галька никогда не бывает такой. Поворачивая камешки с боку на бок, Томас обнаружил, что все углубления и вмятинки отполированы ничуть не хуже, чем остальная поверхность.

Речная галька полируется под воздействием песка, когда вода омывает ее или катит по дну. Зубные же камни получили свой блеск благодаря трению друг о друга под напором крепких мускулов желудка динозавра. Должно быть, был там и песок – ведь неразборчивый динозавр выдергивал растения из песчаного грунта и заглатывал их вместе с налипшими комочками почвы и песчинками. И год за годом камни подвергались непрерывной полировке.

Заинтересованный Томас продолжал медленно поворачивать камни свободной рукой, и вдруг на одном из них вспыхнул яркий блик. Стоило повернуть его обратно, и блик вспыхнул снова – на поверхности была какая-то неровность.

Убрав два других камня в карман, Томас наклонился вперед и занялся пристальным изучением оставшегося камня, поднеся его к свету и повернув так, чтобы неровность была хорошо освещена. На поверку она походила на строку текста, вот только письмена оказались весьма диковинными, да и нелепо полагать, будто во времена глотавших камни динозавров могла существовать письменность. Разве что недавно, этак с век назад, кто-нибудь... Да нет, чепуха. Оба объяснения никуда не годятся.

Зажав камень в ладони, он отправился в фургончик, пошарил в ящике стола и отыскал небольшую лупу. Затем зажег керосиновую лампу, поставил ее на стол и в ярком свете поднес к письменам увеличительное стекло.

Пусть и не письмена, но что-то все-таки было выгравировано, и штрихи выглядели такими же заплывшими и гладкими, как и остальная поверхность. Так что люди тут ни при чем. Появиться естественным образом гравировка тоже не могла. Мерцание лампы мешало разглядеть письмена во всех подробностях: там было что-то наподобие двух треугольников – один вершиной кверху, другой вершиной книзу, – соединенных посерединке кудреватой линией.

Разглядеть доскональное оказалось просто невозможно. Гравировка (если это все-таки она) была настолько тонкой и мелкой, что детали оставались неразличимыми даже под лупой.

Может, более мощная лупа открыла бы взору еще что-нибудь, но таковой в багаже Томаса не нашлось.

Оставив камень на столе, Томас вышел наружу и, уже спускаясь по лесенке, ощутил какую-то перемену. Он тут же замер. И прежде во мраке прорисовывались черные тени – заросли орешника и мелких деревьев, но теперь тени стали крупнее и пришли в движение. К сожалению, зрение было не в состоянии выявить определенные формы, хотя порой и улавливало какое-то движение.

«Это просто безумие, – твердил он себе, – нет там ничего. В крайнем случае корова или бычок». Ему говорили, что нынешние владельцы земли порой отпускают скотину на вольный выпас, а по осени сгоняют ее в загоны. Но за время прогулок по гребню Томас не встретил ни одного животного, а оно непременно дало бы о себе знать. Кроме того, прохаживаясь вокруг, оно стучало бы копытами и сопело, обнюхивая листья и траву.

Вернувшись к костру и усевшись в кресло, Томас поднял палку и поправил развалившиеся поленья, а затем устроился поудобнее, уверяя себя, что слишком давно живет кочевой жизнью, чтобы позволить тьме будить воображение, – но уверения цели не достигли.

Пусть за кругом света ничто не шевелилось – вопреки его самоуверениям и напускному спокойствию во тьме все равно ощущалось некое присутствие. Словно вдруг в мозгу проснулось какое-то новое, доселе неведомое и ни разу не проявлявшееся чувство. Удивительно, как много неожиданных способностей и возможностей еще скрывает человеческий мозг.

А огромные черные силуэты продолжали потихоньку передвигаться, вяло переползая на дюйм-другой и останавливаясь – постоянно на периферии зрения, у границы светлого круга, за пределами видимости.

Томас замер. Мышцы его одеревенели, натянутые нервы вибрировали, как струны, напряженный слух пытался уловить хоть один выдающийся их звук, но силуэты двигались беззвучно, да и само их движение можно было лишь ощутить, а не увидеть.

Новое, неведомое доселе чувство подсказывало, что в темноте кто-то есть, в то время как разум всеми силами протестовал против такого предположения. Все это бездоказательные выдумки, твердила рациональная часть сознания. Доказательства и не нужны, возражала другая часть, есть просто знание.

Тени все надвигались, сбиваясь в кучу, ибо прибывали во множестве, двигаясь без единого звука, с предельной осторожностью, и брошенная во тьму щепка легко попала бы в них.

Но Томас не стал ничего бросать, оцепенев в кресле. «Я их переупрямлю, – мысленно повторял он. – Я их переупрямлю. Ведь это мой костер, моя земля. Я имею полное право оставаться здесь сколько захочу».

Пытаясь разобраться в своих чувствах, он не обнаружил в себе паники, отнимающего разум и силу ужаса – хотя честно признал, что все-таки напуган. А заодно – вопреки собственным утверждениям – усомнился в своем праве находиться здесь. Развести костер ему никто не может запретить, ибо это чисто человеческая привилегия, огнем пользуется лишь человек. А вот земля – дело другое. Претендовать на нее вполне могут иные владельцы, обладавшие ею с древнейших времен по праву первенства.

Костер прогорел. Над горизонтом взошла почти полная луна, озарившая окрестности неярким, мертвенным сиянием, и в этом призрачном свете стало видно, что вокруг кострища никого нет. Однако, взглядевшись пристальнее, Томас сумел различить некое подобие подвижной массы в росшем внизу лесу.

Ветер усилился, издали донеслась тараторка ветряка. Оглянувшись через плечо, Томас попытался разглядеть его, но света было слишком мало.

Напряжение понемногу отпускало, и Томас в недоумении принялся гадать: «Что же, черт возьми, произошло? Фантазию мою буйной не назовешь, духов я никогда не вызывал. Нет сомнений, произошло нечто непонятное – но как это истолковать?» В том-то и загвоздка –

никаких толкований он давать не собирался, предпочитая, как и раньше, оставаться независимым наблюдателем.

Зайдя в фургончик, он взял там бутылку виски и вернулся к огню, не утруждая себя поисками стакана. Затем вытянулся на стуле и, взяв бутылку за горлышко, поставил ее на живот, кожей ощутив прохладное круглое доньшко.

И тогда ему вспомнился разговор со старым негром, состоявшийся как-то раз в глуши Алабамы. Они сидели на покосившемся крыльце ветхого опрятного домика, под сенью ветвей падуба, защищавшего двор от жаркого послеполуденного солнца. Старик удобно расположился в кресле, покручивая палку между ладонями, так что ее крючкообразная рукоятка безостановочно вращалась.

– Ежели вы намерены написать свою книгу, как оно следует быть, – говорил чернокожий старик, – вам не нужно останавливаться на нечистом. Напрасно я это говорю, да раз уж вы обещали не упоминать моего имени...

– Ни в коем случае, – подтвердил Томас.

– Я был проповедником долгие годы и за это время узнал о нечистом очень многое. Я сделал его козлом отпущения, я запугивал им людей. «Ежели будете скверно себя вести, – говаривал я, – то он, дух нечистый, поволочет вас за ноги по длинной-предлинной лестнице, а ваши головы будут биться о ступени, а вы будете вопить, рыдать и молить о пощаде. Но он, дух нечистый, не обратит на ваши мольбы никакого внимания, не станет даже слушать – просто протащит по лестнице да и швырнет в геенну». Нечистый прекрасно укладывается у них в головах, они год за годом слышат о нечистом, знают, каков он собой, и знакомы с его манерами...

– И был какой-нибудь толк? – поинтересовался Томас. – В смысле, от запугивания дьяволом.

– Кто его знает. Сдается мне, что да. Порой. Не всегда, но порой помогало. Словом, стоило постараться.

– Но мне-то вы сказали, что надо глядеть глубже, не останавливаясь на нечистом.

– Вам, белым, этого не понять, а у нас, у моего народа, это в крови. Вы ушли чересчур далеко от джунглей. А мы всего несколько поколений как из Африки.

– То есть...

– То есть оно значит, что вам надобно вернуться. Назад, во времена, где людей вообще не было. Назад, в древние эпохи. Нечистый – это христианское воплощение зла. Ежели хотите, это зло добропорядочное, бледная тень настоящего, седьмая вода на киселе по сравнению с ним. Он достался нам из Вавилона да Египта, но даже вавилоняне и египтяне забыли, а то и не знали, что есть зло настоящее. Нечистый, скажу я вам, лишь жалкая кроха идеи, его породившей, смутный отблеск зла, какое ощущали давние люди. Не видели, а то и есть, что ощущали – в те дни, когда высекали первые каменные топоры да носились с идеей огня.

– Так вы утверждаете, что зло существовало и до человека? Что духи зла не являются порождением нашей фантазии?

Старик чуточку кривовато, не теряя серьезности, усмехнулся.

– И почему это люди возлагают всю ответственность за зло лишь на себя?

Томас вспомнил, как приятно провел тот вечер, посиживая на крыльце в тени падуба, болтая со стариком и потягивая бузинное вино. Эта беседа не единственная, были и другие – в разное время, в разных местах, с разными людьми. И рассказы этих людей привели к написанию короткой и не очень убедительной главки о том, что образцом для создания духов зла, которым поклонялось человечество, послужило зло первородное. Как ни странно, раскупалась книга хорошо, ее все еще переиздают. Все-таки она стоила потраченных сил; но удачнее всего то, что удалось выйти сухим из воды и безболезненно выкрутиться. Ведь сам Томас не верил

ни в черта, ни в дьявола, ни во что иное – хотя многие читатели не подвергали их существование ни малейшему сомнению.

Угли дотлевали, бутылка изрядно опустела. Луна поднялась по небосклону, и ее свет смягчил резкие контуры окружающего пейзажа. «Ладно, – решил Томас, – завтрашний день проведу здесь – и поеду. Работа тетушки Элси завершена».

Оставив стул у костра, он отправился спать и, уже засыпая, снова услышал поскрипывание тетушкиной качалки.

Наутро, позавтракав, он снова отправился на гребень к усадьбе Паркеров, рядом с которой во время своего первого обхода окрестностей задержался лишь ненадолго.

Возле погребца рос могучий клен. Томас палкой разворошил суглинок – под ним обнаружился слой углей, делавший почву похожей на чернозем.

Неподалеку виднелись заросли розмарина. Сорвав несколько листиков, он растер их между пальцами, ощутив сильный запах мяты. К востоку от погребца доживали свой век несколько уцелевших яблонь. Ветки их были изломаны ветром, но деревья еще ухитрились плодоносить, давая мелкие, похожие на дички, яблоки. Томас сорвал одно и впился в него зубами. Рот наполнился забытым вкусом – теперь таких яблок уже не найдешь. Отыскались в саду и грядка ревеня в полном цвету, и несколько засыхающих кустов роз, покрытых дожидающимися зимних птиц алыми ягодами, и заросли ирисов, разросшихся столь густо, что клубни выпирали на поверхность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.